

Российская академия наук
Институт социально-экономического развития территорий РАН
Институт философии РАН
Центр изучения социокультурных изменений
Правительство Вологодской области
Череповецкий государственный университет
Филиал Санкт-Петербургского государственного экономического университета в г. Вологде

ЭВОЛЮЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ И СТРАТЕГИИ ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

**Материалы
IX Всероссийской научно-практической конференции
по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»
(г. Вологда, 23–26 октября 2013 г.)**

В трёх частях

Часть вторая

Вологда
2013

УДК 332.146.2
ББК 65.49
Э15

Публикуется по решению
Ученого совета ИСЭРТ РАН

Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации [Текст] : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. по прогр. «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Вологда, 23 – 26 октября 2013 г. : в 3-х частях. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. – Ч. II. – 232 с.

Редакционная коллегия:

Н.И. Лапин, член-корреспондент РАН (председатель),
Л.А. Беляева, доктор социологических наук,
В.А. Ильин, доктор экономических наук,
Н.А. Касавина, кандидат философских наук (ученый секретарь),
Е.А. Когай, доктор философских наук,
М.А. Ласточкина, кандидат экономических наук (координатор),
Г.Ф. Ромашкина, доктор социологических наук,
А.А. Шабунова, доктор экономических наук

В сборнике, состоящем из трех частей, представлены материалы IX Всероссийской научно-практической конференции «Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации» по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», проходившей в Вологде 23 – 26 октября 2013 г.

Часть первая: доклады пленарного заседания и секции №1.

Часть вторая: материалы секции №2.

Часть третья: материалы круглых столов №1 – 4.

Сборник содержит свыше 100 текстов, подготовленных научными сотрудниками и преподавателями НИИ и университетов из 32-х регионов России, а также из Украины и Беларуси. Впервые в центр внимания выдвинуты проблемы формирования стратегии социокультурной модернизации регионов России, а также рассмотрены факторы сбалансированности ее процессов. Специальное внимание уделено инновационному развитию регионов, проблемам их конкурентоспособности, роли молодежи в их развитии, использованию компьютерной информационной системы «Модернизация», созданной в ИСЭРТ РАН.

Для научных работников, преподавателей вузов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности, СМИ и всех интересующихся вопросами социокультурной модернизации России и ее регионов.

Тексты выступлений приводятся в авторской редакции.

*Проведение конференции и издание сборника ее материалов
осуществлены при финансовой поддержке Российского гуманитарного
научного фонда (РГНФ), проект № 13-02-14033г*

ISBN 978-5-93299-237-1
ISBN 978-5-93299-233-3 (общ.)

© ИСЭРТ РАН, 2013

СЕКЦИЯ №2

Факторы социокультурной сбалансированности модернизации регионов России

И.И. Бойко, В.Г. Харитонова,
Чебоксары

Социальное самочувствие жителей Чувашии как фактор социокультурной модернизации*

Социальное самочувствие граждан определяется Н.И. Лапиным, автором теории антропосоциентального подхода, в качестве комплексного фактора при исследовании регионов как социокультурных сообществ. В свою очередь, социальное самочувствие является одним из компонентов композитного фактора «Человек», который вместе с тремя другими («Культура», «Социально-экономические условия», «Власть») дает возможность выявлять уровни социокультурной типологии регионов страны [2, с. 36-38].

Рассмотрим далее три составляющих социального самочувствия граждан, определенных в рамках методики по изучению социокультурных портретов регионов, выявим их зависимость от ряда факторов и определим величины соответствующих коэффициентов как для всех респондентов, так и для тех из них, кто за последние 12 месяцев принимал участие в создании каких-либо новшеств. Следовательно, если вести речь об отношении к модернизации, эту категорию опрошенных в определенном смысле можно характеризовать как инноваторов, то есть лиц, стремящихся сделать что-то новое. Их характеристику по полу, возрасту и другим показателям мы оставляем за рамками данной статьи, речь пойдет о некоторых итоговых показателях, выраженных в величинах определенных коэффициентов. Материалы для анализа получены в ходе повторного обследования в рамках программы «Социокультурный портрет регионов России», выполненного в 2012 г. (первое исследование проведено в 2006 г.).

Во-первых, о защищенности населения от различных опасностей.

По нашему убеждению, Чувашия сохранила за прошедшее время свое положение как один из безопасных регионов России, хотя показатель коэффициента защищенности от опасности (Кз) в 2012 г. оказался ниже, чем в 2006 г.: 0,63 против 0,67. Практически по всем измеряемым видам

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №12-03-00232.

опасности произошло снижение доли тех, кто чувствовал себя защищенным от них в той или иной мере. По мнению респондентов, наибольшую степень опасности представляли: произвол чиновников – 56,8% (рост доли незащищенных по сравнению с уровнем 2006 г. на 18,5 процентного пункта); преступность – 54,4% (в 2006 г. показатель 50,5% был наиболее высоким с точки зрения незащищенности граждан); бедность – 52,5% (рост на 5,4 пункта); произвол правоохранительных органов – 38,7% (рост на 8,2 пункта); экологическая угроза – 39,4% (рост на 0,7 пункта); одиночество и заброшенность – 33,6% (снижение на 4,1 пункта).

При этом жители городских населенных пунктов острее воспринимают проблемы произвола чиновников, правоохранительных органов, преступности, бедности по сравнению с сельскими респондентами, однако в большей степени чувствуют себя защищенными от таких опасностей, как притеснения из-за национальной принадлежности, религиозных убеждений, одиночества и заброшенности. Особенности распределения основных этнических групп населения по типам поселений показывают, что разница между чувашами и русскими по отношению к различным видам опасностей определяется не их этнической принадлежностью, а местом жительства – городом или деревней. На вопрос о защищенности от ущемления из-за национальности респондента ответы чувашей и русских достаточно близки, что вполне соответствует ситуации в межэтнических отношениях в Чувашии, по крайней мере, когда речь идет о старожильческом населении, то есть чувашах, русских, татарах, мордве и марийцах. Это в полной мере относится и к менее многочисленному старожильческому населению республики – украинцам, белорусам, башкирам и т.д. Если же учитывать проблемы, связанные с отношением к мигрантам, в первую очередь к представителям среднеазиатских и кавказских государств, а также жителям российских северокавказских республик, то выявляются сюжеты, которые выходят за рамки преобладающих межэтнических взаимоотношений и требуют специального рассмотрения.

У группы инноваторов Кз был немного выше, чем у остальных респондентов (0,64), но они, как и остальные граждане, отвечали, что менее всего защищены от преступности, чиновников, правоохранительных органов и бедности.

Проанализируем далее ответы на вопрос об уровне удовлетворенности респондентов своей жизнью (табл. 1), после чего подсчитаем величину соответствующего коэффициента (K_v).

Таблица 1. **Жители Чувашии об удовлетворенности своей жизнью в целом**
(в % от числа опрошенных, 2012 г.)

Уровень удовлетворенности	Всего	В том числе							
		Город	Село	Возраст			Национальность		Инноваторы
				18-24	25-44	45 и старше	Чуваши	Русские	
Полностью удовлетворен	13,1	13,4	12,7	15,2	12,7	12,8	13,6	12,2	17,5
Скорее удовлетворен	42,4	42,1	43	44,4	43,4	41,1	42,3	39,6	44,3
Затрудняюсь сказать точно	4,9	4,4	5,8	7,9	4,6	4,2	5,6	3,1	4,1
Не очень удовлетворен	34,4	34,1	34,8	27,2	33,1	37,7	33,5	38,4	30,9
Совсем не удовлетворен	4,7	5,7	3,2	5,3	5,7	3,8	4,5	5,9	3,1
Отказ от ответа	0,4	0,3	0,5	0	0,5	0,4	0,3	0,8	0

Отметим, что лишь менее 5% из числа респондентов затруднились определить свое отношение к данному вопросу. В то же время налицо разделение всего массива на две значительные части, большая из которых (55,5%) полностью или частично удовлетворена своей жизнью, а меньшая (39,1%) выбрала варианты «не очень удовлетворен» или «совсем не удовлетворен». Обращает на себя внимание отсутствие значимых различий между городским и сельским населением. Если иметь в виду ответы представителей трех возрастных когорт, то можно наблюдать больший уровень удовлетворенности у представителей молодежи в возрасте 18–24 лет. Собственно, это закономерно, поскольку определенную роль играет оптимизм, присущий молодости. Разница между ними и более старшими группами респондентов не велика и составляет около 5–7 процентных пунктов. Примерно такая же дистанция зафиксирована в ответах чувашей и русских, причем первые оказались более оптимистически настроены к своей жизни. Нет заметных различий и при ответах на этот вопрос среди мужчин и женщин. Инноваторы оказались той категорией, в которой доля удовлетворенных оказалась самой высокой и превысила рубеж в 69%.

Величина K_y равняется 0,64, что несколько ниже его значения в 2006 г. (0,68). Закономерно, что у инноваторов этот показатель был выше и равнялся 0,68.

Наконец, обратимся к вопросам, которые дают возможность определить среднее значение коэффициента социального оптимизма (K_o). Для этого необходимо проанализировать ответы на вопросы, позволяющие провести сравнение уровня жизни во время обследования с предыдущим годом и показать уровень уверенности применительно к будущему. Итак,

обратимся к ответам на вопрос: «Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?» В целом ситуация выглядит достаточно благополучно, особенно если учитывать последствия кризиса, начавшегося в 2008 г. Почти четверть респондентов (23,9%) ответили, что они стали жить намного или несколько лучше. Доля тех, кто сетовал на ухудшение жизни, оказалась почти в 2 раза меньше (13,2%), при этом выбрали вариант «стали жить намного хуже» 1,9% опрошенных. Самая большая часть жителей республики оказалась среди тех, кто посчитал, что ничего не изменилось (58,6%). Этот показатель вполне соответствует тому, что 55% опрошенных заявили, что кризис 2008–2010 гг. практически не повлиял на жизнь их семей. Следует также учитывать, что для части граждан произошло определенное привыкание к жизни в новых условиях, хотя оно и сопровождалось трудностями, иногда значительными.

Зависимость ответов на данный вопрос от поселенческих особенностей не просматривается. Разница между ответами жителей городов и сел не превышает двух процентных пунктов. Лишь только для выбравших вариант «ничего не изменилось» эта дистанция составляла 5,2 процентного пункта. Возрастные отличия проявились в том, что в когорте 25–44-летних каждые 3 человека из 10 отметили улучшение жизни, среди самых молодых (18–24 года) доля лиц, имеющих такое же мнение, была меньше и составляла почти четверть от их числа (23,5%). В то же время среди опрошенных, нижняя граница возраста которых была определена в 45 лет, доля оптимистически оценивающих перемены, произошедшие за год жизни, оказалась самой низкой – 18%. Дистанция между «пессимистами» (стали жить несколько и намного хуже) в различных возрастных группах оказалась не такой заметной, в первую очередь в силу того, что среди респондентов старших возрастов оказалась больше доля тех, кто считал, что за прошедшее время ничего не изменилось. Признаки пола и национальности не оказали заметного воздействия на ответы на данный вопрос. Инноваторы с этой точки зрения оказались более выраженными и оптимистами, и пессимистами: среди них почти 31% заявили об улучшении жизни в текущем году, а 18,5% – об ее ухудшении. Соответственно среди них заметно ниже доля тех, кто посчитал, что ничего не изменилось.

Ответы на два вопроса дали возможность выявить уровень уверенности респондентов в будущем в целом, а также с точки зрения улучшения жизни и их самих, и их семей.

В целом среди респондентов самой большой группой являются лица, уверенные в своем будущем в той или иной степени (табл. 2), хотя их доля несколько не доходит до уровня 50% (43,6%). Весьма высока и численность тех, кто сомневался в точном ответе, иначе говоря, в оценке своих перспектив в целом. Менее одной пятой населения (17,9%) было настроено пессимистично. Применительно к городской и сельской местности разница в ответах не дает основания для дифференциации населения по этому признаку, что вовсе не означает одинаковый уровень притязания в оценке своего будущего. Если вести речь о влиянии возраста на оценку своих перспектив, то следует отметить, что в первых двух возрастных группах оценки уверенности оказались примерно равными, что у старших зафиксировано отставание более чем на 10 процентных пунктов. Наверное, это закономерно, поскольку существуют хорошо известные проблемы с низкими пенсиями, отсутствием перспектив для карьерного роста на своих рабочих местах, переходом на другую работу и т.п.

Отмечена также некоторая разница в оценке будущего у мужчин и женщин, выразившаяся в небольшом проявлении оптимистических настроений у мужчин и пессимистических – у женщин. При этом разница составила около 5–7 процентных пунктов. Если же вести сравнение ответов на данный вопрос у русских и чувашей, то с большой уверенностью можно говорить об отсутствии у них каких-либо заметных отличий в оценке своего будущего. В группе инноваторов доля уверенных в своих перспективах выше, чем у всего массива, почти на 13 процентных пунктов.

Таблица 2. **Степень уверенности жителей Чувашии в своем будущем**
(в % от числа опрошенных, 2012 г.)

Степень уверенности	Всего	В том числе							Инноваторы
		Город	Село	Возраст			Пол		
				18–24	25–44	45 и старше	мужчины	женщины	
Вполне уверен	14,3	15,2	12,9	17,2	14,5	13,4	18,2	11,2	21,6
Скорее уверен, чем нет	29,3	29	29,7	32,5	33,9	24,9	29,9	28,7	35,1
Не могу сказать точно	38	36,2	40,8	34,4	36,6	40,5	37,3	38,6	24,7
Скорее не уверен, чем уверен	13,6	14,7	11,8	9,3	11,7	16,6	9,3	17,2	14,4
Совершенно не уверен	4,3	4,4	4,2	5,3	4,0	4,2	5,1	3,7	4,1
Отказ от ответа	0,5	0,5	0,5	1,3	0,3	0,4	0,2	0,7	0

Далее рассмотрим мнения респондентов о возможных изменениях в ближайшие годы уровня жизни как их самих, так и их семей (табл. 3). Около 28% респондентов полагают, что они и их семьи будут в ближайшие годы жить значительно или несколько лучше. Этот показатель на 16 процентных пунктов ниже, чем доля уверенных в той или иной мере в своем будущем. Подобная пропорция отмечается и при сравнении удельного веса тех, кто не уверен в своем будущем, и группой, полагающей, что жизнь станет хуже (17,9 и 9,9%). Кроме того, почти треть опрошенных считает, что ничего не изменится. Среди вариантов ответа на данный вопрос есть и такой, как «Не знаю», который, хотя и совсем незначительный, опередил вариант «Ничего не изменится». Таким образом, чуть более четверти респондентов полагают, что в их жизни произойдут перемены к лучшему, а для значительного большинства ближайшее будущее или ничего не изменит, или этот вопрос остается для граждан пока закрытым. Обращают на себя внимание практически одинаковые ответы у горожан и жителей села, что свидетельствует об отсутствии осязаемых перспектив для улучшения жизни у большинства респондентов.

Таблица 3. Жители Чувашии о перспективах своей жизни в ближайшие годы
(в % от числа опрошенных, 2012 г.)

Уровень жизни в ближайшие годы	Всего	В том числе					
		Город	Село	Возраст			Инноваторы
				18-24	25-44	45 и старше	
Значительно лучше	7,4	9,3	4,2	13,2	7,6	5,3	10,3
Несколько лучше	20,2	19,7	21	25,8	23,2	16,1	26,8
Ничего не изменится	31	31,4	30,2	20,5	28,9	35,9	22,7
Несколько хуже	8,1	8,5	7,4	6,6	5,4	10,6	11,3
Значительно хуже	1,8	1,8	1,9	1,3	1,1	2,5	3,1
Не знаю	31,3	28,8	35,3	32,5	33,5	29,2	25,8
Отказ от ответа	0,3	0,5	-	-	0,3	0,4	0

Более внятно фиксируется разная степень оптимизма у представителей различных возрастных групп, обусловленная в первую очередь наличием более высокого уровня оптимизма у представителей молодежной когорты. Распределение граждан по полу и этнической принадлежности весьма слабо связано с распределением ответов на данный вопрос. Группа инноваторов традиционно отличается более оптимистическим настроением.

Величина коэффициента социального оптимизма (K_o) на основе подсчета ответов на три вопроса равняется 0,66. Интегральный индекс социального самочувствия населения (I_{cc}) в 2012 г. оказался немного выше, чем в 2006 г. (табл. 4), и решающую роль при этом сыграла более высокая величина K_o . Величина коэффициента заметно превышает минимально достаточную (0,51), требующуюся для устойчивости сообщества [1].

Таблица 4. Индекс социального самочувствия населения Чувашии

Компоненты самочувствия, его индексы	2006	2012	
		Всего	Иноваторы
Защищенность от опасностей (K)	0,67	0,63	0,64
Удовлетворенность жизнью в целом (K_v)	0,68	0,64	0,68
Оптимизм (K_o)	0,56	0,66	0,67
Индекс социального самочувствия ($I_{\text{сп}}$)	0,63	0,64	0,66

Как было отмечено выше, основные демографические и этнические характеристики личности не оказывали заметного воздействия на оценки уровней защищенности личности от различных опасностей, удовлетворенность своей жизнью, ее оценку, ожидания и уверенность в своем будущем. Если подобная зависимость и отмечалась, то она не была очень заметной и определяющей.

При этом следует обратить особое внимание на причины слабой выраженности поселенческих особенностей. На наш взгляд, они кроются не столько в одинаковом понимании проблемных жизненных ситуаций, сколько в том, что оптимизм и уверенность в будущем в определенной мере базируется у жителей сельской местности Чувашии на заниженных самооценках. Доля же их в составе всего населения республики достаточно высока и составляет около 40%. Мы считаем, что данное обстоятельство в определенной мере может быть причиной реальной социокультурной разбалансированности, которая отчасти завуалирована характером ответов на вопросы обследования.

Если говорить об инноваторах, то следует заметить, что по всем отмеченным жизненным позициям их отношение отличалось в сторону большего оптимизма и уверенности, что и сказалось в конечном счете на величине индекса социального самочувствия. Другое дело, что их численность в масштабе всей выборки не превышает 10%, но этот показатель, наверное, и не может быть намного больше этой доли.

Важно, на наш взгляд, подкреплять подобную уверенность реальными экономическими, социальными и политическими действиями. Например, следует отметить положительную динамику такой стержневой установки социальной самооценки, как снижение патерналистских устремлений и понимание важности собственных усилий. В 2006 г. граждан, полагавших, что улучшение собственной жизни полностью или частично зависит от собственных усилий, насчитывалось 85%, в 2012 г. — 88,8%. Как видим, рост не выражен ярко, и это закономерно. Но заметим, что такой количественный показатель относится ко всем респондентам, а если отдельно взять инноваторов, то окажется, что 92,6% из их числа убеждены, что улучшение собственной жизни зависит от собственных усилий. По нашему мнению, данный показатель достиг уровня насыщения, в том числе и в общем массиве респондентов, ибо трудно ожидать в такой стране, как Россия, абсолютной убежденности и уверенности в своих силах от всего населения, даже если речь идет только об улучшении собственной жизни. Не случайно понимание того, что от действия властей, в первую очередь российских, зависит успех бизнеса и работы многих предприятий и учреждений, осталось на уровне 2006 г. (63–64%, инноваторы — 67,7%). Данные представления, в свою очередь, сдерживают мотивацию действий, направленных на улучшение жизни отдельных граждан.

Еще один важный фактор, на который следует обратить внимание, — уровень образования граждан и проблемы его использования. По этому поводу написано и сказано немало. Речь в том числе идет об эффективности образования, применении полученных знаний в непосредственной деятельности человека. Проблема его качества, переизбыток подготовки по некоторым направлениям и недостаток в других специальностях, в первую очередь инженерных и т.п., оставим за скобками нашей статьи. Если еще раз вернуться к некоторым вопросам, которые имеют отношение к социальному самочувствию граждан, и обратить внимание на влияние уровня образования на распределение ответов, то обнаружится, что образование не в меньшей степени, чем важнейшие демографические показатели и поселенческие особенности, а иногда и в большей, определяют характер ответов на поставленные вопросы. Например, проблема уверенности в своем будущем. Среди респондентов, имеющих общее среднее образование, вполне и скорее уверенных в своем будущем оказалась почти треть (32,8%), среди выпускников ПТУ — 37,9%,

техникумов – 42,9%, вузов – 53%. Обратная тенденция была не такой выраженной, отличия среди пессимистически настроенных граждан не были столь заметными, о чем свидетельствуют следующие цифры: скорее не уверены и совершенно не уверены в своем будущем среди выпускников школ 20,3%; среди тех, кто окончил ПТУ – 18,2%; техникум – 18,9% и вуз – 16,2%. Среди лиц с высшим образованием оказалась наименьшая доля тех, кто выбрал вариант ответа «не могу сказать точно» – 30,4%. Это высокий уровень неуверенности, но у выпускников средних специальных учебных заведений этот показатель составил 37,8%, ПТУ – 42,4% и школ – 46,9%. Иначе говоря, образование, при всех сегодняшних недостатках его качества, отсутствия тесной сопряженности с потребностями рынка и т.п., является одним из оснований для оптимистического взгляда в будущее.

Отмеченные соотношения имели место и при ответе на вопрос: «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?» Разная степень удовлетворенности зафиксирована почти у 49% респондентов со средним общим образованием, у 46% лиц, имеющих начальное специальное образование (ПТУ), у 55% выпускников техникумов. Для выпускников вузов этот показатель приблизился к двум третям их численности (63%). Оценка жизни в момент опроса по сравнению с прошлым годом с учетом уровня образования респондентов показывает те же тенденции. Улучшение жизни в разной степени отметили 19,4% выпускников средних школ и 33% имевших высшее образование. Между ними по этому показателю находились лица с другими уровнями образования. Наконец, те же пропорции нашли свое отражение в ответах на вопрос об уровне жизни респондентов и их семей в ближайшие годы. Среди опрошенных со средним общим образованием чуть более 20% выразили уверенность в улучшении жизни, среди окончивших ПТУ – 25,6%, техникумы – 30,2%. В составе тех, кто имел за спиной вузовское образование, оптимистов насчитывалась треть (32,8%). Среди граждан с разными уровнями образования примерно одинаковыми оказались группы тех, кто посчитал, что ничего в их жизни не изменится (примерно одинаковые доли в интервале 29–34%) или же что жизнь станет несколько или значительно хуже (7–13%). Приведенные материалы дают основание утверждать, что образование является работающей категорией, повышающей социальное самочувствие гражданина. Кроме самих граждан, получающих среднее и высшее профессиональное образование, немалая роль в повышении

эффективности его использования ложится на вузы, которые должны более оперативно реагировать на запросы рынка, учитывать перспективы модернизационных процессов. Вместе с тем необходимы усилия власти, которая имеет возможность стимулировать и ограничивать те или иные процессы, имеющие отношение к социальному развитию страны.

В целом отметим, что полученные материалы, с одной стороны, свидетельствуют о достаточно стабильном социальном самочувствии населения Чувашии и о том, что более активное участие в процессах модернизации региона повышает его уровень. С другой стороны, полученные данные отражают противоречивость процессов модернизации региона, что было характерно и в 2006 г.

Источники

1. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М., 2010.
2. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М., 2009.

О.В. Губина,
Архангельск

Исследование социальных аспектов функционирования природно-ресурсных отраслей в регионе*

В условиях активного освоения природно-ресурсного потенциала Севера России в целях удовлетворения сырьевых потребностей отечественной экономики особую актуальность приобретает исследование социальных аспектов функционирования отраслей по добыче и обработке природных ресурсов. Предприятиями этих отраслей экономики производится значительный объем валовой добавленной стоимости продукции региона, формируется основная сумма собственных доходов бюджета, обеспечивается существенный объем инвестиций, а также осуществляется развитие производственной, транспортной, социальной и экологической инфраструктуры в регионе. В то же время необходимо обратить внимание на высокую социальную значимость процесса освоения природных ресурсов северных регионов, так как развитие сырьевого сектора экономики этих регионов является определяющим в решении вопросов занятости населения и обеспечения его доходов. В данном исследовании предпринята попытка количественной оценки такого влияния на примере Архангельской области.

На основе использования генетической классификации природных ресурсов (земельные, лесные, минерально-сырьевые, животного мира и водные) был определен перечень видов экономической деятельности по добыче и обработке природных ресурсов, которые осваиваются в Архангельской области (без Ненецкого автономного округа). Так, нами оценивались следующие виды экономической деятельности: «Сельское хозяйство и предоставление услуг в области растениеводства и животноводства», «Добыча полезных ископаемых», «Производство прочих неметаллических минеральных продуктов», «Охота и разведение диких животных, включая предоставление услуг в этих областях», «Рыболовство, рыбноводство», «Переработка и консервирование рыбо- и морепродуктов»,

* Статья подготовлена при поддержке интеграционного проекта фундаментальных исследований, выполняемого в учреждениях Российской АН УрО РАН в 2012-2014 гг. «Инструменты и механизмы реализации социально экономической политики северных территорий», №12-И-7-2070.

«Лесное хозяйство и предоставление услуг в этой области», «Обработка древесины и производство изделий из дерева», «Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона и изделий из них», «Сбор, очистка и распределение воды».

По нашему мнению, социальный эффект процесса освоения природных ресурсов региона заключается в обеспечении занятости населения и повышении его доходов. Таким образом, оценка социального эффекта проводилась по следующим показателям: «Среднесписочная численность работников организаций» (чел.) и «Фонд заработной платы» (тыс. руб.). Количественный эффект определялся по удельному весу этих показателей по каждому виду экономической деятельности по добыче и обработке природных ресурсов, осваиваемых в Архангельской области, в итоговом показателе по региону.

В таблице 1 приведены данные об участии видов деятельности по добыче и обработке природных ресурсов в обеспечении занятости населения.

Таблица 1. **Участие освоения природных ресурсов в обеспечении занятости населения Архангельской области**

Виды природных ресурсов	Ед. изм.	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	Δ абс., 2005–2011 гг.	Средн. темп роста, %
Земельные	чел.	7635	7191	7094	6133	5468	4965	4884	-2751	92,8
	%	1,740	1,577	1,540	1,395	1,320	1,222	1,195	-0,545	
Минерально-сырьевые	чел.	3815	3830	4117	4178	3877	3555	3926	111	100,5
	%	0,870	0,840	0,894	0,950	0,936	0,875	0,961	0,091	
Животного мира	чел.	3897	3783	3712	3521	3439	3436	3574	-323	98,6
	%	0,888	0,830	0,806	0,801	0,830	0,846	0,875	-0,013	
Лесные	чел.	56131	52963	45317	41954	35353	31990	30614	-25517	90,4
	%	12,793	11,613	9,838	9,540	8,535	7,875	7,493	-5,300	
Водные	чел.	3318	3484	3593	3413	3385	3303	3223	-95	99,5
	%	0,756	0,764	0,780	0,776	0,817	0,813	0,789	0,033	
Итого	чел.	74796	71251	63833	59199	51522	47249	46221	-28575	
	%	17,048	15,623	13,858	13,461	12,439	11,632	11,313	-5,735	
Архангельская обл., всего	чел.	438750	456051	460616	439781	414203	406203	408566	-30184	98,8

За исследуемый период численность работников предприятий и организаций Архангельской области снизилась более чем на 30 тысяч человек. Можно предположить, что основное снижение численности работников произошло именно на предприятиях по добыче и обработке природных ресурсов – почти 28,5 тыс. человек.

Наиболее критичной оказалась ситуация в лесопромышленном секторе региона, на предприятиях которого численность работников с 2005 по 2011 год упала на 25,5 тысячи человек. При этом численность работников, занятых в лесозаготовительной отрасли, снизилась за этот период на 13,8 тыс. человек, в деревообработке – на 6,3 тыс. человек, а в целлюлозно-бумажной промышленности – на 5,3 тыс. человек. Исходя из удельных значений данного показателя, следует отметить, что участие отраслей по добыче и обработке лесных ресурсов в обеспечении занятости населения в Архангельской области снизилось. Если в 2005 г. на предприятиях лесопромышленного комплекса работало 12,8% всех работников региона, то к 2011 г. их удельный вес в общей численности работников снизился до 7,5%.

Таковыми же быстрыми темпами снижалась численность работников, занятых в сельском хозяйстве области. Удельный вес влияния освоения земельных ресурсов в обеспечении занятости в регионе снизился с 1,7 до 1,2% при общем снижении численности работников сельского хозяйства на 2,7 тыс. человек с 2005 по 2011 г.

Начало активного освоения месторождения алмазов им. М.В. Ломоносова обусловило рост численности работников минерально-сырьевого сектора Архангельской области и, следовательно, усиление влияния освоения природных ресурсов в социально-экономическом развитии региона: доля занятых освоением минерально-сырьевых ресурсов в их общей численности в регионе выросла. Тем не менее участие освоения этого вида ресурсов в обеспечении занятости в регионе остается ничтожно малым – 1%. При этом следует отметить довольно устойчивое снижение численности работников, занятых обработкой минерального сырья, на фоне постоянного роста численности работников добывающей отрасли.

Удельный вес видов деятельности по добыче и обработке ресурсов животного мира, так же как и по использованию водных ресурсов, в обеспечении занятости населения региона остался практически неизменным за весь период исследования и составляет менее 1%.

Данные таблицы 2 характеризуют участие процессов добычи и обработки природных ресурсов в обеспечении роста доходов населения региона.

Таблица 2. Участие освоения природных ресурсов в обеспечении доходов населения Архангельской области

Виды природных ресурсов	Ед. изм.	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	Δ абс., 2005–2011 гг.	Средн. темп роста, %
Земельные	чел.	427,7	507,4	702,5	696,5	737,9	776,2	847,8	420,1	112,1
	%	0,894	0,868	0,975	0,797	0,798	0,778	0,756	-0,138	
Минерально-сырьевые	чел.	486,7	545,7	786	970,6	862,2	937,1	1228,5	741,8	116,7
	%	1,017	0,933	1,091	1,110	0,933	0,939	1,095	0,078	
Животного мира	чел.	495,2	674,7	720,5	874,7	958,9	1140,9	1308,5	813,3	117,6
	%	1,035	1,154	1,000	1,001	1,037	1,143	1,166	0,132	
Лесные	чел.	5576,8	5777,9	6139,3	6761	5969,4	6351,4	7041,8	1465	104,0
	%	11,653	9,881	8,524	7,735	6,457	6,364	6,277	-5,376	
Водные	чел.	283,2	357,5	433,4	501,6	600,2	677,2	741,7	458,5	117,4
	%	0,592	0,611	0,602	0,574	0,649	0,679	0,661	0,069	
Итого	чел.	7269,6	7863,3	8781,8	9804,3	9128,6	9882,9	11168,3	3898,7	
	%	15,190	13,447	12,192	11,216	9,874	9,902	9,955	-5,235	
Архангельская обл., всего	чел.	47857,8	58474,3	72026,8	87411,4	92446,4	99803,3	112186,2	64328,3	115,3

Фонд заработной платы работников списочного состава предприятий и организаций Архангельской области вырос в 2005–2011 гг. на 64,3 млрд. руб., из которых всего 6% было обеспечено за счет роста фонда заработной платы работников природно-ресурсных отраслей региона. В то же время удельный вес фонда заработной платы работников, занятых добычей и обработкой природных ресурсов, в общем фонде оплаты труда работников региона снизился с 15,2% в 2005 г. до 10% в 2011 г. Отметим, что за период исследования средняя зарплата по региону выросла с 9098 руб. до 22 882 руб.

В основном снижение роли процесса освоения природных ресурсов в повышении уровня доходов населения региона произошло из-за очень низких темпов роста фонда оплаты труда на предприятиях лесопромышленного сектора – 104%. Результатом такой динамики стал довольно низкий по сравнению со средним по Архангельской области уровень заработной платы в лесозаготовительной отрасли (17 711 руб.) и в деревообработке (14 268 руб.). Вместе с тем средняя зарплата в целлюлозно-бумажной отрасли составляет 27,5 тыс. руб. благодаря более высоким темпам роста фонда оплаты труда по сравнению с лесозаготовительной и деревообрабатывающей отраслями.

Снизилось участие освоения земельных ресурсов в обеспечении роста доходов населения Архангельской области также из-за низких темпов

роста фонда оплаты труда в сельском хозяйстве. Средняя зарплата работников по состоянию на 2011 год составила 14 465 руб. и была сравнима лишь с уровнем заработной платы работников деревообрабатывающей отрасли, хотя и повысилась по сравнению с уровнем 2005 г. в 3 раза.

Участие освоения минерально-сырьевых, водных и ресурсов животного мира в обеспечении роста доходов населения региона увеличилось за исследуемый период, хотя в данном случае о сильном влиянии говорить не приходится вследствие малого удельного веса этого влияния — около 1% по каждому виду природных ресурсов.

Анализируя влияние освоения ресурсов животного мира, отметим низкий по сравнению со средним по региону уровень заработной платы занятых охотой и переработкой (и консервированием) рыбо- и морепродуктов: 15 736 и 17 023 руб. соответственно. На этом фоне вполне достойной следует считать среднемесячную зарплату занятых в рыболовстве — 32 577 руб., уровень которой оказался наиболее высоким по сравнению с другими отраслями по добыче и обработке природных ресурсов в Архангельской области.

Несмотря на малый удельный вес ФОТ работников минерально-сырьевого сектора в ФОТ работников региона в целом, вклад освоения минерально-сырьевых ресурсов (преимущественно добывающих отраслей) можно считать относительно значимым, так как в добывающих отраслях этого сектора средний уровень заработной платы составляет 30 891 руб., а в обрабатывающих — 21 тыс. руб., что сравнимо со средним по региону.

Статья содержит приближенный анализ социальных последствий освоения природных ресурсов, проведенный на примере Архангельской области. Ценным дополнением будет критериальный анализ, на основании результатов которого возможна разработка рекомендаций, направленных на усиление влияния освоения природных ресурсов в социально-экономическом развитии региона.

Н.М. Иванова,
Чебоксары

Социально-территориальная идентификация жителей столицы Чувашии*

Чебоксары – город, имеющий большое историческое прошлое. Первое летописное упоминание о нем относится к 1469 г. На современном этапе в столице Чувашской Республики сосредоточен производственный потенциал, основу которого составляют предприятия машиностроения, металлообработки, текстильной, пищевой промышленности, энергетики, строительные организации. Функционируют более 1500 предприятий различных форм собственности. По данным на 2010 г. площадь территории столицы составляет 250,9 кв. км. Она является крупнейшим по площади городом Чувашии (для сравнения: площадь территории других городов в разы меньше, в частности Алатыря – 34; Канаша – 18,5; Новочебоксарска – 51,1; Шумерли – 13,3; Козловки – 11,4; Мариинского Посада – 10; Цивильска – 8,6; Ядрина – 5,3 кв. м).

Все это определяет высокие показатели Чебоксар в общереспубликанских основных социально-экономических показателях. В 2010 г. удельный вес города в численности населения республики составил 37,2%; в среднегодовой численности работников организаций – 52,1%, в объеме отгруженных товаров собственного производства, работ и услуг, выполненных собственными силами, по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства» – 65,2%; в объеме работ, выполненных по виду экономической деятельности «Строительство» – 62%; во вводе в действие общей площади жилых домов – 29,1%; в обороте розничной торговли – 53,5%; в инвестициях в основной капитал – 48,4% [3, с. 7-16].

Чебоксары являются крупнейшим по численности населения городом Чувашии. В нем проживает 3/5 городского населения. Столица пока не достигла, но весьма приблизилась к статусу города с населением более полумиллиона человек. Плотность населения является высокой: на 1 января 2011 г. она составила 1856,1 чел. на кв. км (по республике в целом – 68,2).

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №12-03-00232.

Демографические показатели в 2000–2010 гг. характеризуются разнонаправленной динамикой. Численность постоянного населения в 2000 г. составила 473,8 тыс. чел., в 2001 г. – 474,8 тыс. чел., в 2002 г. – 452,2 тыс. чел., в 2003 г. – 453,7 тыс. чел., в 2004 г. – 454,3 тыс. чел. [2, с. 27]; в 2005 г. – 454,1 тыс. чел., в 2006 г. – 452,9 тыс. чел., в 2007 г. – 453,2 тыс. чел., в 2008 г. – 456,1 тыс. чел., в 2009 г. – 459,5 тыс. чел., в 2010 г. – 465,7 тыс. чел. Демографическая ситуация в Чебоксарах более благоприятна, чем в других городах и в целом по республике. Естественный прирост на 1000 чел. населения в 2000 г. составил -0,1 промилле, в 2005 г. – 0, в 2010 г. – 2,5. Изменение площади территории и численности населения столицы происходило и в результате ряда административных преобразований.

Можно заключить, что Чебоксары – это реальный центр общественно-политической, экономической и культурной жизни Чувашии. Существенным ресурсом развития территориальных сообществ является укорененность и идентификация жителей с местом своего проживания. Чем большее количество людей увязывают свою судьбу, судьбу своих детей и свои жизненные успехи с совместным проживанием в данном месте, тем позитивнее перспективы развития данной территории. Предстоящее празднование 550-летия Чебоксар обозначило новые приоритеты развития города. Немаловажное значение имеет то, каким видят в будущем жители свой город, на каких проблемах считают необходимым сосредоточить внимание в ходе подготовки к юбилею. В этой связи отдельный исследовательский интерес представляет анализ идентичности жителей столицы со своим поселением, регионом и страной в целом, особенностей их социального самочувствия и оценок социального положения¹.

Особенностью столицы является более низкий показатель укорененности населения. Чебоксары притягивают интенсивные внутрирегиональные миграционные потоки. Привлекательность города обусловлена возможностями получения образования, трудоустройства; тем, что город является средой предпринимательской активности, интенсивной социокультурной жизни. Значительную часть жителей столицы составляют горожане в первом поколении. По данным опросов 2006 и 2012 гг., 56,9 и 56,3% респондентов сообщили, что проживают в городе более 25 лет. В целом по республике данный показатель составляет 60,3%. Основная часть прибывших в столицу – жители республики. Приехавшие из другого региона России или из СНГ составляют около 10% (табл. 1 и 2).

¹ В ходе исследований по типовой программе «Социокультурный портрет Чувашской Республики» в 2006 г. в Чебоксарах было опрошено 341 чел., в 2012 г. – 373 чел. в возрасте от 18 лет и старше.

Таблица 1. **Состав населения г. Чебоксары по продолжительности проживания**
(% от числа опрошенных)

Варианты ответов	2006 г.		2012 г.	
	Чебоксары	ЧР	Чебоксары	ЧР
До 5 лет	6,7	4,7	6,2	5,1
5-15 лет	11,1	9,0	14,2	10,0
16-25 лет	24,9	25,7	23,1	24,5
Больше 25 лет	56,9	60,3	56,3	60,3
Отказ от ответа	0,3	0,3	0,3	0,1

Источник: результаты опросов 2006, 2012 гг.

Таблица 2. **Укорененность населения г. Чебоксары** (% от числа опрошенных)

Варианты ответов	2006 г.		2012 г.	
	Чебоксары	ЧР	Чебоксары	ЧР
Здесь родился(лась)	46,6	52,6	44,5	53,6
Приехал(а) по своему желанию из другого города (села) Чувашии	42,2	37,0	41,0	36,1
Приехал(а) по своему желанию из другого региона России или из СНГ	10,6	9,9	13,1	9,5
Вынужденный переселенец из другого региона России или из СНГ	0,6	0,4	0,8	0,5
Приехал(а) сюда временно из другой страны	-	-	0,3	0,1
Отказ от ответа	-	0,1%	0,3	0,2

Источник: результаты опросов 2006, 2012 гг.

Вследствие этого столица характеризуется более сложным составом населения, в ней активно проходят процессы межнационального взаимодействия. В городе проживают представители около 70 национальностей. Материалы Всероссийской переписи населения 2002 г. показывают следующий этнический состав населения: чуваши – 62,3%, русские – 33,4%, татары – 1,1%, мордва – 0,4%, украинцы – 0,7%, марийцы – 0,4%, другие национальности – 1,7%.

В дополнение к характеристике этнической структуры населения Чебоксар опрос 2012 г.² выявил такую особенность, как выбор респондентами нетипичных, в том числе двойных, национальных идентичностей: чуваш и русский, россиянин, татарин и украинец, русский и украинец, евразиец, мордва и русский и т. п. (табл. 3). Данные тенденции нового понимания национальной идентичности («сложная», «множественная», «нетипичная» идентичность) отмечаются И.И. Бойко и В.Г. Харитоновой [1].

² В ходе опроса допускалось право выбора респондентами нескольких вариантов ответа на вопрос о национальной принадлежности.

В Чебоксарах, как и в городской местности в целом, они определяются прежде всего распространением национально-смешанных браков.

Таблица 3. **Национальный состав жителей г. Чебоксары**
(% от числа опрошенных)

Варианты ответов	Чебоксары	ЧР
Чуваши	53,9	63,9
Русские	32,4	25,6
Другие национальности	2,9	2,4
Нетипичная национальная идентичность	8,0	5,6
В том числе двойная национальная идентичность – чуваш и русский	6,4	4
Источник: результаты опроса 2012 г.		

В столице функционируют национально-культурные объединения: общественная организация «Национально-культурная автономия татар Чувашской Республики», Чувашское республиканское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Всероссийский азербайджанский конгресс», Региональное отделение Общероссийской общественной организации «Союз армян России» в Чувашской Республике, Чувашская республиканская общественная организация «Немецкий культурный центр», Общественная организация «Казачий культурный центр Чувашской Республики» и др. [7]. Ситуация с мигрантами характеризуется жителями г. Чебоксар как «устойчивые хорошие, нормальные отношения, с отдельными недоразумениями». О фактах напряженности в ходе опросов 2006 и 2012 гг. сообщили порядка 10% респондентов (табл. 4). Ситуация в столице в целом соответствует положению дел по республике.

Таблица 4. **Оценка жителями г. Чебоксары ситуации с мигрантами**
(% от числа опрошенных)

Варианты ответов	2006 г.		2012 г.	
	Чебоксары	ЧР	Чебоксары	ЧР
У них сложились устойчивые хорошие отношения	15,8	29,2	14,6	18,0
В целом нормальные отношения, но случаются недоразумения	37,5	30,0	37,5	34,0
Отношения неровные, нередко возникают напряжения	10	5,3	10,5	7,7
Напряженные отношения, нередко происходят драки	3,2	1,7	1,9	1,9
Местные и приезжие почти не общаются друг с другом	4,7	4,3	4,9	3,6
Затрудняюсь ответить	27,9	28,5	28,6	32,4
Отказ от ответа	0,9	0,9	2,2	2,4
Источник: результаты опросов 2006, 2012 гг.				

Для жителей столицы характерны более критичные оценки места Чувашии среди других российских регионов. Большинство опрошенных (58,1% в 2006 г. и 57,4% в 2012 г.) считают, что жители Чувашии живут по сравнению с одними регионами лучше, с другими – хуже. Мнения, что в Чувашии люди живут хуже, чем в соседних регионах, придерживается порядка четверти респондентов. Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к Чувашии?» – показывает, что большинство жителей испытывают привязанность к месту своего проживания, несмотря на то, что их многое не устраивает. Настроения уехать в другой регион России или за границу присутствуют у порядка 5% опрошенных (табл. 5 и 6).

Таблица 5. Распределение ответов жителей г. Чебоксары на вопрос: «Как Вы считаете, жители нашего региона живут лучше или хуже, чем жители соседних регионов?» (% от числа опрошенных)

Варианты ответов	2006 г.		2012 г.	
	Чебоксары	ЧР	Чебоксары	ЧР
В Чувашии люди живут лучше, чем в соседних регионах	8,8	12,3	5,6	7,7
По сравнению с одними регионами лучше, с другими – хуже	58,1	49,3	57,4	51,8
В Чувашии люди живут хуже, чем в соседних регионах	24,6	24,3	29,0	27,5
Затрудняюсь ответить	8,2	13,9	7,5	12,8
Отказ от ответа	0,3	0,1	0,5	0,2

Источник: результаты опросов 2006, 2012 гг.

Таблица 6. Распределение ответов жителей г. Чебоксары на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к Чувашии?» (% от числа опрошенных)

Варианты ответов	2006 г.		2012 г.	
	Чебоксары	ЧР	Чебоксары	ЧР
Я рад, что живу здесь	33,4	38,3	27,9	34,2
В целом я доволен(льна), но многое не устраивает	45,2	41,8	42,9	42,7
Не испытываю особых чувств по этому поводу	10,6	10,1	15,0	12,7
Мне не нравится здесь жить, но привык и не собираюсь уезжать	4,1	5,2	4,6	2,9
Хотел(а) бы уехать в другой регион России	2,9	2,9	4,6	4,0
Хотел(а) бы вообще уехать из России	2,1	0,8	4,0	2,2
Затрудняюсь ответить	0,6	0,5	1,1	1,3
Отказ от ответа	1,2	0,4	-	-

Источник: результаты опросов 2006, 2012 гг.

Опрос 2012 г. выявил, что показатель идентичности жителей г. Чебоксар со своим поселением составил 66,2%. Это означает, что существует позитивная основа для активизации участия и самоорганизации жителей в решении вопросов развития города. На втором месте чувство близости чебоксарцев с жителями республики и страны в целом. Данные территориальные сообщества являются социальными общностями, лично значимыми для взаимопонимания (коммуникаций) жителей региона – «свое». Жители бывших республик СССР и жители всей Земли воспринимаются большинством опрошенных отдаленно – как «чужое» (табл. 7).

Таблица 7. **Чувства близости или отдаленности жителей г. Чебоксары с жителями территориальных общностей/сообществ** (% от числа опрошенных)

Жители поселения, в котором я живу (деревня, село, город)	Есть близость	66,2
	Нет близости	17,4
	Трудно сказать / Не знаю	16,3
Жители всей моей республики	Есть близость	47,4
	Нет близости	30,5
	Трудно сказать / Не знаю	22,2
Жители всей России	Есть близость	46,1
	Нет близости	29,9
	Трудно сказать / Не знаю	24,0
Жители бывших республик СССР	Есть близость	23,9
	Нет близости	47,3
	Трудно сказать / Не знаю	28,8
Жители всей Земли	Есть близость	21,2
	Нет близости	44,9
	Трудно сказать / Не знаю	33,9
Источник: результаты опроса 2012 г.		

Региональный фактор прослеживается в социальной самоидентификации жителей – соотношении своего социального положения с одним из 5-ти иерархических слоев. В результате исследований 2006 и 2012 гг. в Чебоксарах была получена следующая картина. Динамика показателей не является существенной. Снижение самооценок социального положения происходит при дифференциации оценок респондентов в масштабе региона и в масштабе страны. В социальной структуре наблюдается преобладание слоя ниже среднего и среднего слоя – 24,1 и 54,2% соответственно в 2012 г. Нижний слой насчитывает 4% опрошенных. Наиболее немногочисленными являются слои выше среднего и высший слой – 9,1 и 0,5% соответственно.

«Столичный» статус обуславливает особенности социального положения жителей г. Чебоксар. С одной стороны, согласно статистической информации в столице выше общереспубликанских показателей среднемесячная номинальная начисленная заработная плата и средний размер назначенных пенсий: 15,9 тыс. руб. и 7,4 тыс. руб. соответственно в 2010 г. [6]. С другой стороны, для города характерен и высокий уровень расходов, рост цен. В частности, индекс цен на жилищные услуги в декабре 2011 г. к декабрю 2010 г. составил 108,6%, коммунальные услуги – 114,3%. Индекс потребительских цен на товары и услуги в декабре 2011 г. к декабрю 2010 г. составил 106,2%, индекс потребительских цен на непродовольственные товары – 107,7%, индекс потребительских цен на платные услуги – 110,3%. Прожиточный минимум был установлен для трудоспособного населения 5625 руб., для пенсионеров – 4169 руб. и детей – 5170 руб. [4].

Опрос 2012 г. выявил, что из социальных опасностей у жителей Чебоксар в наибольшей степени вызывают тревогу преступность (59,6%), бедность (54,9%) и произвол чиновников (50,5%). Более спокойно чебоксарцы относятся к экологической угрозе, рискам дискриминации по полу, возрасту, религии, политическим убеждениям или национальности.

Влияние поселенческого фактора прослеживается и в дифференциации жителей Чувашии в зависимости от самооценки материального положения. Более низкие оценки материального положения характерны для сельских жителей в отличие от горожан, и в частности чебоксарцев. Условные социальные слои по данным исследования 2012 г. составили: «нищие» – 9,9% (по республике – 13,7%); «бедные» – 16,1% (по республике – 19,1%); «необеспеченные» – 20,7% (по республике – 21%); «обеспеченные» – 37,4% (по республике – 32%); «зажиточные» – 13,2% (по республике – 11,5%); «богатые» – 2,7% (по республике – 2,6%).

Социальное самочувствие населения измеряется также показателями удовлетворенности жизнью в целом и уверенностью в будущем. За 2006–2012 гг. динамика данных показателей имела место в лучшую сторону. В 2006 г. полностью удовлетворены жизнью были 8,2% респондентов, скорее удовлетворены – 46%, не очень удовлетворены – 21,7%, совсем не удовлетворены – 4,4%, затруднились сказать точно – 19,4%. В 2012 г. увеличилась доля полностью удовлетворенных жизнью – 14,7% респондентов, скорее удовлетворенных – 39,7%; доля не очень удовлетворенных составила 6,2%, совсем не удовлетворенных – 2,4%, затрудняющихся с

ответом – 36,5% опрошенных. Распределение ответов на вопрос об уверенности в будущем изменилось в незначительной степени: вполне уверены в своем будущем 10,3% респондентов в 2006 г. и 11,3% респондентов в 2012 г.; скорее уверены, чем нет, – 32,8 и 30,3%, скорее не уверены, чем уверены, – 16,1 и 12%, совершенно не уверены – 5,3 и 4,6% соответственно. Затруднились с ответом 34,3% в 2006 г. и 41,5% горожан в 2012 г.

Закономерно, что среди первоочередных мер, необходимых для улучшения жизни, горожанами выделяются наведение порядка, борьба с криминалом, коррупцией (48,3%), создание новых рабочих мест (48,0%), строительство доступного жилья (39,7%).

В 2000-е гг. произошла заметная активизация социокультурной жизни чебоксарцев. Значительный культурный потенциал формируют объекты историко-культурного наследия, сеть действующих учреждений культуры и отдыха (Русский и Чувашский драматический театры, Театр оперы и балета, выставочные залы, музеи, клубы, 22 муниципальных библиотеки, 3 городских парка культуры и отдыха). В столице Чувашии проводятся многие значимые мероприятия, фестивали, конкурсы, форумы и выставки городского и республиканского уровня (в том числе в рамках празднования Дня Республики и Дня города).

Одним из импульсов развития явилось получение городом в 2003 г. статуса культурной столицы Поволжья. Идеи данного проекта получили в дальнейшем продолжение в виде ежегодного сетевого марафона культурных событий – традиционного мультипроекта, в ходе которого проводится ряд культурных программ, развиваются межрегиональные и международные связи столицы в сфере культуры. В городе реализуется также муниципальная целевая программа «Развитие отрасли «Культура» в городе Чебоксары на 2009–2012 годы». В рамках программных мероприятий предусмотрено развитие сети учреждений культуры, укрепление материально-технической базы библиотек, комплексное развитие и модернизация аттракционного хозяйства парков, поддержка участия детей в конкурсах, олимпиадах, проектах, фестивалях, смотрах, соревнованиях с общей суммой финансирования по программе 32 млн. руб. бюджетных и внебюджетных средств [4].

Благодаря этому чебоксарцы показывают более активную посещаемость культурно-развлекательных учреждений. Они являются и приверженцами активного отдыха, и пользователями библиотек, посетителями музеев, потребителями услуг в сфере культуры и досуга (дискотек, кинотеатров) (табл. 8).

Таблица 8. **Посещаемость жителями г. Чебоксары культурно-развлекательных учреждений** (% от числа опрошенных)

Варианты ответов	Раз в неделю	1-3 раза в месяц	1-3 раза в полгода	Раз в год и реже	Затрудняюсь ответить	Отказ от ответа
Театр	0,3	3,3	22,8	43,9	18,4	11,4
Цирк	0,3	0,3	3,3	42,0	39,8	14,3
Музей	2,5	4,1	14,5	38,8	28,1	12,0
Стадион	4,4	5,2	16,0	32,0	30,3	12,1
Клуб по интересам	5,8	3,9	7,8	26,7	40,0	15,8
Дискоотека	2,7	6,6	9,3	27,9	35,0	18,6
Кинотеатр	3,5	16,6	24,5	28,5	16,0	10,9

Источник: результаты опроса 2012 г.

Жителей столицы можно также отнести к передовым пользователям услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий. Доля горожан, использующих в повседневной деятельности компьютер, достигла в 2012 г. 81,6%, Интернет – 77,8% (табл. 9).

Таблица 9. **Доля жителей, использующих мобильный телефон, компьютер, Интернет** (% от числа опрошенных)

Варианты ответов	2006 г.		2012 г.	
	Чебоксары	ЧР	Чебоксары	ЧР
Мобильный телефон	70,4	62,6	96,2	95,1
Компьютер	44,0	31,6	81,6	65,2
Интернет	32,6	19	77,8	61,5

Источник: результаты опросов 2006, 2012 гг.

Следует отметить позитивное значение принятия в данной сфере в 2010 г. муниципальной целевой программы «Электронные Чебоксары на 2011–2015 годы» [5]. Она направлена на развитие информационной и телекоммуникационной инфраструктуры в столице. Ресурсное обеспечение программы составляет 22,4 млн. руб.

Подытожим, что без продуманной стратегии управления развитием территорий сегодня невозможно эффективное использование производственных и человеческих ресурсов, обеспечение нормальных условий жизнедеятельности. Перед столицей Чувашии стоят задачи дальнейшего развития инфраструктуры, улучшения городской среды, повышения уровня жизни своих жителей, позиционирования города как культурного и туристического центра межрегионального и общероссийского значения. Необходимым условием успешного развития является также укрепление основ территориальной общности, региональной и поселенче-

ской идентичности. Важно создать такие условия, чтобы жители стремились жить и работать в Чебоксарах. В исследовательском плане в центре социологического анализа находятся динамика социально-экономических показателей, вопросы территориального поведения, миграционных настроений, социокультурные аспекты жизнедеятельности регионального и столичного социума.

Источники

1. Бойко И.И., Харитонов В.Г. Этническая и общегражданская идентичности населения Чувашии // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. М., 2012. С. 410-416.
2. Города Чувашской Республики в цифрах. 2005: Стат. сб. Чебоксары/ Чувашстат, 2005. 341 с.
3. Города Чувашской Республики в цифрах. 2011: Стат. сб. Чебоксары/ Чувашстат, 2011. 93 с.
4. Постановление Администрации города Чебоксары от 28.03.2012 №61 «Об итогах экономического и социального развития, исполнения бюджета города Чебоксары за 2011 год» // URL: gov.cap.ru/home/81/bazadoc/post/2012/61.doc.
5. Постановление Администрации города Чебоксары «Об утверждении муниципальной целевой программы «Электронные Чебоксары на 2011–2015 годы» от 01.11.2010 №210 // URL: http://gov.cap.ru/list4/law/rec.aspx?gov_id=81&pos=26&id=90922.
6. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2011. М.: Росстат, 2011. 397 с.
7. Список национально-культурных объединений Чувашской Республики по состоянию на 1 января 2012 года // URL: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=12&id=571782.

М.В. Калмыкова,
Владимир

Влияние кризиса 1998 года на трудовую мобильность населения Владимирской области*

Социально-экономические последствия кризиса 1998 года не могли не сказаться на трудовой мобильности населения Владимирской области. Численность экономически активного населения, по данным официальной статистики, в 1998 году сократилась на 20 тысяч по сравнению с 1997 годом (табл. 1) [1, с. 70]. Однако уже в 1999 году наблюдается положительная динамика и увеличение сразу на 39 тысяч человек. Эти позитивные показатели сохраняются и в последующие годы. Похожая ситуация наблюдается и со среднегодовой численностью занятых в экономике, незначительный провал в 1998 году был компенсирован уже в 1999-м [1, с. 72]. В результате численность занятых в экономике в 1999, 2000, 2001 гг. превышала не только показатели 1998 года, но и предкризисного периода 1995–1997 годов.

Таблица 1. Основные показатели экономической активности населения Владимирской области (тысяч человек)

Показатель	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Численность экономически активного населения	806	790	791	771	810	810	809
Среднегодовая численность занятых в экономике	711,2	701,3	704,6	699,0	724,4	726,4	720,9
Численность безработных	105,2	91,1	91,9	93,2	102,9	98,8	80,5
Численность зарегистрированных безработных	73,0	61,6	45,6	41,3	27,3	22,5	22,9
Заявленная организациями потребность в работниках (человек)	2993	1951	2727	1604	3815	5838	7990
Численность незанятых граждан, зарегистрированных в органах государственной службы занятости, в расчете на одну заявленную вакансию (человек)	24,9	32,5	17,2	26,7	7,4	4,0	3,0

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (исследовательский проект №12-13-33004 «Социокультурный портрет Владимирской области»).

Численность безработных, по данным Росстата, во Владимирской области в 1998 году составила 93,2 тысячи человек [1, с. 92]. Это незначительно выше, чем в 1996 или 1997 году, и даже на 12 тысяч меньше, чем в 1995 году. В 1999 и 2000 годах численность ищущих работу оставалась более высокой, чем в 1998 году. Существенный сдвиг в этом направлении был отмечен только начиная с 2001 года, когда численность безработных сократилась до 80,5 тысячи человек. Численность зарегистрированных безработных в предкризисные годы была на достаточно высоком уровне и в период с 1995 по 1998 год варьировалась в пределах от 41,3 до 73,0 тыс. человек ежегодно [1, с. 99], причём самый низкий показатель как раз был отмечен в 1998 году. В посткризисные годы численность ежегодно регистрируемых безработных неуклонно снижалась. Необходимо отметить, что, невзирая на социально-экономический спад в 1998 году в стране, количество зарегистрированных безработных во Владимирской области ежегодно сокращалось. Схожая тенденция наблюдалась в большинстве регионов ЦФО. Исключением являются Белгородская, Калужская, Курская, Липецкая, Орловская, Рязанская, Тверская области и город Москва, где наблюдался рост числа обратившихся в службы занятости населения в 1998 году, но он был также незначительным.

Уровень безработицы во Владимирской области, по данным статистики, всегда был чуть ниже, чем в среднем по Российской Федерации, и несколько превышал общие данные по ЦФО. Удельный вес численности безработных в общем количестве экономически активного населения в 1998 году составил 12,1% (табл. 2) [1, с. 101]. В 1996, 1997 годах этот показатель был несколько ниже, а в 1995 году даже превышал данные кризисного 1998 года и составлял 13,1%. В 1999 и 2000 годах сохранялся достаточно высокий уровень безработицы – 12,7 и 12,2% соответственно. И только начиная с 2001 года наметился ощутимый спад.

Таблица 2. Уровень безработицы, в %

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Российская Федерация	9,5	9,7	11,8	13,2	13,0	10,5	9,1
Центральный федеральный округ	8,3	8,2	9,0	9,9	10,2	7,8	6,3
Владимирская область	13,1	11,5	11,6	12,1	12,7	12,2	9,9

Уровень зарегистрированной в регионе безработицы был традиционно существенно ниже, вследствие того что значительная часть жителей не обращалась в службу занятости населения (табл. 3). Однако схо-

жая ситуация наблюдалась в большинстве регионов ЦФО, и в результате показатели по Владимирской области заметно превышали средние данные по РФ и ЦФО.

Таблица 3. **Уровень зарегистрированной безработицы, в % (на конец года)**

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Российская Федерация	3,3	3,6	2,9	2,9	1,7	1,4	1,6
Центральный федеральный округ	2,9	3,2	2,3	2,3	1,4	1,1	1,1
Владимирская область	9,1	7,8	5,8	5,4	3,5	2,8	2,8

Заявленная организациями потребность в работниках находилась на самом низком уровне именно в 1998 году, тогда экономике требовалось всего 1604 новых специалиста [1, с. 103]. Это значительно ниже, чем в предшествующие пять лет (в среднем на 40%), но в 1999 году работодателям потребовалось уже 3815 работников. В 2000 году заявленная организациями потребность в работниках составила 5838 человек, в 2001-м – 7990 человек. Такое значительное падение новых предложений на рынке труда в 1998 году было зафиксировано не во всех регионах ЦФО. В некоторых субъектах, таких как Брянская, Белгородская, Воронежская области, встречалось даже увеличение потребности в кадрах на рынке труда. Более катастрофически сократилось количество предложений от работодателей в 1998 году только в Ивановской области – в три раза.

Численность незанятых граждан, зарегистрированных в органах государственной службы занятости, в расчете на одну заявленную вакансию в регионе также увеличилась в 1998 году в сравнении с 1999 годом и составила 26,7 человека против 17,2 года ранее. Связано это было главным образом с сокращением количества вакансий, а не ростом числа обратившихся. В 1999 году, когда был отмечен резкий всплеск потребности организаций в работниках, на каждую заявленную вакансию приходилось уже всего 7,4 человека – разница с 1998 годом почти 4 раза. В 2000 и 2001 годах ситуация выглядела еще более радужно – 4 и 3 человека соответственно.

Сама ситуация 1998 года во Владимирской области выглядит достаточно катастрофически на общероссийском уровне и на фоне ЦФО. Так, в среднем в Российской Федерации численность незанятых граждан, зарегистрированных в органах государственной службы занятости, в расчете на одну заявленную вакансию в 1998 году составила 6,6 человека

(в 4 раза ниже, чем во Владимирской области), в ЦФО — 3,2 человека (в 8 раз ниже, чем во Владимирской области). Схожий показатель наблюдался только в Тамбовской области — 26,5 человека. Еще более критично складывались обстоятельства в Брянской области и особенно в Ивановской, где этот показатель составил 64,5 человека. Надо отметить, что, несмотря на достаточно высокий показатель, отмеченный в Брянской области, в этом регионе встречается достаточно оригинальная ситуация: в этом субъекте данные предкризисного 1997 года были еще выше. В целом ряде регионов ЦФО численность желающих найти работу в перерасчете на одну заявленную вакансию выросла незначительно, в пределах 10–30%.

Можно отметить и другую тенденцию: в большинстве регионов численность незанятых граждан, зарегистрированных в органах государственной службы занятости, в расчете на одну заявленную вакансию выглядит в 1998 году внушительно только в сравнении с 1997 годом, но в пик кризиса уступает показателям 1996 года. Обращает на себя внимание и тот факт, что значительное превышение числа желающих найти работу над количеством заявленных вакансий в 1998 году встречается именно в тех регионах, где в предшествующий период это соотношение было значительно выше общероссийских показателей. Ярким примером в данном случае как раз и являются Брянская, Владимирская, Тамбовская и, конечно, Ивановская области.

Все эти субъекты ЦФО имели в предкризисный период десятикратное превышение зарегистрированных безработных в расчете на одну заявленную вакансию, а в Ивановской области это соотношение в отдельные годы исчислялось даже трехзначными цифрами. Таким образом, можно сказать, что ничего сверхординарного в этих регионах в 1998 году не происходило. Более существенные изменения происходят начиная с 1999 года. Численность незанятых граждан, зарегистрированных в органах государственной службы занятости, в расчете на одну заявленную вакансию сокращается в разы не только во Владимирской области, но и в других субъектах, и значительно более быстрыми темпами именно там, где до этого отмечалась достаточно критичная ситуация.

Результаты проведенного социологического опроса значительно расходятся с данными официальной статистики. Более 50% опрошенных жителей области признались, что не имели оплачиваемой работы в 1998 году. Только 28,8% по-прежнему работает по той же профессии и в той же

организации, что и в период кризиса. Остались в той же специальности, но перешли на другую работу 14,3% респондентов. Более 30% опрошенных сменило как специальность, так и организацию. Из той части жителей Владимирской области, которая сохранила свою работу и профессию после 1998 года, 26,7% ничего не поменяли в своей трудовой деятельности из-за того, что было некуда уходить, другой работы не было, 25,6% — из-за того, что привыкли к своей работе. Только треть оставшихся работать на прежнем месте не сменила свою трудовую занятость по объективным положительным причинам: интересная работа (13%), почетная и уважаемая работа (13,4%), хорошо оплачиваемая работа (6,5%).

Основная масса, сменившая свою трудовую деятельность, делала это по таким причинам, как сокращение или закрытие предприятия (23,7%), либо в результате того, что работа плохо оплачивалась (26,3). Еще у четверти респондентов из этой группы в посткризисный период появились возможности перейти на более интересную работу. 15% сменили работу по причине того, что на новом месте они имеют больше возможностей проявить себя. Незначительная часть поменяла организацию в результате того, что предыдущая работа не пользовалась уважением (1,9%) либо специальность перестала быть востребованной на рынке труда (4,4%).

Столь значительное количество жителей Владимирской области, не имевшее заработка в 1998 году и сменившее свою работу в результате кризиса, безусловно, приводило к изменению отраслевой структуры занятости в регионе. В 1998 году 13,7% опрошенных работали в промышленности, на транспорте, в связи; 7,2% — были представителями ИТР, госслужащих, среднего управленческого персонала; 3% — руководили государственными предприятиями или акционерными обществами; предпринимателями было 2,7%; 2,3% — работали в качестве бухгалтеров, экономистов или работников банков; 8% — врачи, преподаватели, работники сферы культуры, юристы; 2,8% — были представителями сферы быта и услуг; 3,4% — работниками торговли; 3,2% — военнослужащими или представителями правоохранительных органов; 1,4% — руководили предприятиями и организациями в сельском хозяйстве либо были сельской интеллигенцией; 1,5% — другие сельские жители, в том числе пенсионеры; 3,8% — пенсионеры в городской местности. Одна пятая всех опрошенных (19,8%) в 1998 году представляла собой студентов или учащихся других учебных заведений. 11,5% респондентов в тот период вообще не работали, не учились и не были пенсионерами (табл. 4).

В настоящее время 12,9% опрошенных работают в промышленности, на транспорте, в связи; 9,7% – являются представителями ИТР, госслужащих, среднего управленческого персонала; 1,8% – руководят государственными предприятиями или акционерными обществами; предпринимателями являются 4%; 2,7% – работают в качестве бухгалтеров, экономистов или работников банков; 8,7% – врачи, преподаватели, работники сферы культуры, юристы; 5,5% – представители сферы быта и услуг; 6,1% – работники торговли; 2,1% – военнослужащие или представители правоохранительных органов; 6% – руководители предприятий и организаций в сельском хозяйстве либо представители сельской интеллигенцией; 2,9% – другие сельские жители, в том числе пенсионеры; 11% – пенсионеры в городской местности. 17,4% респондентов – студенты или учащиеся других учебных заведений. 2,9% опрошенных жителей сейчас вообще не работают, не учатся и не являются пенсионерами.

Таблица 4. Динамика трудовой мобильности респондентов

Сфера занятости	В 1998 г.	Сейчас
Промышленность, транспорт, в связь	13,7	12,9
Представители ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал	7,2	9,7
Руководители государственных предприятий или акционерных обществ	3	1,8
Предприниматели	2,7	4
Бухгалтеры, экономисты или работники банков	2,3	2,7
Врачи, преподаватели, работники сферы культуры, юристы	8	8,7
Представители сферы быта и услуг	2,8	5,5
Работниками торговли	3,4	6,1
Военнослужащие или представители правоохранительных органов	3,2	2,1
Руководители предприятий и организаций в сельском хозяйстве либо сельская интеллигенция	1,4	6
Другие сельские жители, в том числе пенсионеры	1,5	2,9
Пенсионеры в городской местности	3,8	11
Не работает, не учится и не является пенсионером	11,5	2,9
Учащиеся и студенты	19,8	17,4

Таким образом, по данным социологического опроса видно, что в посткризисный период среди респондентов сократилось количество работающих в промышленности, на транспорте, в связи. Меньше стало руководителей государственных предприятий и акционерных обществ, военнослужащих, работников правоохранительных органов, учащихся учебных заведений. Отмечена положительная тенденция по уменьшению численности тех жителей, кто вообще не работает, не учится и не

является пенсионером. Увеличилась численность ИТР, госслужащих, среднего управленческого персонала, предпринимателей, бухгалтеров, экономистов, работников банков, юристов, представителей социальной сферы: врачей, преподавателей, работников культуры, руководителей предприятий и организаций в сельском хозяйстве и сельской интеллигенции, других сельских жителей, в том числе пенсионеров. Существеннее всего за этот период увеличилось количество пенсионеров в городской местности, работников сферы торговли, быта и услуг. Рост численности пенсионеров объективен, так как респонденты, начиная с 1998 года по настоящее время, безусловно, повзрослели, а часть из них достигла пенсионного возраста. Значительное количественное увеличение работников сферы обслуживания также укладывается в общероссийскую тенденцию и коррелируется с данными статистики.

Существенная трансформация произошла в отраслевой структуре занятости более старшего поколения, среди родителей респондентов. В 1998 году 13,2% матерей опрошенных жителей региона работали в промышленности, на транспорте, в связи; 6,3% – были представителями ИТР, госслужащих, среднего управленческого персонала; 1% – руководили государственными предприятиями или акционерными обществами; предпринимателями было 2%; 6,1% – работали в качестве бухгалтеров, экономистов или работников банков; 13% – врачи, преподаватели, работники сферы культуры, юристы; 4,6% – представители сферы быта и услуг; 6,9% – работники торговли; 1% – военнослужащие или представители правоохранительных органов; 1,4% – руководители предприятий и организаций в сельском хозяйстве либо представители сельской интеллигенции; 6,6% – другие сельские жители, в том числе пенсионеры; 11,2% – пенсионеры в городской местности. 1% матерей в 1998 году представлял собой студентов или учащихся других учебных заведений; 2,3% респондентов в тот период вообще не работали, не учились и не были пенсионерами.

В 1998 году 23,8% отцов опрошенных жителей региона работали в промышленности, на транспорте, в связи; 5,1% – были представителями ИТР, госслужащих, среднего управленческого персонала; 1,1% – руководили государственными предприятиями или акционерными обществами; предпринимателями было 4,2%; 6% – работали в качестве бухгалтеров, экономистов или работников банков; 2,9% – врачи, преподаватели, работники сферы культуры, юристы; 4,2% были представителями

сферы быта и услуг; 1,3% – работниками торговли; 5,5% – военнослужащие или представители правоохранительных органов; 1,4% – руководители предприятий и организаций в сельском хозяйстве либо представители сельской интеллигенции; 5,2% – другие сельские жители, в том числе пенсионеры; 8,7% – пенсионеры в городской местности. 6% отцов в 1998 году представляли собой студентов или учащихся других учебных заведений; 1,3% опрошенных в тот период вообще не работали, не учились и не были пенсионерами (табл. 5).

Таблица 5. Динамика трудовой мобильности старшего поколения

Сфера занятости	Матери в 1998 г.	Матери сейчас	Отцы в 1998 г.	Отцы сейчас
Промышленность, транспорт, в связь	13,2	7,3	23,8	13,1
Представители ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал	6,3	3,7	5,1	4,6
Руководители государственных предприятий или акционерных обществ	1	1,6	1,1	9
Предприниматели	2	2	4,2	5,3
Бухгалтеры, экономисты или работники банков	6,1	4,8	6	9
Врачи, преподаватели, работники сферы культуры, юристы	13	8,2	2,9	2,3
Представители сферы быта и услуг	4,6	2,2	4,2	2,5
Работниками торговли	6,9	6	1,3	1,3
Военнослужащие или представители правоохранительных органов	1	1	5,5	2,2
Руководители предприятий и организаций в сельском хозяйстве либо сельская интеллигенция	1,4	5	1,4	8
Другие сельские жители, в том числе пенсионеры	6,6	7	5,2	4,1
Пенсионеры в городской местности	11,2	17,6	8,7	11,7
Не работает, не учится и не является пенсионером	2,3	2	1,3	1,8
Учащиеся и студенты	1	-	6	-

Обращает на себя внимание ситуация значительно более высокой трудовой мобильности поколения родителей в 1998 году в сравнении с их собственными детьми. Среди молодого поколения в кризисный период 11,5% опрошенных вообще не работало, не училось и не была пенсионером. Среди матерей опрошенных таких нашлось всего 2,3%, а отцов еще меньше – 1,3%. По объективным причинам в 1998 году в старшем поколении было значительно меньше студентов и больше пенсионеров. Необходимо отметить, что в среднем в конце XX века среди родителей было значительно больше работников промышленности, транспорта и связи. В основном этот показатель достигался за счет широкого представительства в этих отраслях экономики именно отцов респондентов.

В настоящее время среди матерей опрошенных респондентов 7,3% работают в промышленности, на транспорте, в связи; 3,7% — являются представителями ИТР, госслужащих, среднего управленческого персонала; 1,6% — руководят государственными предприятиями или акционерными обществами; предпринимателями являются 2%; 4,8% — работают в качестве бухгалтеров, экономистов или работников банков; 8,2% — врачи, преподаватели, работники сферы культуры, юристы; 2,2% — представители сферы быта и услуг; 6% — работники торговли; 1% — военнослужащие или представители правоохранительных органов; 5% — руководители предприятий и организаций в сельском хозяйстве либо представители сельской интеллигенции; 7% — другие сельские жители, в том числе пенсионеры; 17,6% — пенсионеры в городской местности. 2% матерей опрошенных жителей сейчас вообще не работают, не учатся и не являются пенсионерами.

Среди отцов опрошенных респондентов 13,1% сейчас работают в промышленности, на транспорте, в связи; 4,6% — являются представителями ИТР, госслужащих, среднего управленческого персонала; 9% руководят государственными предприятиями или акционерными обществами; предпринимателями являются 5,3%; 9% — работают бухгалтерами, экономистами или в банках; 2,3% — врачи, преподаватели, работники сферы культуры, юристы; 2,5% — представители сферы быта и услуг; 1,3% — работники торговли; 2,2% — военнослужащие или представители правоохранительных органов; 8% — руководители предприятий и организаций в сельском хозяйстве либо представители сельской интеллигенции; 4,1% — другие сельские жители, в том числе пенсионеры; 11,7% — пенсионеры в городской местности. 1,8% отцов опрошенных жителей сейчас вообще не работают, не учатся и не являются пенсионерами.

Таким образом, можно сказать, что среди старшего поколения в посткризисный период значительно более быстрыми темпами сокращалось количество работающих в промышленности, транспорте и связи в сравнении с этими же показателями среди детей. Практически неизменной осталась численность работников торговли, сократилось количество представителей сферы быта и услуг. За этот же период времени роль сельской интеллигенции и руководителей предприятий и организаций в сельской местности стало выполнять в разы больше матерей и отцов. Есть и определенная гендерная специфика динамики трудовой мобильности старшего поколения. Среди матерей стало меньше бухгалтеров,

экономистов и работников банков, среди отцов – наоборот. Численность руководителей государственных предприятий или акционерных обществ росла значительно более быстрыми темпами среди мужской части старшего поколения. Процентное представительство военнослужащих среди матерей осталось неизменным, а отцы теперь значительно реже выполняют воинскую службу или работают в правоохранительных органах. Не работающих, не учащихся и не являющихся пенсионерами матерей стало чуть меньше, а отцов – чуть больше.

Источник

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002.

Е.В. Карлова,
Москва

Отражение образа жизни в территориальной самоидентификации локального сообщества в сельской местности Центральной России*

В настоящее время установлено, что структура территориальной идентичности у сельского и городского населения различна. Население сельской местности проявляет повышенный уровень локальной территориальной самоидентификации. Сильная связь с местом проживания во многом выражается в формировании «примордиальных» комплексов семейно-родственных и соседских взаимодействий. Немаловажную роль в формировании территориальной идентичности играет культурно-историческая память населения, которая наиболее характерна для провинциальной коллективной идентификации с сохраняющейся генетической памятью о месте проживания своих предков. С другой стороны, стремление сменить место жительства наблюдается и при жизнеспособной генетической историко-культурной памяти.

Объектом исследования нашего исследования выступило локальное сообщество одного из сельских населенных пунктов Знаменского района Орловской области. Целью исследования стало определение локального уровня пространственной самоидентификации, трансформирующегося под действием специфического образа жизни. Применялись как статистический, сравнительно-географический, картографический, историко-географический методы, так и глубинные полуструктурированные интервью с местными жителями, невключенное наблюдение, экспертные беседы с работниками сельского поселения и представителями местной интеллектуальной элиты¹ (всего 12 интервью).

Первый вопрос в глубинном интервью: «Считаете ли Вы себя местным жителем?» Однозначно положительный ответ дали только те респонденты, которые проживали в этом населенном пункте с рождения.

* Исследование проведено при поддержке РФФИ, проект 13-06-00895А.

¹ Учителя школы, работники ДК, люди с высшим образованием.

Информанты, переехавшие на постоянное место жительства из других территорий, называли своей «малой родиной» место рождения. Такая ситуация складывалась с двумя опрошенными жителями дагестанского и одним — украинского происхождения, каждый из которых переехал в Знаменский район около 20 лет назад. По официальным данным, этническая структура населения села на 2012 г. выглядит следующим образом: русские — 83,4%, азербайджанцы — 5%, чеченцы — 4%, армяне — 3%, даргинцы — 2%, грузины — 0,6%, чуваша — 0,4%, немцы — 0,4%, лезгины — 0,2%, татары — 0,2%, украинцы — 0,2%, узбеки — 0,2%, таджики — 0,2%. Этническая идентичность представителей других национальностей не воспринимается местными жителями конфликтно.

Все информанты отмечают существование вернакулярных районов и местной/неформальной топонимики. В исследуемом сельском населенном пункте местными жителями выделяются как минимум 5 вернакулярных районов, в среднем каждый информант называет 2–3 района. Сельские вернакулярные районы имеют под собой историко-географическое основание, зачастую такие территории в прошлом являлись самостоятельными населенными пунктами, включенными в состав изучаемого села. Подкрепляют выраженность в сознании сообщества подобных образований и названия улиц, получивших их по историческому принципу.

Блок вопросов «Семейно-родственные и соседские отношения» определял основные характеристики социальных связей между селянами. Он использовался для определения степени сплоченности локального сообщества. Было установлено, что наиболее действенными являются именно родственные отношения, далее по важности следует профессиональный тип человеческих отношений, при котором население оказывает взаимопомощь, исходя из общего места работы. Подобный тип отношений наиболее характерен для интеллектуальной части селян, иногда он замещает соседские отношения. Результаты глубинных интервью по определению родственных связей селян сравнивались с реально существующими данными по структуре семей, полученными из похозяйственных книг сельской администрации. Все опрошенные имеют в исследуемом населенном пункте родственников, чаще всего ими описан тип семьи с нормальной структурой, а также тип неполной семьи (мать и ребенок), что соответствует процентному распределению типов семей по составу (таблица).

**Тип семьи по составу для сельского населенного пункта Знаменского района
Орловской области (в % от общего числа домохозяйств)**

Тип семьи		2008 г.	2012 г.
Нормальная структура** (родители и дети*)		36,26	26,32
Семья без детей		6,32	7,37
Семья пенсионеров (2 члена, проживающих без детей)		7,43	6,84
Одиночки (в том числе пенсионеры)	мужчина	13,68	11,58
	женщина	12,63	13,68
	вдовец	0	0,53
	вдова	0	2,11
Неполная семья (1 родитель и дети*)	мать и ребенок	16,84	17,89
	отец и ребенок	2,11	1,58
Лицевой счет закрыт/ все члены домохозяйства временно отсутствуют или умерли		1,05	7,89
Тип семьи не определен		3,68	4,21

* В том числе внуки, правнуки, племянники, чьи родители находятся на заработках, т.е. временно отсутствуют.
** Преобладает в национальных семьях чеченцев, азербайджанцев, даргинцев.

Взрослой части населения задавался вопрос о наличии детей, в том числе взрослых, и о месте их проживания. Наиболее часто встречаемый вариант ответа – «живем одной семьей в одном доме», что не соответствует официальным данным о структуре семей по числу детей (более 60% домохозяйств представляют собой инфертильные семьи). Именно качественные методы позволяют объяснить сложившуюся ситуацию: данный вариант ответа местными жителями выбирается, поскольку их дети имеют официальную прописку по этому адресу, хотя в действительности многие из них временно проживают в других населенных пунктах.

На втором месте по интенсивности контактов, после родственных, отмечается контакт с соседями по улице. Тем не менее при решении какого-либо важного вопроса селяне не готовы обратиться к соседям по улице или ко всем селянам. Важным вопросом для определения социального капитала локального сообщества выступил вопрос о подсчете количества местных жителей, которые смогли бы одолжить денег в долг при тяжелой финансовой ситуации. Респонденты затруднялись назвать точное число людей, но всегда давали пояснения, что за люди это могли бы быть. В первую очередь это близкие родственники, также проживающие в данном населенном пункте, далее коллеги по работе (для местной интеллигенции) и в последнюю очередь ближайшие соседи. По нашему мнению, наибольшим социальным капиталом обладают интеллигенция и пенсионеры. Практически все население пенсионного возраста нахо-

дится в близком контакте друг с другом (роль почтальона на селе нами определяется как актер локального сообщества, если учесть, что 23% от общего числа наличного населения находится в пенсионном возрасте). Информанты готовы рассчитывать на помощь соседей только при ведении личного подсобного хозяйства, при условии их кратковременно отсутствия в селе.

Одним из важных блоков интервью выступили вопросы, касающиеся территориальной самоорганизации и местного самоуправления, как с позиций практической значимости, так и исходя из теоретической важности изучения активной формы территориальной идентичности, когда она служит платформой для активных гражданских действий. Вопрос о том, проблемы какой территории волнуют респондента больше всего, носил характер установления пространственного уровня территориальной принадлежности. Странным выглядит тот факт, что проблемы села респондентов интересуют меньше, чем проблемы Знаменского района. Проблемы Орловской области не волнуют никого из опрошенных. Следовательно, пирамида пространственной самоидентификации выглядит таким образом: у основания находится районный уровень, для представителей других этносов он замещается основной территорией проживания этого этноса (чаще всего республиканский/региональный уровень), далее следует локальный уровень села, на третьей ступени располагается страновой уровень.

Осведомленность об общественной жизни села местным населением оценивается высоко. Однако с ответом на открытый вопрос: «Назовите последнее важное, на Ваш взгляд, событие, произошедшее в населенном пункте?» – затруднились практически все. Лишь один информант назвал салют на праздновании Дня Победы в районном центре.

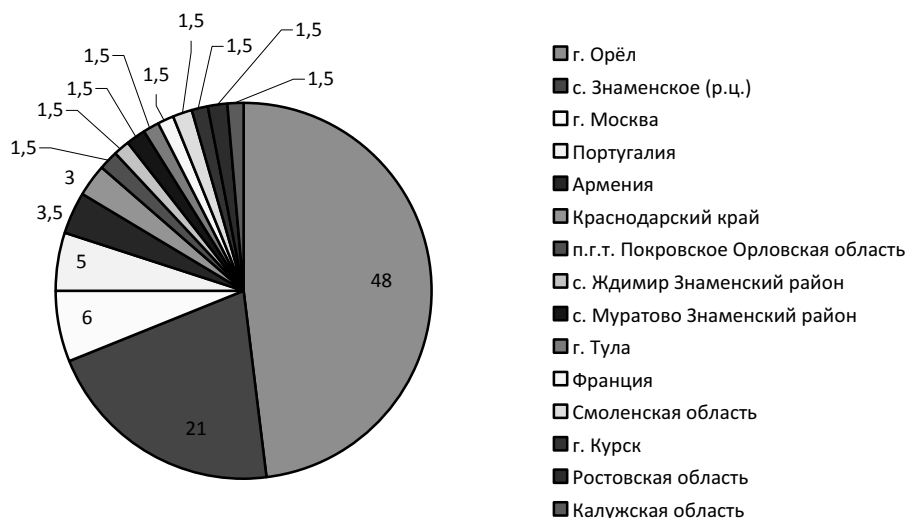
Самооценка степени информированности о деятельности органов местного самоуправления (сельского поселения) является очень низкой, информацию о деятельности органов местной власти не получает никто. С ответом на открытый вопрос о проблемах местного значения, которые местное население может решить самостоятельно, затруднились все из селян, только один информант ответил, что можно «убрать снег около дома» (местный житель, жен., 20–40 лет, среднее специальное образование). Более того, местное население считает, что управление этим населенным пунктом является делом администрации района или как минимум сельского поселения, а не их самих.

Местное население не удовлетворено условиями жизни в этом населенном пункте, но респонденты отмечают, что они привыкли жить именно так. Индикативным выступил вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети остались жить здесь?» Полученные однозначные отрицательные ответы свидетельствуют об отношении к существующим условиям жизнедеятельности.

Для определения потенциальной миграции членам территориальной общности предлагалось рассмотреть гипотетический случай о возможности смены местожительства при условии самостоятельного выбора места предпочтительного проживания. Только представители другой национальности проявили желание переехать на свою «малую Родину». Вся русская часть населения в возрасте старше 40 лет отказалась от возможного переезда. Молодежная возрастная когорта без затруднения готова сменить место жительства («Хоть куда-нибудь, только не здесь жить» – школьник).

Существующая мобильность населения нами оценивается как высокая. Наиболее интенсивно посещаемые территории – это районный и областной центры. Из соседних районов Орловской области выделяется Хотынецкий район, где размещаются некоторые административно значимые функции, к примеру Хотынецкий районный суд, обслуживающий население Знаменского района. Во многом высокая мобильность населения связана с выгодным транспортно-географическим положением села. Исследуемый населенный пункт располагается на автомобильной дороге Знаменское–Орел, имеет интенсивное автобусное сообщение с районным и областным центрами. Ежедневно до 16:00 через село осуществляется движение общественного транспорта с интервалом 1 час. Среди соседних административных районов только с Хотынецким районом с. Знаменское имеет автобусное сообщение (3 раза в день).

Около половины из всех временно отсутствующих селян отбыло в г. Орёл в поисках места приложения труда (рисунок). По официальным данным, из 7 человек, временно выбывших в г. Москву, только двое по национальности русские, большая же часть – армяне и даргинцы, у некоторых из которых в графе «отношение к члену хозяйства» указано «квартирант».

Территориальная структура мест пребывания временно отсутствующих членов домохозяйств (в % от общего их числа)

Территориальная организация учебной миграции соответствует сложившейся трудовой миграции. Большинство детей, получивших среднее образование в сельской школе, поступают в орловские учебные заведения. По окончании обучения практически вся молодежь остается жить в г. Орле, сохраняя официальную прописку по месту отбытия.

Проведенное исследование по конкретному населенному пункту позволяет сделать ряд выводов, характерных для этого локального сообщества:

1. В современных условиях сельское сообщество перестало существовать как «община» и «соседство», поскольку главная роль принадлежит именно кровнородственным отношениям.

2. Трансформированная пирамида территориальной самоидентификации сельского населения объясняется его высокой мобильностью, обусловленной удобным транспортно-географическим положением изучаемой территории.

3. Сложившаяся возрастная структура селян позволяет сделать вывод о том, что ядром территориальной общности людей выступает население старше трудоспособного возраста, в то время как активными членами сообщества являются представители местной интеллектуальной элиты.

4. Местным населением собственный образ жизни воспринимается как нормальный и характерный для всего сельского населения страны.

А.В. Кармакулова, Л.В. Воронина,
Архангельск

Занятость коренных малочисленных народов Севера: проблемы и перспективы*

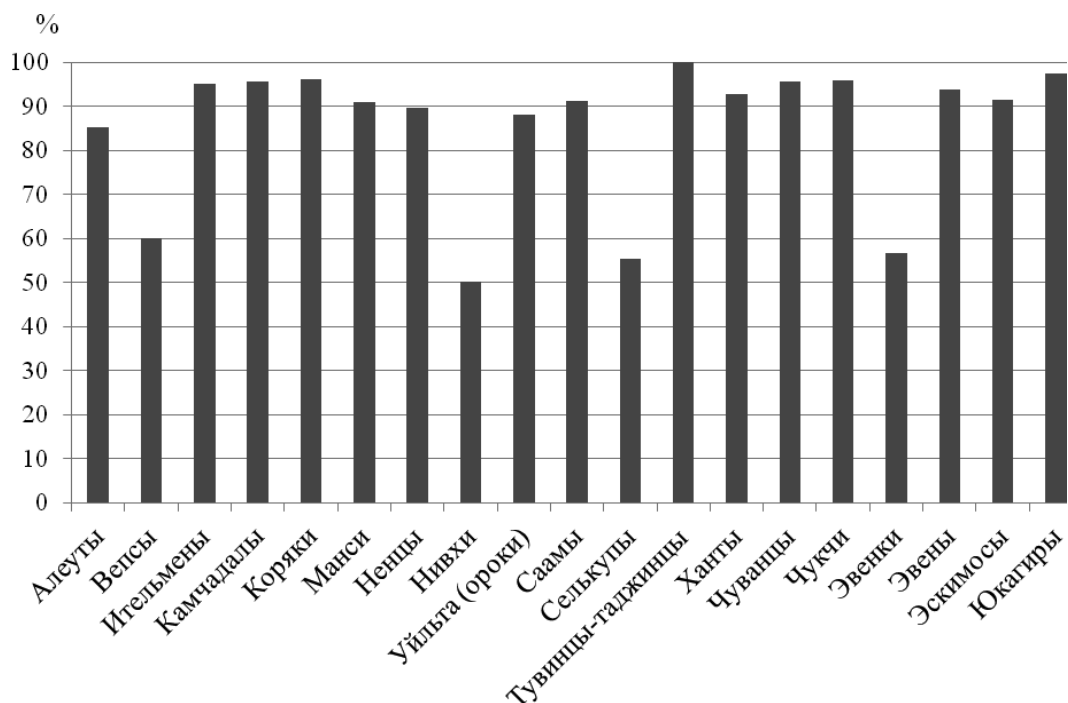
На сегодняшний день развитие Российской Федерации напрямую зависит от темпов и сбалансированности инновационных, модернизационных и социокультурных процессов входящих в ее состав субъектов. В северных регионах страны изучение данных процессов невозможно без учета особенностей жизнедеятельности коренных малочисленных народов.

Согласно распоряжению Правительства РФ [6], к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее КМНС) относятся 40 народов, 19 из которых преимущественно (доля КМНС более 50% от общей численности КМНС страны) проживают на территории 13 северных субъектов РФ¹ [5] (рисунок).

В важнейших нормативно-правовых актах, таких как «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [4], «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» [9], в качестве одних из главных целей и задач заявлены: улучшение качества жизни коренных малочисленных народов, повышение уровня их социального и культурного обслуживания, обеспечение положительных демографических процессов, сохранение среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей, укрепление социально-экономического потенциала.

* Статья подготовлена в рамках интеграционного проекта фундаментальных исследований, выполняемых в учреждении Российской академии наук УрО РАН в 2012–2014 гг.: «Инструменты и механизмы реализации социально-экономической политики северных территорий», №12-И-7-2070, и гранта молодых ученых и аспирантов УрО РАН «Механизмы реализации трудового потенциала северного региона в условиях формирования инновационной экономики», №13-7-НП-211.

¹ К северным регионам, согласно подходу, используемому в исследованиях В.И. Аكوпова, Ю.А. Гаджиева, Е.С. Котырло, С.В. Баранова и др., относятся 13 субъектов РФ, территория которых полностью расположена в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях: республик Коми, Карелия, Саха (Якутия), Тыва; Архангельская, Мурманская, Магаданская, Сахалинская области; Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Чукотский автономные округа; Камчатский край.

Доля КМНС северных регионов в общей численности КМНС Российской Федерации, в %

Несмотря на закрепление задач сохранения и развития коренных малочисленных народов Севера в ряде государственных документов, соблюдение баланса интересов традиционного северного хозяйства и крупной промышленности во многом носит декларативный и противоречивый характер. Основные элементы советской политики освоения северных территорий, когда индустриализация проводилась, в первую очередь, в интересах государства, зачастую с полным игнорированием потребностей коренных народов, в значительной мере повторяются и в новых условиях [8].

Советский период освоения богатых северных территорий характеризовался политикой интенсивного включения народов Севера в экономическую жизнь страны, включающей перевод кочевого населения на оседлость и навязывание ему несвойственных способов занятости. В результате деформировалось естественно-историческое развитие системы трудовых отношений, форм собственности и образа жизни КМНС [3].

Обучение значительной части детей коренных малочисленных народов Севера как в советское, так и в настоящее время осуществлялось на базе школ-интернатов. Подобная модель образования отрывает детей от усвоения знаний отцов и дедов, нарушая адаптивно-профессиональную преемственность. Как результат, у подрастающего поколения отсутствует сформированный интерес к трудовой деятельности в традиционном хозяйстве. Одновременно с этим бедственное положение многих школ-интернатов, отсутствие в них необходимой материально-технической базы не может обеспечить детям коренных народов высокого уровня образования, который помог бы найти достойное рабочее место за пределами районов проживания КМНС [10].

Приток пришлого населения в связи с промышленным освоением Севера в советские годы породил также другие серьезные проблемы, среди которых ассимиляция и аккультурация. Увеличилась доля браков представителей коренного населения с приезжими, изменился быт; коренные северяне трудоспособных возрастов были вовлечены в различные сферы промышленности. Интенсивное промышленное освоение без учета продуктивности северных биосистем стало серьезным фактором ухудшения и сокращения жизненного пространства: уменьшилась площадь мест сбора ягод, оленеводческих пастбищ, охотничьих участков, которые ранее использовались КМНС [1, 7].

Переход к рыночным отношениям добавил к уже имеющимся проблемам КМНС новые, большинство из которых сосредоточено в сфере занятости. Так, потеряла свою рентабельность и была ликвидирована значительная часть прежних советских форм хозяйствования (совхозы, рыбзаводы, зверофермы), где представители коренного населения трудились на постоянной основе. Будучи неподготовленными к таким переменам, многие из них подверглись нервно-психическим расстройствам, алкоголизму и прочим заболеваниям; нередкими стали случаи самоубийства [2].

Резкое снижение уровня жизни КМНС, приведшее к физической деградации малочисленных популяций, заставило обратить внимание на характеристики, отражающие состояние занятости коренного населения Севера.

Одним из важнейших индикаторов состояния занятости коренных малочисленных народов Севера является уровень безработицы (табл. 1).

Таблица 1. Уровень безработицы в северных регионах Российской Федерации, в %

Регион	Уровень безработицы среди КМНС в регионе	Общий уровень безработицы в регионе
Республика Карелия	7,2	9,6
Республика Коми	9,3	10,3
Ненецкий автономный округ	20,2	6,6
Архангельская область (без НАО)	14,3	7,2
Мурманская область	21	8,9
Ханты-Мансийский автономный округ	16,9	7,5
Ямало-Ненецкий автономный округ	15,7	4,4
Республика Тыва	36,3	22
Республика Саха	15	8,8
Камчатский край	19	7,1
Магаданская область	21,2	5,7
Сахалинская область	18,3	9,3
Чукотский автономный округ	18,4	4,1
Северные регионы	17,9	8,6

Как видно из таблицы 1, уровень безработицы в северных регионах России среди КМНС в среднем в 2 раза выше общего уровня безработицы. В ряде регионов, таких как, например, Чукотский автономный округ, Магаданская область, Ненецкий автономный округ, значения уровня безработицы среди коренного населения в 3–4 раза превосходят уровень безработицы в соответствующих регионах. Только в Республике Карелия уровень безработицы КМНС заметно ниже общего уровня безработицы, что можно объяснить продолжающейся ассимиляцией вепсов, являющихся православными и проживающих преимущественно в городах.

Другой важной характеристикой, отражающей трудовую активность коренного населения, а также уровень их иждивенческих настроений, является структура источников средств к существованию (табл. 2).

Анализ таблицы 2 показывает, что среди КМНС всех северных регионов, за исключением Республики Карелия, сильно выражены иждивенческие настроения. Кроме того, более трети представителей коренного населения регионов Севера существуют за счет государственного обеспечения (стипендия, пенсия по старости и инвалидности, пособие по безработице и др.). На доходы от трудовой деятельности живут в среднем лишь около четверти КМНС. Такое распределение говорит о низкой трудовой активности коренного населения, которое в основном рассчитывает на поддержку со стороны государства и помощь других лиц.

Таблица 2. **Источники средств к существованию КМНС северных регионов России, в %**

Регион	Трудовая деятельность, включая работу по совместительству	Личное подсобное хозяйство	Государственное обеспечение	Иждивение, помощь других лиц, алименты
Республика Карелия	35,9	4,9	46,6	12,6
Республика Коми	29,1	17,8	34	19,1
Ненецкий автономный округ	25,2	12,7	42,1	20
Архангельская область (без НАО)	25,1	4,7	39,2	31
Мурманская область	34,4	6,8	36,8	22
Ханты-Мансийский автономный округ	26,4	9,8	30,2	33,6
Ямало-Ненецкий автономный округ	28,6	7,3	34,3	29,8
Республика Тыва	16,7	10,9	39,4	33
Республика Саха	24,8	6,6	38,6	30
Камчатский край	27,9	11,8	35,3	25
Магаданская область	26,8	10,3	38,5	24,4
Сахалинская область	27,6	8,1	34,5	29,8
Чукотский автономный округ	31,3	2,8	36,8	29,1
Северные регионы	27,7	8,8	37,4	26,1

О предпринимательской активности КМНС северных регионов свидетельствуют данные, представленные в таблице 3.

Таблица 3. **Занятое население частных домохозяйств КМНС северных регионов в возрасте от 15 до 72 лет, в %**

Регион	Работающие по найму	Работающие не по найму, из них:	с привлечением наемных работников	без привлечения наемных работников
Республика Карелия	94,6	5,4	49,3	50,7
Республика Коми	48,9	51,1	2,1	97,9
Ненецкий автономный округ	97,5	2,5	40	60
Архангельская область (без НАО)	94,6	5,4	11,4	88,6
Мурманская область	98	2	15,4	34,6
Ханты-Мансийский автономный округ	96,5	3,5	23,8	76,2
Ямало-Ненецкий автономный округ	98,4	1,6	36,8	63,2
Республика Тыва	87,9	12,1	20,5	79,5
Республика Саха	95,5	4,5	28,2	71,8
Камчатский край	96,9	3,1	25	75
Магаданская область	95,3	4,7	11,3	88,7
Сахалинская область	93,7	6,3	22,8	77,2
Чукотский автономный округ	98,5	1,5	8,2	91,8
Северные регионы	92,0	8,0	22,7	73,5

Анализ таблицы 3 позволяет сделать вывод, что для большинства северных регионов России характерна невысокая предпринимательская активность КМНС (работающие не по найму). Исключение составляет Республика Коми, продемонстрировавшая также относительно низкий уровень безработицы и высокую трудовую активность среди КМНС.

подавляющее большинство представителей коренного населения, занятого не по найму, осуществляют свою деятельность без привлечения наемных работников, что можно объяснить особенностями ведения традиционного хозяйства.

Между тем можно с уверенностью утверждать, что будущее КМНС за реализацией их предпринимательского потенциала. Это подтверждается Стратегией развития Арктической зоны Российской Федерации [9], в которой обеспечение самозанятости КМНС выделено в качестве приоритетного направления.

На наш взгляд, развитие самозанятости среди коренного населения Севера способствует не только повышению уровня жизни за счет получения дополнительных доходов, но и имеет важное этносохраняющее значение. При этом важно осознавать, что такие традиционные виды деятельности, как сбор и переработка дикоросов, обработка пушно-мехового сырья, разведение оленей, забой морского зверя, традиционное рыболовство, в современных рыночных условиях, как правило, не являются рентабельными. Развитие данных видов деятельности требует дополнительной поддержки и дотаций КМНС со стороны государства. Однако культурный и экологический эффекты превосходят экономические издержки государства на развитие и поддержку самозанятости и предпринимательской деятельности коренного населения в традиционном хозяйстве.

Источники

1. Базалеев О.А. Из опыта реализации программ развития коренных народов Севера Сахалина // Социс. – 2011. – №2. – С. 64.
2. Богоявленский Д.Д., Пика А.И. Насильственная смертность у народов Севера (на примере Камчатки и Чукотки) // География и хозяйство. Вып. 4. Районы проживания малочисленных народов Севера. Сб. научных трудов / Отв. ред. А.И. Чистобаев. – Л., 1991. – С. 162-182.
3. Калашникова И., Недохлебова Е. Коренные малочисленные народы российского Дальнего Востока: повышение уровня жизни на основе реформирования модели занятости // Человек и труд. – 2003. – №5. – С. 16-18.

4. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 04.02.2009 г. №132-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – №7. – Ст. 876.

5. Национальный состав и владение языками, гражданство // Всероссийская перепись населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/pereris2010/croc/pereris_itogi1612.htm. Дата обращения: 27.05.2013 г.

6. Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 17.04.2006 г. №536-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – №17. – Ст. 1905.

7. Роон Т.П. Размышления о Сахалине и его жителях в свете транснациональных проектов добычи углеводородов на шельфе Охотского моря (к вопросу об этнологической экспертизе) // Этнографическое обозрение. – 2008. – №3. – С.36 – 37.

8. Север как объект комплексных региональных исследований / Отв. ред. В.Н. Лажнецев. – Сыктывкар, 2005. – 512 с.

9. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru. Дата обращения: 04.06.2013 г.

10. Этапы развития образования в Российской Федерации в XXI веке // Фонд защиты конституционных прав коренных малочисленных народов России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fondru.ru/education.htm>. Дата обращения: 29.05.2013 г.

Ю.А. Киреева,
Иркутск

Модернизация здравоохранения в Байкальском регионе

В настоящее время перспективы развития здравоохранения определяются нерешёнными проблемами и негативными тенденциями в уровне общественного здоровья, которые сложились в течение последних десятилетий. Здравоохранение в сочетании с образованием и социальным обеспечением должно стать ведущим в системе социального выравнивания в неравном по доходам и возможностям обществе [4]. Реформирование системы здравоохранения, внедрение новейших медицинских технологий определено в числе ключевых позиций программы модернизации отрасли [5]. Основная цель модернизации здравоохранения – создание оптимальных систем организации здравоохранения, ориентированных не на расширение сети медицинских организаций, а на повышение эффективности их деятельности, расширение профилактической направленности здравоохранения, способной предотвратить ухудшение состояния здоровья трудоспособного населения [6].

Региональный аспект модернизации здравоохранения очень важен, поскольку является составной частью стратегий территориального социально-экономического развития страны. Как показывает опыт, инновационные мероприятия регионального уровня должны быть направлены на конкретный спектр важнейших приоритетов и предусматривать организацию целевых НИОКР для разработки требуемых региону инновации [2]. Поэтому целью программы модернизации здравоохранения в России было то, чтобы за несколько лет каждый регион смог выстроить систему здравоохранения, от учреждений первичного звена до муниципальных, региональных и даже федеральных центров. Фактически заново разработать стратегию движения больных в зависимости от профиля, остроты и тяжести заболевания [3]. Перед регионами поставили задачу рационально использовать те средства, которые выделили на проведение программы. План модернизации каждый регион разрабатывал самостоятельно и защищал в Минздраве. Федеральное ведомство только ограничило направления, которые будут финансироваться:

укрепление материально-технической базы, внедрение современных информационных систем и единых стандартов медицинской помощи.

В Байкальском регионе инфраструктура медицины не смогла эффективно освоить деньги, получение которых строго контролировалось. Чиновники думали не о том, как с большей эффективностью использовать эти средства, а как отчитаться по их расходованию. Фактически в регионе проводились разрозненные мероприятия по модернизации здравоохранения, что-то ремонтировали, что-то закупали, и все эти действия были никак не связаны между собой [7].

Основными причинами, которые помешали модернизировать здравоохранение в Байкальском регионе в полном объеме, можно назвать:

1. При выполнении программы немалую сумму нужно было освоить в довольно сжатые сроки. Кроме того, ряд муниципалитетов неэффективно расходовали средства, не принимали никакого участия в софинансировании, которое предусматривалось программой.

2. Вновь приобретенное оборудование не представлялось возможным запустить в работу по причине отсутствия площадей в медучреждениях, отсутствия квалифицированного персонала, низкого качества оборудования.

3. Закупки по завышенным ценам.

4. Несовершенство системы отчетности по качеству медицинских услуг, так как эта отчетность составляется по опросам, которые сотрудники министерства проводят в больницах, опрашивая пациентов. «Пациент зависит от лечащего врача, поэтому его мнение о качестве услуг может не всегда соответствовать действительности» [1].

5. Нехватка профессиональных кадров. Десятки тысяч единиц нового оборудования и тысячи отремонтированных за два года объектов – медицине в регионе, особенно в сельской местности, не помешают, но если на нем будет некому работать? В Байкальском регионе необходим комплекс мер по принципиальному изменению подходов по привлечению в здравоохранение медицинских кадров, их социальному обустройству, финансовому обеспечению. На науку и обучение бюджеты закладываются очень низкие. Не только для больниц и поликлиник, но даже и для федеральных научно-технических центров. Базы последипломных факультетов, за редким исключением, слабые. Новые медицинские технологии, стандарты, новые условия труда – это другой уровень горизонта, который должен привлечь в здравоохранение талантливую молодежь. А здесь уже необходимы новые технологии медицинского образования.

В Байкальском регионе в качестве основных сценариев дальнейшего развития здравоохранения можно выделить три пути: инерционный, ресурсный (инвестиционный) и инновационный, каждый из которых имеет как свои преимущества, так и недостатки. Инерционный и инвестиционный пути более привычны для восприятия и имеют разработанные механизмы реализации. Однако при инерционном пути поставленные цели повышения качества и доступности для всех медицинской помощи не реализуются, экономически неэффективная система оказания медицинской помощи требует для своего поддержания все больше средств, без качественных сдвигов в здоровье населения. Суть инвестиционной модели состоит в сохранении эволюционного подхода к развитию здравоохранения и предусматривает те направления модернизации здравоохранения, которые обеспечивают решение острых проблем, но не имеют цели системного развития отрасли.

Инновационный сценарий развития здравоохранения заключается в формировании и реализации инновационно-стратегической модели. Технология инновационно-стратегического управления отраслью через систему связанных с отдельными заболеваниями или группами заболеваний приоритетов увязывает воедино управление научным потенциалом медицины и смежных отраслей, систему образования и практическое здравоохранение, управление развитием и оперативное регулирование деятельности, различные уровни управления, виды и формы собственности [7]. Реализация инновационного сценария развития здравоохранения в Байкальском регионе позволит за относительно более короткое время приблизить уровень медицинской помощи к общемировым стандартам, переориентировать систему управления на достижение общественно значимых результатов деятельности, стимулировать развитие науки и производства, ориентированных на медицину, развивать финансово-экономические и организационно-управленческие технологии.

Источники

1. Белоусов А. Реанимация бесполезна [Эл. ресурс] // Эксперт Урал. – 2012. – №28-31 (519). – Режим доступа: <http://expert.ru/ural/2012/31/reanimatsiya-bespolezna/>, свободный. – Загл. с экрана.
2. Беляков В.К. Медицинские инновации в сфере охраны здоровья работающего населения / В.К. Беляков // Медицина труда и пром. экология. – 2006. – №1. – С. 13-15.

3. Вишневский А.Г., Кузьминов Я.И., Шевский В.И. Российское здравоохранение: как выйти из кризиса: Доклад на VII Междунар. науч. конф. «Модернизация экономики и государство». – М., 2006.
4. Горлач И.В. Проблемы модернизации в области здравоохранения и прилегающих к ним инженерных профессий // Ползуновский вестник. – 2012. – №1/2. – С. 59-62.
5. Данишевский К. Демографический кризис в России: оптимальные пути преодоления // Отечественные записки. – 2006. – №2.
6. Дорофеев В.Д., Дресвянников В.А. Инновационный менеджмент. – Пенза, 2003. – С. 4
7. Современный подход к управлению здравоохранением [Эл. ресурс] // Журнал «Медицина и здоровье». – 2012. – №6(74). – Режим доступа: <http://www.medicinarf.ru/journals/698/>, свободный. – Загл. с экрана.

Н.Н. Клюев, Л.М. Яковенко,
Москва

Пореформенная Россия: геоэкологические проблемы

Рассмотрим, как в ходе реформирования страны перераспределялись между экономическими районами главные производственные отрасли, трансформирующие природную среду, – промышленность и сельское хозяйство, а также население, определяющее уровень «демографического» давления на среду.

Рассчитанные для экономических районов промышленные индексы в сопоставимых ценах 2004 г. (табл. 1) показывают, что промышленная нагрузка на природу заметно снизилась на Дальнем Востоке и в Волго-Вятском районе, на Урале и в Центре. На этом фоне растёт относительное промышленное значение Севера и Северо-Запада. Как это ни парадоксально, увеличивается и сельскохозяйственная значимость Урала и Западной Сибири, хотя аграрная сфера лучше сохранилась в Центральном Черноземье и Поволжье.

Таблица 1. Индексы производства промышленной и сельскохозяйственной продукции и численности населения по экономическим районам России, %

Экономические районы	Индекс производства промышленной продукции, 2004 г. к 1990 г.	Индекс производства сельскохозяйственной продукции, 2006 г. к 1990 г.	Индекс численности населения, 2006 г. к 1990 г.
Северный	90	59	83
Северо-Западный	85	64	92
Центральный	68	68	99
Волго-Вятский	61	75	91
Центрально-Черноземный	77	90	95
Поволжский	80	89	98
Северо-Кавказский	70	79	111
Уральский	67	85	95
Западно-Сибирский	74	85	97
Восточно-Сибирский	77	71	91
Дальневосточный	59	43	81
Калининградская область	71	53	105
РОССИЯ	70	75	96

Примечание. Выделены районы с минимальными значениями индексов каждого ряда. Рассчитано по данным: [1; 2].

В то же время население, а значит, и демографическое «давление» на среду смещается в Центр (исключительно в Московский столичный регион) и на Северный Кавказ. Грубо говоря, если исключить столицу (внезональную во всех отношениях) и тюменские округа, можно сказать, что население сдвигается в зону с оптимальным соотношением тепла и влаги и максимальной биологической продуктивностью ландшафтов. Это движение внешне выглядит как тяготение населения к экологически благоприятным местам, однако определяется оно экономическими и природно-ресурсными, а не природно-экологическими факторами.

Наиболее сильное сокращение нагрузок на природу по всем блокам (промышленность, сельское хозяйство и население) отмечается в наименее освоенном, Дальневосточном районе.

В постсоветский период наблюдается экологическая деградация промышленной структуры страны. Темпы падения производства существенно различаются по отраслям (табл. 2). В результате в промышленной структуре заметно увеличилась доля природоёмких экологически «агрессивных» отраслей (электроэнергетики, металлургии, топливной и химической промышленности) и уменьшилась доля экологически более приемлемых производств (лёгкой промышленности и машиностроения) (табл. 3).

Таблица 2. Индексы промышленного производства по отраслям промышленности*, %

Отрасли промышленности	1998 г. к 1990 г.	2004 г. к 1990 г.
Топливная промышленность	64,6	92,3
Цветная металлургия	53,7	83,3
Черная металлургия	52,4	83,2
Электроэнергетика	74,4	76,9
Химическая и нефтехимическая промышленность	43,0	71,4
Пищевая промышленность	47,1	70,4
Вся промышленность	45,8	70,2
Машиностроение и металлообработка	36,4	67,3
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	33,7	49,5
Промышленность строительных материалов	29,6	44,9
Легкая промышленность	11,4	14,2

* Из-за перехода на новую статистическую классификацию – с ОКОНХ на ОКВЭД – с 2005 г. аналогичный анализ динамики промышленной структуры чрезвычайно затруднён. Рассчитано по данным: [6].

Таблица 3. Структура производства промышленной продукции России по отраслям*, %

Отрасли промышленности	1990 г., в текущих ценах	1990 г., в ценах 2004 г.	2004 г., в текущих ценах
Вся промышленность	100	100	100
Сумма «агрессивных» отраслей, в т.ч.:	30,2	48,3	57,4
электроэнергетика	4,3	9,8	10,7
топливная промышленность	7,6	16,5	21,7
черная металлургия	5,3	10,0	11,8
цветная металлургия	5,7	6,2	7,3
химическая и нефтехимическая пром.	7,3	5,8	5,9
Машиностроение и металлообработка	31,2	19,7	18,9
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	5,4	5,5	3,9
Промышленность строительных материалов	3,8	4,8	3,1
Легкая промышленность	12,1	5,4	1,1
Пищевая промышленность	15,2	12,5	12,5
Прочие	2,1	3,6	3,1
* Рассчитано по данным: [3; 6].			

Происходит процесс «утяжеления» промышленных структур регионов, которое произошло везде, кроме Самарской и Ленинградской областей. Наблюдается определённая корреляционная зависимость: чем выше в регионе доля «агрессивных» отраслей, тем значительнее она увеличилась за постсоветское время. Заметна и другая ожидаемая закономерность: с ростом доли «агрессивных» отраслей увеличивается и величина выбросов в атмосферу. Хорошо видно также, что регионы, отличающиеся значительными выбросами в атмосферу, специализируются в основном на топливной промышленности и металлургии.

В постсоветский период промышленные структуры российских регионов ещё сильнее дифференцировались. В 1990 г. среднее отклонение региональных промышленных структур от национальной структуры составляло 30,7%, а в 2004 г. – 41,3%. Ранее максимальным отклонением от среднероссийской структуры отличалась Камчатская область (65,5%) с гипертрофией пищевой индустрии. Ныне наибольшим отклонением характеризуется нефтегазодобывающая Тюменская область (с округами) – 66,1%. Минимальное отклонение тоже выросло – с 10,8% (Ростовская область, 1990 г.) до 19,3% (Пермская область, 2004 г.).

Кроме отраслевых структур регионов, большой интерес представляет распределение продукции промышленных отраслей по экономическим районам и его изменений. К 2004 г. (это последний год существования в данных Росстата промышленных отраслей, которые теперь заменены на «виды деятельности») сохранилась высокая концентрация отдельных отраслей в узком круге экономических районов. Почти 60% продукции топливной промышленности концентрируется в Западной Сибири; 45% продукции лёгкой промышленности – в Центральном районе. Доля первой тройки районов составляет более 50% в продукции всех отраслей промышленности.

За 1990–2004 гг. Западная Сибирь значительно усилила свои позиции в топливном комплексе страны, а Восточная Сибирь, Центр и Северный Кавказ, наоборот, ослабили. В то же время очень существенно выросла доля Восточной Сибири в цветной металлургии страны. Эта экологически опасная отрасль одновременно сильно сократилась в Центре. Правда, в Центре были представлены верхние этажи пирометаллургического цикла цветных металлов (относительно менее вредные для человека и природной среды), а в Восточной Сибири концентрируются глинозёмное производство и выплавка алюминия, экологически агрессивные и энергоёмкие. Инвестиционно-строительный «бум» в Центральном районе (сильный рост относительно других районов, а не по сравнению с советским периодом) вызвал значительный переток сюда промышленности строительных материалов, которая сильно сократилась в восточных районах страны. В пищевой промышленности страны сдают позиции Северный Кавказ и Дальний Восток и усиливают – столичные регионы. Рост роли Севера и Северо-Запада в лесной промышленности – свидетельство её приближения к относительно хорошо освоенным регионам. Но в результате растут и территориальные диспропорции между лесозаготовкой и её ресурсной базой. В Поволжье растут отрасли его традиционной специализации – машиностроение и химическая индустрия, а Центральное Черноземье характеризуется увеличением доли в российской черной металлургии. Отмеченные относительные сдвиги обусловлены главным образом неравномерным сокращением производства по экономическим районам страны, а не новым промышленным строительством.

До сих пор анализ загрязнения атмосферы городов ограничивается, как правило, учётом выбросов от стационарных источников, в основном промышленных. Металлургическая специализация городов прочно

Таблица 4. Двадцать пять первых городов по ряду экологических показателей, 2006 г.*

Выбросы вредных веществ в атмосферу от стационарных источников, тыс. т		Выбросы в атмосферу суммарные, тыс. т		Сброс загрязнённых сточных вод, млн. м ³	
Норильск	1987	Норильск	2010	Москва	1857
Новокузнецк	436	Москва	1162	Санкт-Петербург	1174
Череповец	354	Санкт-Петербург	510	Самара	266
Липецк	344	Новокузнецк	492	Владивосток	258
Воркута	328	Липецк	402	Челябинск	242
Асбест	286	Череповец	391	Нижний Новгород	242
Троицк	276	Воркута	338	Красноярск	235
Магнитогорск	227	Новосибирск	299	Казань	228
Сорочинск	197	Асбест	294	Екатеринбург	227
Нижний Тагил	196	Омск	291	Братск	204
Орск	176	Троицк	284	Новокузнецк	203
Радужный	173	Магнитогорск	266	Омск	199
Омск	166	Уфа	266	Ярославль	186
Красноярск	164	Красноярск	261	Ангарск	184
Уфа	153	Челябинск	258	Коряжма	175
Челябинск	149	Нижний Тагил	234	Уфа	159
Ангарск	142	Орск	208	Волгоград	155
Медногорск	120	Сорочинск	201	Саратов	145
Братск	114	Радужный	181	Воронеж	144
Новосибирск	104	Нижний Новгород	172	Нижний Тагил	143
Новочеркасск	103	Волгоград	172	Магнитогорск	138
Междуреченск	100	Самара	171	Кировск	138
Стрежевой	98	Ангарск	167	Темрюкск	138
Аксарайский	96	Екатеринбург	152	Новодвинск	133
Москва	95	Братск	141	Кемерово	123

*Составлено по данным: [1; 2; 5; 7].

закрепляет их первенство в загрязнении атмосферы промышленностью: почти половина городов с наибольшими промышленными выбросами в атмосферу – это крупные центры черной или цветной металлургии (табл. 4). Между тем в связи с падением промышленного производства и стремительной автомобилизацией доля транспортных выбросов сильно увеличивается и составляет, например, в Москве уже свыше 90%. Причем это преимущественно выбросы от личного транспорта населения, т.е. это вклад не производственного, а потребительского сектора. Учёт суммарных (промышленных плюс транспортных) выбросов существенно трансформирует иерархию городов – лидеров по загрязнению воздушной среды. Если в списке лидирующих по промышленным выбросам городов Москва занимает лишь 25-е место, а Санкт-Петербурга в нем нет

совсем, то по суммарным выбросам российские столицы перемещаются в лидирующую тройку. Список городов с наибольшими объемами сбросов загрязненных сточных вод также возглавляют столичные центры, которые многократно (в 4–7 раз) опережают других крупнейших загрязнителей вод. В сбросе сточных вод Москвы и Санкт-Петербурга доминирует доля жилищно-коммунального хозяйства при падающей доле промышленности. Таким образом, не индустриальная, а «третичная» экономика оставляет всё более заметный экологический след в крупнейших российских городах.

Источники

1. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2006 г.» – М.: Центр международных проектов, 2007. – 500 с.
2. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2007 г.» – М.: Центр международных проектов, 2008. – 504 с.
3. Промышленность РСФСР в 1990 г. / Росинформцентр Госкомстата РСФСР, 1991. – 431 с.
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005 / Федеральная служба гос. статистики. – CD.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008 / Федеральная служба гос. статистики. – CD.
6. Российский статистический ежегодник. 2005 / Федеральная служба гос. статистики. – CD.
7. Российский статистический ежегодник. 2008 / Федеральная служба гос. статистики. – CD.

К.А. Комков,
Курск

Восприятие имиджевой политики региона населением в контексте модернизации

Модернизация стала декларируемым приоритетом в развитии политической системы, децентрализацией правил игры и условий участия в этой игре. Однако многие исследователи и участники процесса, говоря о формировании имиджа, называют только одну его задачу — привлечение инвестиций в регион. И это происходит несмотря на то, что имидж региона — многоаспектная сущность, которая не терпит к себе несерьезного и поверхностного отношения, которая может способствовать как развитию региона, так и его деградации.

Каждый регион по-своему уникален: имеет исторически сложившиеся традиции и культуру; национальные особенности; исходный уровень развития; особенности, обусловленные производственной структурой, географическим положением и производственным потенциалом. Сегодня в отношении отдельных регионов в рамках всего государства, у общественности, в особенности центральной России, преобладает то или иное (положительное или отрицательное) мнение. Ориентируясь на это общественное мнение, выстраивается и государственная политика в отношении отдельных регионов.

Основным образующим фактором политического имиджа региона являются политические характеристики региона: система власти (включая роль лидера), способ исполнения полномочий, характер отношений с федеральным центром, особенности взаимодействия с бизнесом. К числу других существенных факторов, в которых опосредуется политическая составляющая, относятся социально-социумные характеристики, социокультурная среда, экономико-географическое положение, имиджевая активность.

Политический имидж региона связан с имиджем региональной власти (лидера), но не совпадает с ним. Имиджи региональной власти и региона могут так или иначе влиять друг на друга. Имидж лидера (власти) включает в себя личные характеристики и поступки представителя власти, а имидж территории состоит из более широкого перечня компонентов.

В условиях модернизации страны при формировании имиджа региона идентичность играет одну из ключевых ролей. Региональная идентичность не только определяет политический имидж региона, но и участвует в формировании государственного имиджа [3, с. 21-22].

В России уже наступило время, когда регионам приходится конкурировать буквально за все: за инвестиции, информационные, транспортные и туристические потоки, экологические, экономические, социальные и культурные проекты, креативные эксклюзивные идеи и, конечно же, за специалистов, способных всем этим управлять. Причем в дальнейшем межрегиональная конкуренция будет все жестче, при этом в выигрышном положении окажутся те регионы, которые не только обладают востребованными региональными ресурсами, но и сумеют с выгодой для своего развития воспользоваться ими. В условиях жесткой межрегиональной конкуренции возрастает роль позиционирования в информационном пространстве, позволяющего региону привлекать и наращивать ресурсы для своего развития. Позиционирование в рыночном понимании – это создание привлекательного образа продукта, товара или услуги, повышающего его конкурентоспособность. Любой регион в данном плане следует рассматривать как специфический товар, потребителями полезных свойств которого выступают жители, инвесторы, предприниматели, туристы и т.д.

Эксперты в области региональной политики отмечают как характерную особенность текущего момента тот факт, что практически все регионы России все еще находятся в поиске собственной идентичности. Но уже скоро одни из них вырвутся вперед и займут лидирующие позиции в борьбе за инвестора, остальные, к сожалению, могут так и задержаться «на перепутье». Контент-анализ изданий печатных и электронных СМИ показывает, что тема конкуренции в области регионального брендинга остро стоит и в Черноземье. Сами за себя говорят заголовки публикаций: «Кто главнее в Черноземье?», «Бренд как «яблоко раздора»», «Имиджевые инициативы регионов Черноземья», «Имидж Курской области – один из лучших в Черноземье», «Сделает ли Алексей Гордеев из Воронежской области «витрину Черноземья»?»

Следует отметить, что формирование регионального имиджа принципиально отличается от корпоративного или отраслевого. Главная его особенность состоит в том, что к созданию положительного, запоминающегося образа региона необходимо подходить целостно, поскольку

рекламировать приходится всё — начиная с истории и географического положения и заканчивая главными сферами хозяйственной деятельности. Следует отметить, что если при продвижении торговой марки заказчик — это конкретный человек или небольшая группа людей, от которых, в принципе, можно добиться внятного сформулированного задания, а значит — в итоге достигнуть удовлетворяющего их результата, то с продвижением региона дело обстоит сложнее. По логике вещей заказчиками создания имиджа региона должны быть его жители — налогоплательщики, формирующие бюджет. Понятно, что такой многочисленной группе людей, придерживающихся различных взглядов, очень трудно выработать единое представление о желаемом результате. Поэтому создание и продвижение образа какой-либо административной единицы — это, в первую очередь, длительный процесс, не предполагающий достижения сиюминутного конечного результата. Реализацией этого процесса занимаются, как правило, органы власти, чаще всего — исполнительной.

Целевыми аудиториями в рамках проведения информационно-имиджевой кампании региона являются:

- местное население, которое при всех внутренних противоречиях и конфликтах объединено заинтересованностью в экономическом благополучии;
- население других регионов, конкурирующее с местным за распределение инвестиций, государственных субсидий и т.п.;
- крупные инвестиционные компании, корпорации;
- органы государственного управления, политические силы;
- журналисты;
- общественные группы.

Какие инструменты для оценки имиджевой привлекательности региона можно выделить?

1. *Индекс цитируемости региона в СМИ.* Прежде всего, можно рассматривать вопрос о наличии/отсутствии региона в новостных ресурсах, об участии первых лиц региона в экспертных оценках событий российского или международного масштаба. Позиционирование региона в репутационной картине страны существенным образом влияет на приток внешних и внутренних инвестиций, дотационных траншей из федерального центра, на уровень деловой активности, на характер миграционных процессов и в конечном счете на качество жизни.

2. *Виртуальное представительство региона в глобальной сети.* Для оценки имиджа региона важно учитывать, насколько качественно и современно представлена область в Интернет-ресурсах, как часто появляются первые лица с комментариями в блогах, как функционирует электронное правительство, как регион доминирует в социальных сетях (сообщества, переадресация социально значимой информации).

3. *Представительство региона в рейтингах, экспертных оценках, мониторингах.* Одним из знаковых для элит является «Рейтинг губернаторов», проводимый политическим фондом «Невская политика», аналитические отчеты Министерства регионального развития. В конце года пресса традиционно подводит итоги как в российских, так и в международных изданиях, публикует различные рейтинги. Курская область занимает средние строчки в авторитетном рейтинге агентства «Эксперт РА» среди субъектов РФ, имеющих высший уровень инвестиционной привлекательности.

4. *Туристическая привлекательность региона.* Значительный вклад в создание имиджа региона вносит его туристическая индустрия. Поэтому продвижение туристического бренда является одной из важных задач местной власти. Привлекательность региона для гостей складывается из трёх факторов: географического положения, культурно-исторического наследия, наличия инфраструктуры отдыха. Главный упор в позиционировании региона делается на уникальное географическое положение Курской области (транспортные развязки, южные врата России), исторические достопримечательности (Курская битва, археологические памятники), культурно-историческое наследие (усадьба Фета, картинная галерея), религиозные объекты (Коренная пустынь, Рыльский Свято-Николаевский монастырь).

5. *Политическая история региона.* Заявленная модернизация нацелена на активизацию политической жизни, институтов гражданского общества. Среди критериев оценки: электоральная история региона, уровень развития институтов гражданского общества, активный общественный диспут. Как справедливо отмечает В.В. Гайдук, «...регионы, как и сама жизнь, не могут не видоизменяться и оставаться постоянной политической величиной. Все регионы, в том числе и субъекты Российской Федерации, подвержены действию политико-правовых и социально-экономических процессов. Одни тенденции позитивно сказываются на субъекте федерации, повышая самодостаточность и политический имидж региона, в том числе и перед федеральным Центром, другие, наоборот, тормозят развитие» [1, с. 19-33].

6. *Имиджевый пинг-понг.* Поддержка мероприятий в регионе со стороны лидеров общественного мнения, находящихся за пределами территории области, но оказывающих существенное влияние на общественно-политическую жизнь, экономику, науку. Особое внимание следует обратить на союзы, землячества, объединяющие в своих рядах выходцев из Курской области. Привязанность, ностальгия, чувство долга и другие эмоции, которые испытывают эти люди, позволяют найти в них активных сторонников продвижения региона и организации взаимодействия с другими территориями и частными лицами в области коммерческих и социальных проектов. Существенную роль играют также «люди-бренды», чья известность зеркально отражается и на регионе (в Курской области это политик Никита Хрущев, композитор Григорий Свиридов, художник Александр Дейнека и др.).

7. *Инвестиционная привлекательность региона. Очаги роста экономики региона.* Важно ответить на вопросы: является ли регион инновационным или стагнационным? Есть ли ядра модернизации? Многие местные бренды продвигают интересы территории. В свою очередь, руководство регионов должно оказывать всестороннюю поддержку местным производителям. Участие в различных выставках, проведение презентаций, визиты официальных делегаций – всё это способствует укреплению сотрудничества между регионами. Например, Курская область регулярно принимает участие в международных выставках, организует и проводит Коренскую ярмарку. Второй год проводится Среднероссийский экономический форум. По результатам проведенных мероприятий области удалось договориться о реализации многомиллионных инвестиционных проектов. Однако подобные мероприятия, находя положительный отклик со стороны мирового сообщества, до сих пор не одобряются внутренней целевой группой. К сожалению, местные жители воспринимают участие региона в международных презентациях как пустую трату денег, возможность представителям бизнеса и власти «покататься по границам» за казённый счёт.

8. *Публицитный капитал региона.* Как отмечает Ю.В. Кудашова в исследовании на тему «Позиционирование региона в политическом пространстве современной России», позиционирование региона в пространстве политики «представляет собой деятельность, нацеленную на изменение репрезентаций, формирующих символическое пространство политических отношений, на наращивание публицитного капитала региона.

Публицитный капитал обеспечивает региону узнаваемость, позитивное отношение целевых групп, благоприятные оценки политики, проводимой властями региона, мотивацию граждан на участие в политической и экономической жизни региона. Следовательно, эффективное политическое позиционирование позволяет региону обрести дополнительные возможности участия в процессах выработки и принятия государственных решений, расширить доступ к значимым для развития региона ресурсам, получить конкурентные преимущества по сравнению с другими регионами, обеспечить лояльное отношение центра, закрепленное не только в формальных нормах институционального дизайна федеративных отношений, но и в симпатиях, испытываемых федеральным руководством к региону» [2, с. 7-9].

Введение категории публицитного капитала позволяет решить важную задачу измерения уровня представленности региона в политическом пространстве. Измерение является одним из способов определения успешности проведенной кампании по политическому позиционированию. Как считают авторы, если можно сопоставить итоги предпринятых усилий с начальным положением объекта в политическом пространстве, то на основе этого сопоставления выводится оценка деятельности тех, кто инициировал и организовывал процесс политического позиционирования региона.

Публицитный капитал региона, по мнению Кудашовой, складывается из следующих составляющих:

- информированность целевых групп о регионе;
- общее эмоциональное отношение к региону;
- оценка политики, проводимой регионом;
- поведенческие установки в отношении региона.

Информированность целевых групп о регионе может быть операционализирована в такие индикаторы, как знание о территориально-географическом положении региона, его культуре, особенностях протекающих на его территории политических процессов, о ключевых политических фигурах и т.д. Информированность может быть высокой/низкой, знания о регионе могут быть адекватными/искаженными. Изучение информированности позволит выявить характер бытующих в сознании целевых групп стереотипов, определить степень их соответствия как реальной картине, так и желаемому имиджу.

Общее эмоциональное отношение замеряется посредством определения уровня доверия целевых групп к региону в целом, его жителям, региональным властям, местному бизнесу и т.п., а также степени его привлекательности. Методики измерения эмоционального отношения в современной науке получили свое развитие не только в виде прямых вопросов, но и путем выявления ассоциативных связей, контент-анализа текстов публичных выступлений, что позволяет с достаточно большой вероятностью определять валентность формирующихся установок в отношении того или иного региона.

Оценка политики, проводимой регионом, в отличие от доверия является более рациональным способом определения своего отношения к региону. Оценивание политики всегда осуществляется через призму определенной системы ценностей, и чем больше соответствует политика властей ценностной системе личности, тем выше полученная оценка. Фактически речь идет об одобрении деятельности региона соответствующими целевыми группами.

Поведенческие установки в отношении региона являются некоторым интегральным фактором отношения целевых групп. Поведенческие установки могут варьироваться от позитивно-активных (желание приехать в регион, в том числе на постоянное место жительства, желание инвестировать капитал в региональную экономику и т.д.) до негативно-активных (желание уехать из региона, высокий уровень опасений относительно инвестиций в региональную экономику и т.д.).

Специфика паблицитного капитала заключается в том, что он может складываться из различной конфигурации знания (информированности о регионе), доверия (эмоционального отношения), одобрения (оценки деятельности), активности (поведенческие установки). Может быть высокая степень информированности о регионе при критическом отношении к его жителям и политике региональных властей.

Исходя из такого подхода, политическое позиционирование можно рассматривать как информационно-коммуникационную деятельность на политическом рынке паблицитных капиталов. Чем выше паблицитный капитал, тем большим политическим весом обладает регион, тем более выгодную нишу он занимает в политическом пространстве. Введение категории паблицитного капитала позволяет решить важную задачу измерения уровня представленности региона в политическом пространстве [2, с. 7-9].

Попыток формирования положительного имиджа области за последнее время предпринималось немало. Инициатором, разработчиком и исполнителем мероприятий по позиционированию области выступала администрация области, что, в свою очередь, приводило к тому, что все эти попытки не увенчались успехом, и как факт: в Интернет-пространстве сегодня доминирует негативный имидж области. Разъяснений по данному факту можно привести много, но главным следует считать то, что все действия по позиционированию региона осуществлялись исключительно с использованием административного ресурса. Власть была как игроком, так и судьей на этом поле. Мнение общества при разработке и реализации программы формирования положительного имиджа не учитывалось, а если учитывалось, то не в полной мере. Все программы и проекты не предусматривали комплекса мер по выстраиванию в регионе общественных связей, всё сводилось лишь к информированию населения о ходе реализации того или иного мероприятия.

Политическая модернизация требует активного диалога с политическими силами, бизнес-структурами. Привлечь государственные или бизнес-инвестиции в регион позволяет создание специфических благоприятных условий для экономического и социального развития. Не менее важным способом создания образа региона и привлечения инвестиций является непосредственное знакомство с возможностями региона. Особая роль в проведении таких встреч с партнёрами принадлежит институту побратимства, позволяющему налаживать более тесные связи между регионами, что создаёт исключительные условия для культурного обмена или ведения совместного бизнеса.

В то же время мы должны понимать, что в условиях финансово-экономического кризиса содержание этого процесса регионального позиционирования серьезно изменяется. До кризиса успех регионального развития строился на развитии уже существующей инфраструктуры и умении властей привлечь федеральные деньги для ее дальнейшей модернизации. В нынешнее же время, когда государственные ресурсы сокращаются, обостряется борьба за ресурсы частных компаний, а также за иностранные инвестиции.

Выгодное положение региона в политическом пространстве невозможно без наращивания ресурсной базы, необходимой для обретения соответствующего политического веса, что предполагает установление связей с внешними социальными группами, обладающими свойствами

и качествами, способными приумножить политический, экономический, социальный и культурный потенциал региона. В этой связи важной составляющей политического позиционирования должно стать позиционирование региона как территории привлекательной для бизнеса, лиц наемного труда, туристов, инвесторов и т.д.

Позиционирование региона не является кампанией по изменению нормативного порядка, определяющего базовые структурные соразмерности в политическом пространстве. Позиционирование предполагает оказание влияния, воздействия на системы представлений целевых групп с целью формирования и/или изменения их мнений, суждений, установок в отношении региона. Таким образом, позиционирование требует особых технологий, открывающих возможности переформатировать информационное пространство, обеспечивая тем самым создание стимулов изменения поведения целевых групп.

Имидж региона является системообразующим в структуре публичного капитала. Конструируемый образ и эффективные технологии его информационной поддержки могут обеспечить приращение публичного капитала, т.е. повысить информированность целевых групп о регионе, сформировать позитивное эмоциональное отношение к региону, способствовать доминированию благоприятных оценок политики, проводимой регионом, повлиять на поведенческие установки в отношении региона. Формирование привлекательного имиджа региона является ядром кампании по позиционированию региона в политическом пространстве. Ориентация на формирование имиджа региона придает процессу позиционирования целостный характер, позволяет осуществлять мониторинг проводимой информационной кампании и оценивать степень ее эффективности.

Информационная среда оказывает большое воздействие на выбор технологий позиционирования региона в политическом пространстве. Ее состояние может находиться в диапазоне от благоприятного до негативного, что потребует использования разных стратегий решения задач формирования позитивного имиджа региона. Эффективность позиционирования региона как управленческого процесса зависит от способности управляющего субъекта рационально выстроить кампанию информационного влияния и сделать адекватный выбор соответствующих коммуникационных технологий, с помощью которых будет проходить насыщение информационного пространства сообщениями, оттеняющими положительные свойства и качества позиционируемого региона.

Выбор имиджевой стратегии региона должен обеспечиваться за счет выделения ряда доминантных смысловых значений, предопределяющих процессы восприятия региона, влияющих на отношение к нему. Выбор таких доминантных значений должен основываться на понимании того, что с их помощью можно сформировать уникальный и одновременно привлекательный, вызывающий позитивные эмоции образ региона.

Источники

1. Гайдук В.В. Политические регионы в условиях модернизации Российской Федерации // Вестник БИСТ. 2011. №2(10). С. 19-33.
2. Кудашова Ю.В. Технологии формирования публичного капитала в политическом позиционировании региона // Государственное управление: Электронный вестник. Выпуск №27. Июнь 2011 г. [Интернет-ресурс]. Режим доступа: <http://e-journal.spa.msu.ru/images/File/2011/27/Kudashova.pdf> Дата обращения: 5.07.2013 г.
3. Яковлев М.В. Формирование политического имиджа региона в условиях современной России: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2006.

М.П. Крылов,
Москва

Социокультурная модернизация и региональная идентичность населения исторического ядра Европейской России

Идентичность и социально-экономическое развитие. Понятие «идентичность» в настоящее время активно используется в различных контекстах. В аспекте социально-экономического развития территорий идентичность нередко рассматривается в бихевиористском ключе как отражение менталитета населения, ценностных установок, влияющих на его поведение. Речь идет, прежде всего, об укоренённости населения, привязанности людей к своей малой родине [5, 15 и др.]¹, что, однако, зачастую постулируется в качестве «тормозящего воздействия» для социокультурной модернизации. Между тем и в мировой, и в отечественной науке почти не исследована функция идентичности в поддержании внутреннего равновесия и устойчивости социальной системы перед лицом внешних деструктивных вызовов, позволяющая социуму эволюционировать, сохраняя присущие ему свойства гомеостаза.

Обобщая мировой опыт, В.А. Мельянцев пишет, что идентичность микро- и макросоциальных систем в настоящее время уже перестает рассматриваться как признак их застойности, стагнации или слабости, но все больше осознается как признак их долговременной результативности, внутренней мощи, своего рода пассионарности [11, с. 13]. В таком смысле развитая идентичность, связанная с конкретным пространством (в том числе идентичность региональная) является важным условием успешного экономического, а также социально-политического [12] развития. Понимаемая таким образом идентичность часто считается атрибутом «национального государства». Однако в силу недостаточного внимания исследователей к *региональной* идентичности изучение воздействия идентичности на экономическую и социокультурную модернизацию, на

¹ Понятие «идентичность» в (чисто) этническом аспекте, а также вопросы «конструирования идентичности» здесь не рассматриваются.

инновационную активность населения на *внутристрановом* уровне и, особенно, на уровне *отдельных городов и регионов*, пока находится в зачаточном состоянии².

Ряд российских экономистов, социологов, философов и методологов высказывают сомнения относительно положительного воздействия региональной идентичности на экономическую и социокультурную модернизацию в России. Они рассматривают региональную (территориальную, локально-региональную) идентичность как препятствие для текущих задач экономического развития и социокультурной модернизации, и даже как барьер для развития демократических свобод [3, 4, 10, 16 и др.]. Одним из выдвигаемых аргументов является то, что развитая региональная идентичность якобы ослабляет пространственную мобильность – один из ключевых движущих факторов экономического развития регионов (например, в рамках риторики теории «полюсов роста»). Возможно, традиция негативного отношения к укорененности, а тем самым и к региональной идентичности в целом, восходит к схеме К. Маркса, согласно которой для зарождения капитализма как прогрессивной по отношению к феодализму общественной формы необходимо появление массы людей, «внезапно вырванных из обычной жизненной колеи», согнанных с веками насиженных мест и превращённых в «нищих, разбойников, бродяг» [1]. Эта схема способствовала впоследствии неверной интерпретации идей П.А. Сорокина о социальной мобильности, превратив «мобильность» и «укоренённость» в своеобразные антагонисты, что теоретически и методологически некорректно.

В современном российском контексте изложенный контртезис становится особенно дискуссионным, причем с самых разных точек зрения [8, 9], а также идеологизированным; в качестве идеологической мифологемы здесь чаще выступают «архаика», «феодализм» [3, 4]. С позиций региональной экономики акцент на пространственную мобильность в ущерб укорененности представляется ошибочным, поскольку предполагает развитие лишь отдельных «полюсов роста» в ущерб остальной территории страны. В то же время приоритет укорененности соответствует новой концепции конкурентоспособности регионов, основанной на теории эндогенного экономического роста, пришедшей на смену теории экзогенного роста [13, с. 22–23].

² Попытке решения этой научной задачи посвящены работы автора [5, 6, 7].

Наряду с традицией, отдающей предпочтение мобильности перед укорененностью, существует и другая традиция, восходящая к Г. Гегелю, Ф. Ратцелю, В. Чайлду, В.П. Семёнову-Тян-Шанскому, О. Шпенглеру, В. Парето и многим другим. Эта традиция связана с негативной трактовкой пространственной мобильности, если таковая ослабляет укоренённость; в укоренённости видится основа нравственности, прогресса и т.д. По сути, в этом же логическом ряду лежит признание роли традиции для экономической и социокультурной модернизации (в том числе русской культурной традиции для российской модернизации: [2, 15]). В частности, инновации рассматриваются как социальный, ценностной феномен, связанный с местным сообществом и его идентичностью [14, с. 33]. Имеется ссылка на работы автора [14, с. 34], в которых даётся определение идентичности как способности местного сообщества к экономической и социокультурной активности, в том числе – к целенаправленной инновационной творческой деятельности, при взаимодействии традиции и модернизации, укоренённости и мобильности. К сожалению, при цитировании в наших формулировках не было отражено, быть может, важнейшее: региональная идентичность – это **воля к жизни и развитию на конкретной территории** [7, с. 20]. В целом предполагаемая (возможная) роль развитой идентичности для успешной модернизации может быть описана метафорой в терминах социальной физики: если сила постоянна, то тело движется ускоренно.

Более конкретное изучение идентичности в аспекте социокультурной эволюции регионов России и, тем самым, обоснование ее роли в модернизации России может быть осуществлено путем выявления связи идентичности с сопряженными феноменами, их проявления в координатах времени, поиска их своеобразной «векторности» и содержательного смысла в контексте взаимодействия традиции и модернизации.

Идентичность и социокультурная модернизация: опыт исследования. На массовом материале исторического ядра Европейской России³ нами показано существование автономных ракурсов региональной идентичности, в связи с чем автором были выделены *транстрадиционная*,

³ По нашей программе были проведены массовые опросы (3050 респондентов, 2002–2003 гг.). Выборки – квотные. Метод опроса – личное интервью. По Вологодской области обследование было осуществлено Институтом социально-экономического развития территорий РАН, по Воронежской области – Институтом общественного мнения «Квалитас», по Ярославской и Костромской областям – Исследовательской компанией «Социс». По Вологодской области была использована существующая система мониторинга, по другим областям выборки были обоснованы специально.

традиционалистская, надтрадиционная идентичности. Термин «транс-традиционный» означает: выходящий за рамки традиционализма, но не порывающий с традицией, а развивающий её («транс...» – здесь означает сквозной); надтрадиционный – выходящий за рамки традиции [7, с. 127-142].

К **транстрадиционной идентичности** относятся характеристики любви к родному городу, краю; российского патриотизма; отношения к поговоркам (с учётом работ З.В. Сикевич) «с родной земли умри – не сходи», «где ни жить – лишь бы сыту быть». Уровень согласия с первой поговоркой («природный патриотизм») убывает с уровнем образования, уровень несогласия со второй («просвещённый патриотизм») при этом растёт. Автором предложен **интегральный индекс региональной идентичности местных общностей**:

$$I = \{(R - m_1 - m_2) + ((U_1 + U_2):2)\} : 2,$$

где I – интегральный индекс, R – доля респондентов, которые гордятся Россией, m_1 – доля респондентов, которые всю жизнь прожили на одном месте и не стали местными и не испытывают привязанности к какой-либо местности, m_2 – доля желающих эмигрировать из России, U_1 – доля согласных с поговоркой «с родной земли умри – не сходи», U_2 – доля *не* согласных с поговоркой «где ни жить – лишь бы сыту быть» (всё в %).

В состав **традиционалистской** идентичности входят характеристики «субэтничности» (ответ на вопрос: «согласны ли Вы с утверждением: «нужно сделать всё возможное для сохранения местных различий в говорах, особенностях поведения, питания и т.д.», с учётом опросов ФОМ) и «внеэкономизма мышления», коррелирующие между собой («внеэкономизм мышления» как русская антитеза протестантской этики – отношение к поговорке «бедность не порок», используемой З.В. Сикевич). Сила идентичности по этим показателям убывает с уровнем образования.

Надтрадиционная идентичность носит «футуристический» характер. Она возрастает с повышением уровня образования (таблица) и самооценки доходов респондентов, а также с размерами города каждой из областей и внешне проявляется в чувстве превосходства над своими более бедными и образованными соседями.

**Влияние уровня образования на развитие региональной идентичности,
в % опрошенных**

Регионы РФ (область)	Значения региональной идентичности для трёх уровней образования*														
	Надтрадиционная идентичность			Любовь к родному городу, краю			Российский патриотизм (гордящиеся Россией минус желающие эмигрировать из России)			Укоренённость как алгебра- ическая сумма природного и просвещённого патриотизма			Традиционалистская идентичность: субэтничность		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Вологодская	11	11	19	4	2	5	8	4	7	2	1	9	4	4	5
Воронежская	-	-	-	6	4	3	5	1	0	6	7	5	1	3	0
Ярославская	14	14	22	3	4	5	7	8	3	6	8	0	2	0	5
Костромская	6	8	2	6	9	5	2	5	2	3	2	1	8	5	2

* 1 – начальное и незаконченное среднее; 2 – среднее и среднее специальное; 3 – высшее и незаконченное высшее.

В рамках надтрадиционной идентичности получает подтверждение гипотеза о формировании в современной России некоей новой идентичности на базе крупнейших городов и наиболее образованных и богатых слоёв населения. *Футуризм надтрадиционной идентичности проявляется также в отсутствии связи или в слабой связи с другими ракурсами региональной идентичности.* Надтрадиционная РИ хорошо вписывается в идеи о «сетевом обществе», не связанном с традицией предшествующего развития, об исчерпании роли факторов истории и географии в обществе всеобщей мобильности будущего, о таких чертах нового гражданина-космополита, как дистанцированность от собственной культуры и «новый номадизм».

В надтрадиционной идентичности отчасти теряется дополнительность укорененности и мобильности – укоренённость сводится к ситуативным проявлениям мобильности. Тем не менее, и здесь продуцируется чувство привязанности к месту, но это чувство – узко рациональное, эгоистичное, связанное не с «любовью», а с «выбором».

Жесткая самоидентификация «мы – они» не характерна для транс-традиционной идентичности. В то же время надтрадиционной идентичности свойственны неоархаические черты (противопоставление «себя» и «себе подобных» жителям других территорий, которые считаются «варварами» – отсталыми, неудачниками).

Интересно, что ракурсы региональной идентичности, согласно расчётам, которые провел на основе наших данных В.Р. Попов (г. Череповец, Институт ЛИНК), обнаруживают значимую положительную связь при корреляции на уровне поселений со значительным числом социальных и экономических индикаторов по Вологодской области.

Например, *транстрадиционный ракурс* связан с показателями, характеризующими «центральные места» (по В. Кристаллеру), а именно, с показателями обеспеченности населения врачами, душевым объёмом товарооборота и платных услуг, людностью города в 1897 г., а также со степенью «демократичности выборов» за последние 10 лет. *Надтрадиционный ракурс* значимо связан (положительно) с показателями уровня промышленного развития, зарплаты, вековой динамики людности поселений, уровнем телефонизации и (отрицательно) с уровнем «демократичности» выборов. *Традиционалистский ракурс* связан с показателями «правопослушности» населения и значительной долей лиц пенсионного возраста относительно работающих.

Представляется возможным сделать вывод, что в историческом ядре Европейской России региональная идентичность содержит ряд компонентов, которые могут быть истолкованы как несомненное проявление социокультурной модернизации. Важно, что, судя по полученному эмпирическому материалу, региональное измерение российской социокультурной модернизации обнаруживает многомерность и неоднозначность и своего рода многовекторность, при этом для ряда территорий даже наиболее консервативные составляющие идентичности оказываются прагматически полезными для социально-экономического и социокультурного развития территорий, участвуя в формировании укоренённости и местного патриотизма в случае органичности «традиционализма» и «просвещенного патриотизма» [7, с. 139]. В то же время ряд феноменов, сопряженных с надтрадиционной идентичностью, являясь наиболее очевидным проявлением социокультурной модернизации на глобально-страновом уровне, неоднозначно воздействуют на социокультурное развитие городов и регионов. Интересно, что в целом сила идентичности не связана жестко с уровнем образования, демонстрируя различные соотношения для разных регионов. Косвенно это, по-видимому, свидетельствует о существовании более сложных соотношений между социокультурной модернизацией и уровнем образования, а также характером культуры, чем это обычно предполагается.

Источники

1. Бородай Ю.М., Келле В.Ж., Плимак Е.Г. Наследие Маркса и проблемы теории общественно-экономических формаций. – М.: Политиздат, 1974. – С. 112-115.
2. Городецкий А.Е. Проблемы российской модернизации. Круглый стол // Мир России. – 2001. – №4. – С. 3-47.
3. Гудков Л.Д. Особенности модернизации в России и характер русской этнонациональной идентичности // Демографическая ситуация, частная жизнь и идентичность в России. – М.: ИЭА РАН – ИНП РАН, 2002. – С. 62-63.
4. Гуриев С. Индустриальный феодализм // Эксперт, 2001. – №14. – С. 56.
5. Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре Европейской России // Социологические исследования. – 2005. – №3. – С. 13-23.
6. Крылов М.П. Региональная идентичность населения Европейской России // Вестник РАН. – 2009. – №3. – С. 266-277.
7. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России, М.: Новый хронограф, 2010. – 237 с.
8. Крылов М.П. Социально-политические изменения: сложности междисциплинарного синтеза. Материалы Круглого стола «Альтернативный капитализм» или альтернатива капитализму? (Проблемы концептуализации современного развития) // Мировая экономика и международные отношения, 2012. – №7. – С. 103-105.
9. Крылов М.П. О социальном смысле некоторых мер по реформированию регионального устройства // Известия РАН, серия географическая. – 2013. – №3. – С. 103-109.
10. Мезенцева Б.Б., Косларская Н.П. Бег по замкнутому кругу: уровень жизни, ментальные установки и социальная мобильность жителей России // Мир России. – 1998. – №3. – С. 141-148.
11. Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. – М.: МГУ, 1996. – 303 с.
12. Парето В. Компендиум по общей социологии. – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – 511 с.
13. Пилясов А.Н. И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания. – М., Кн. дом «ЛИБРИКОМ», 2008. – 542 с.
14. Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и потоки знания. Отв. ред. А.Н. Пилясов – М., Смоленск; СОПС; Ойкумена, 2012. – 760 с.
15. Федотова В.Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. – 2002. – №12. – С. 3-21.
16. Щедровицкий П.Г. Сбежать из мертвой зоны (Запись М. Кактурской) // Аргументы и факты. – 2005. – №6.

А.Р. Мажитова,
Уфа

Развитие интеллектуального капитала Республики Башкортостан в условиях модернизации

Современный мир находится на стадии становления информационного общества. В последние годы произошли серьезные изменения во всех сферах общественной жизни.

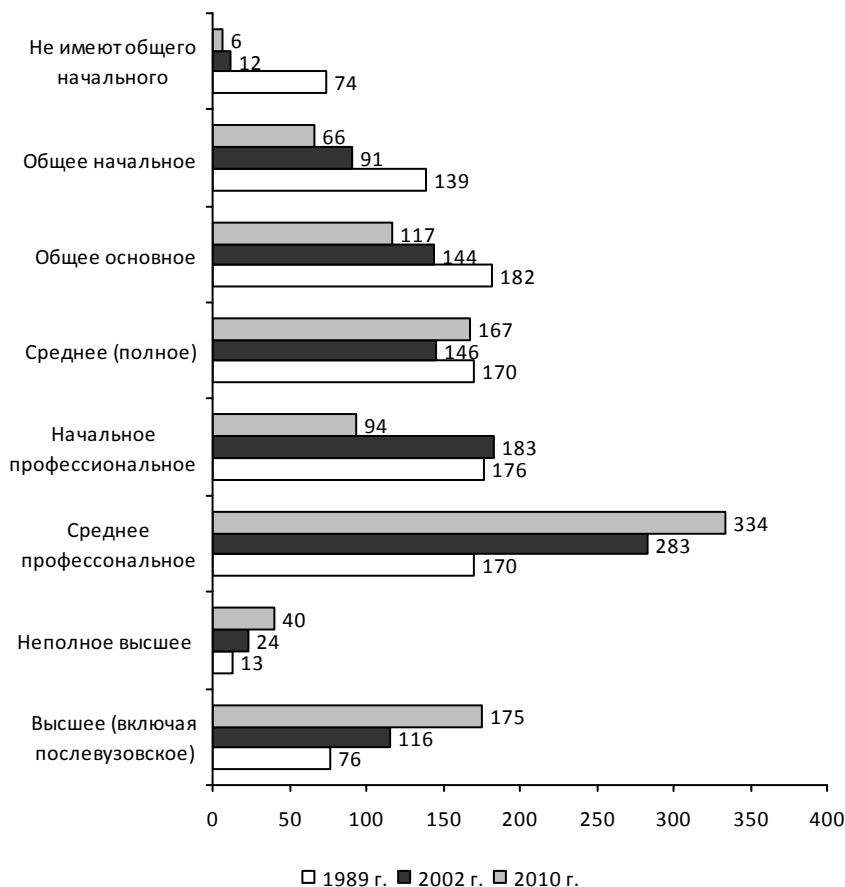
Необходимыми ресурсами социального и индивидуального развития в информационном обществе являются информация, информационные ресурсы, *знания*. Развитие и благосостояние современного государства зависит от экономики, основанной на интеллектуальном капитале.

Развитие человеческого капитала, выражающееся в высоком уровне образования населения и состояния науки, стимулирует возникновение новых видов деятельности, отраслей и рабочих мест и становится движущей силой роста и конкурентоспособности государства.

Интерес к получению образования и науке в период коренных трансформаций в 1990-е гг. упал. Однако в это время произошел заметный сдвиг в целевых ориентациях, ценность образования в сознании населения позитивно закрепились. Об этом свидетельствует развитие инфраструктуры в сфере образования: платные дополнительные занятия в школе, репетиторство, подготовительные отделения вузов и др. Одной из наиболее характерных черт современной молодежи является ориентация на высшее образование.

Данные Всероссийских переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг. свидетельствуют о повышении образовательного уровня жителей Республики Башкортостан (рисунок, табл. 1).

В 2010 г. было учтено 3 077,5 тыс. человек в возрасте 15 лет и более, имеющих образование основное общее и выше, что составляет 92,8% населения этой возрастной группы, указавшего уровень образования. По сравнению с данными переписи населения 2002 г. число лиц с указанным уровнем образования увеличилось на 104,6 тыс. человек (3,4%). Тогда они составляли 89,7% жителей республики данных возрастов, а при переписи 1989 г. – 78,8% (табл. 1).

Динамика уровня образования в Республике Башкортостан (на 1000 человек в возрасте 15 лет и более, указавших уровень образования)

Источник: Статистический аспект уровня населения Республики Башкортостан, 2012. С. 3.

Таблица 1. **Уровень образования населения** (по данным Всероссийских переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг.)

Показатель	Население по уровню образования, тыс. человек			На 1000 человек в возрасте 15 лет и более		
	1989	2002	2010	1989	2002	2010
Все население в возрасте 15 и более	2947	3317	3377	1000	1000	1000
В т.ч. имеют образование:						
профессиональное высшее (включая послевузовское образование)	225	386	579	76	117	172
неполное высшее	39	80	133	13	24	39
среднее	500	938	1108	170	283	328
начальное профессиональное	520*	608	313	177	183	93

Окончание таблицы 1.

общее среднее (полное)	502	84	3	170	146	164
основное	535	477	389	182	144	115
начальное	409	302	219	139	91	65
Не имеют начального общего образования	217	39	21	74	12	6
Не указавшие уровень образования	0,0	3	60	0,0	1	18

* Не включая лиц с начальным образованием, окончивших профессионально-технические учебные заведения.
Источник: Основные показатели образования и культуры в Республике Башкортостан: стат. сб. Уфа: Башкортостанстат, 2012. С. 12.

Но, согласно данным ООН по РФ, индекс развития образования (ИРО) в Республике Башкортостан снижается. Если в 1999 г. ИРО был 0,935, то в 2006 г. – 0,901 и 2010 г. – 0,832 [1, с. 82; 3, с. 98; 4, с. 150].

Школа закладывает основу для формирования и поддержания интеллектуального оснащения общества. Современная система образования Республики Башкортостан представлена разветвленной сетью учреждений различного уровня образования (табл. 2).

Таблица 2. Основные показатели образования за 2011 г.

Учреждения образования	Количество
Государственные и муниципальные дневные общеобразовательные учреждения	1667
Негосударственные дневные общеобразовательные учреждения	5
Государственные и муниципальные вечерние (сменные) общеобразовательные учреждения	13
Учреждения начального профессионального образования	104
Государственные средние специальные учебные заведения	72
Негосударственные средние специальные учебные заведения	13
Государственные высшие учебные заведения	12
Негосударственные высшие учебные заведения	3

Источник: Основные показатели образования и культуры в Республике Башкортостан: стат. сб. Уфа. С. 10.

Образовательные учреждения всех типов и видов обучения охватывают всего 708,8 тыс. учащихся, из них в учреждениях: общеобразовательных (государственные и негосударственные) – 434,4 тыс.; вечерних (сменных) общеобразовательных – 4,6 тыс.; начального профессионального образования – 34 тыс.; среднего профессионального образования (государственные и негосударственные) – 76,6 тыс., высшего профессионального образования (государственные и негосударственные) – 159,2 тыс.

Коренные преобразования неоднозначно влияют на сферу образования. Многие учреждения вынуждены были переформироваться, изменить форму собственности или перейти в ведение других организаций и учреждений.

Общее образование. В условиях демографического спада (1990–2011 гг.) сохраняется тенденция сокращения численности государственных дневных общеобразовательных учреждений (в 2 раза) и обучающихся в них (в 1,3 раза). Необходимо отметить, что количество обучающихся в негосударственных дневных общеобразовательных учреждениях из года в год увеличивается: в 1995 г. – 0,5 тыс., в 2011 г. – 0,8 тыс. [5, с. 10].

В современных условиях школьное образование рассматривается преимущественно как средство, дающее возможность претендовать на поступление в вуз. Ценность знаний, преподаваемых в школе, рассматривается с точки зрения полезности. «...отсутствие у детей интереса к учебе, знаниям, чтению в сочетании с общим равнодушием общества и государства к школе и образованному слою приводит к тому, что уровень знаний у учащихся из года в год падает, общее культурное развитие и грамотность снижаются и, вообще, умственное развитие уходит на второй план» [см. 2, с. 133].

Республика Башкортостан занимает в ПФО лидирующие позиции по количеству инновационных общеобразовательных учреждений и по числу обучающихся в них. Так, в инновационном режиме работают 83 гимназии, 54 лицея [5, с. 26]. Функционируют 37 специальных (коррекционных) образовательных учреждений для обучающихся и воспитанников с ограниченными возможностями здоровья, в т.ч. оздоровительные образовательные учреждения санаторного типа для детей, нуждающихся в длительном лечении, и 8 видов учреждений для детей с разными нарушениями развития. Необходимо отметить, что с 1990 по 2011 год увеличилось количество коррекционных образовательных учреждений при уменьшении обучающихся и воспитанников в них – 5 537 и 4 406 человек соответственно [5, с. 52].

В Башкортостане открыт центр дистанционного образования детей-инвалидов на дому, который расширяет их образовательные возможности и помогает семьям. Необходимо отметить, что в республике растет доступность среднего специального и высшего профессионального образования для людей с ограниченными возможностями. С 1990 по 2011 год

в государственных учреждениях среднего профессионального образования контингент студентов вырос в 2,8 раза, в учреждениях высшего профессионального образования – в 3 раза.

В республике, несмотря на уменьшение числа вечерних (сменных) образовательных учреждений, удалось сохранить и осуществлять процесс непрерывного образования для молодежи.

В последние годы большое внимание уделяется созданию сети учреждений дополнительного образования. В настоящее время в них занимаются 222,1 тыс. и в детско-юношеских спортивных школах – 73,9 тыс. детей. Отрадно, что с 1991 по 2011 год количество детей увеличилось в 1,5 раза [5, с. 77].

В республике действуют общеобразовательные учреждения интернатного типа, обеспечивающие всестороннее развитие детей из многодетных и малообеспеченных семей. Значительное количество разнопрофильных образовательных учреждений решает такие проблемы, как профилактика социального сиротства, раннее выявление детей, нуждающихся в государственной защите, обеспечение эффективной психолого-педагогической и социальной поддержки детей.

С 1990 по 2011 год увеличилась численность воспитанников в учреждениях интернатного типа, находящихся под опекой, в приемных и патронатных семьях (табл. 3).

Таблица 3. Устройство детей и подростков, оставшихся без попечения родителей в 1990–2010 гг.

Показатель	1990	1995	2000	2005	2009	2010	2011
Всего выявлено детей и подростков, оставшихся без попечения родителей за год	1278	2632	3158	3574	3824	3250	2884
из них устроены под надзор: в образовательные, медицинские организации, организации, оказывающие социальные услуги	147	330	504	696	754	689	648
под опеку (попечительство), на усыновление (удочерение)	1107	2246	2400	2575	2767	2222	2062
в учреждения начального, среднего и высшего профессионального образования на полное государственное обеспечение	27	26	27	18	53	60	64
возвращены родителям	152	181	195	272	315

Окончание таблицы 3.

Показатель	1990	1995	2000	2005	2009	2010	2011
Численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в интернатных учреждениях на конец года: в домах ребенка	...	207	274	323	266	298	303
в детских домах и домах-школах	1248	1179	1613	1877	1757	1778	1913
в школах-интернатах общего типа	690	544	725	774	363	335	296
в школах-интернатах для детей с ограниченными возможностями здоровья	333	273	393	413	402	400	405
в том числе в школе-интернате для детей-сирот	...	136	126	83	81	86	108
доме-интернате для детей-инвалидов	160	267	351	244
Находится детей и подростков на воспитании в семьях, на конец года: под опекой (попечительство)	5376	7349	10079	11448	14791	14748	14652
на усыновлении	6888	7778	7497	6847	3006	2988	2941
в приемных семьях (без родных детей)	-	-	-	43	2084	2408	2828
в патронатных семьях (без родных детей)	-	-	-	-	715	776	795
Источник: Основные показатели образования и культуры в Республике Башкортостан: стат. сб. С. 17.							

Педагогический коллектив школ городов и районов уделяет большое внимание сохранению контингента учащихся, переходу выпускников 9-х классов в завершающее звено получения общего среднего образования (табл. 4).

Таблица 4. Выпуск учащихся общеобразовательными учреждениями в 1990–2010 гг.

Показатель	1990	1995	2000	2005	2009	2010	2011
Численность обучавшихся, получивших аттестат об основном общем образовании, всего	54 103	58 188	70 909	67 408	48 895	46 744	44075
Численность обучавшихся, получивших аттестат о среднем (полном) общем образовании, всего	30 464	30 214	43 240	43 231	27 793	26 750	26735
Источник: Основные показатели образования и культуры в Республике Башкортостан: стат. сб. С. 56.							

Согласно Концепции развития системы профессионального образования в Республике Башкортостан, за последние 15 лет наблюдаются следующие тенденции в развитии профессионального образования. С 1990

по 2011 год отмечается рост контингента обучающихся в вузовском сегменте образования в 3 раза и снижение в начальном профессиональном образовании в 2 раза.

Начальное профессиональное образование (НПО). Республика Башкортостан располагает одной из крупнейших систем начального профессионального образования. В республике с 2011 г. осуществляют подготовку рабочих кадров в 104 учебных заведениях. В период с 1990 по 2010 год в системе НПО ликвидировано почти каждое третье учебное заведение. С 1995 г. контингент обучающихся в учреждениях начального профессионального образования снизился в 3 раза [5, с. 59], направление на работу получили 59% выпускников дневных НПО [5, с. 78]. Каждый сельский район республики, за исключением Калтасинского, Нурымановского и Миякинского, имеет учреждения НПО.

Система среднего профессионального образования (ссуз). По численности студентов государственных ссузов в расчете на 10 тыс. населения республика (176) занимает в ПФО второе место после Оренбургской области (192) [5, с. 61].

В последние годы были открыты новые специальности с учетом потребностей рынка труда, возможностей выпускников переквалифицироваться на смежные специальности. С целью повышения эффективности использования бюджетных средств и учета потребностей реального сектора экономики осуществлялась оптимизация профильной структуры подготовки кадров. В отдельных ссузах был сокращен прием по непрофильным, дублирующим или маловостребованным на рынке труда направлениям, прекращен бюджетный прием по некоторым специальностям, созданы условия для формирования многоуровневой подготовки кадров, разработаны модульные программы по рабочим профессиям для высокотехнологических производств.

Особым спросом пользуются учебные заведения медицинского, экономического, строительного профиля, нефтяные колледжи.

В 2011 г. направление на работу получили 38% выпускников очных отделений государственных ссузов (табл. 5).

Таблица 5. Распределение на работу специалистов, окончивших очные отделения государственных средних специальных учебных заведений в 1996–2010 гг.

Показатель	1996	2000	2005	2009	2010	2011
Выпуск специалистов – всего	9 697	11 634	10 433	10 175	9 512	8 831
Получили направление на работу	4 553	5 217	3 991	3 962	3 437	3 364

Источник: Основные показатели образования и культуры в Республике Башкортостан: стат. сб. С. 79.

Высшие учебные заведения (вуз). Количество студентов в вузах характеризует масштаб развития высшего образования в республике. Если в начальные и средние учебные заведения прием сокращается, то в вузы — растет. При этом по охвату вузами населения республика отстает от многих регионов ПФО. В 2011/12 учебном году республика заняла 9-е место по числу студентов в государственных вузах в расчете на 10 000 населения со значением 347. Численность студентов за рассматриваемый период (1990—2011 гг.) увеличилась в 3 раза [5, с. 68-69].

Привлечение выпускников школ в государственные вузы обеспечивается за счет перепрофилирования, открытия новых (пользующихся спросом) специальностей. В свою очередь, негосударственные вузы также предлагают подготовку по «престижным» специальностям.

В структуре подготовки специалистов наибольший удельный вес составляют экономические специальности, которые и так в избытке на рынке труда. Следует отметить, что подготовка специалистов в высших учебных заведениях на бюджетной основе на протяжении многих лет остается на уровне 11—12 тыс. человек.

В 2011 г. 61% выпускников очных отделений государственных вузов были трудоустроены, что на 23% больше, чем в 2005 г.

Как показывают социологические исследования ИСППИ АН РБ, в наименьшей степени молодежь удовлетворена своими перспективами на трудоустройство (54%, включая только 19% вполне удовлетворенных), и, учитывая то, что только 40% вполне удовлетворены своей учебой и возможностями для повышения уровня образования, можно сделать вывод, что значительная часть молодежи испытывает беспокойство по поводу своего будущего, своих шансов на успех в жизни¹.

Вузовский диплом, особенно если он получен в престижном учебном заведении, существенно расширяет для человека возможности трудоустройства. Тем не менее для основной массы молодых специалистов актуальной остается проблема трудоустройства, так как при приеме на

¹ Данные социологического исследования «Духовно-нравственное, патриотическое и физическое воспитание и организация доступного культурного досуга молодежи Республики Башкортостан», проведенные Институтом социально-политических и правовых исследований Академии наук Республики Башкортостан. Выборка: вероятностная, стратифицированная по типу населенного пункта и социально-экономическому подрайону Республики Башкортостан. Объем выборочной совокупности — 1445 чел., из них опрошено в образовательных учреждениях: начального профессионального образования — 410 чел., среднего профессионального образования — 414 чел., высшего профессионального образования — 621 чел. Метод сбора социологической информации — анонимный анкетный опрос по месту учебы. Метод обработки информации — программный пакет для статистической обработки данных SPSS. Сроки полевых работ: 12–23 ноября 2011 года. Руководитель проекта — к.соц.н. Р.М. Валиахметов.

работу работодатель отдает предпочтение претендентам, имеющим профессиональный опыт. По этой причине до половины выпускников учебных заведений работают не по своей специальности.

Согласно данным опроса², большинство респондентов (63,9%) указывают на отсутствие связи между их работой и специальностью, лишь у 16,4% опрошенных сохраняется связь (табл. 6).

Таблица 6. **Связана ли Ваша работа с будущей специальностью?**

Вариант ответа	%		Всего
	18-23	24-30	
Работа связана со специальностью	14,8%	28,6%	16,4%
Работа связана со специальностью лишь отчасти	20,4%	14,3%	19,7%
Работа никак не связана со специальностью	64,8%	57,1%	63,9%
Всего	100,0%	100,0%	100,0%

Слабая связь биржи труда с частными работодателями, недостаточная информированность кадровых агентств о вакантных рабочих местах заставляют молодых специалистов искать иные пути при трудоустройстве: дружеские связи (37,4%), собственные усилия (31,5%) и родственные связи (12,1%) (табл. 7).

Таблица 7. **Как Вы устроились на Ваше нынешнее место работы?**

Вариант ответа	%		Всего
	18-23	24-30	
Через кадровое агентство	4,8%	6,3%	5,7%
Через биржу труда, службу занятости	3,6%	2,0%	2,6%
По распределению после учебного заведения	7,7%	4,6%	5,7%
Через родственников	12,5%	11,9%	12,1%
Через друзей, знакомых	36,3%	38,1%	37,4%
Сам обратился на предприятие, организацию	30,4%	32,1%	31,5%
Сам открыл свой бизнес (фирму, организацию, предприятие)	3,6%	3,6%	3,6%
Другое	1,2%	1,3%	1,3%
Всего	100,0%	100,0%	100,0%

Источник: Данные социологического исследования «Социально-политический портрет молодежи г. Уфы», 2008 г.

² Данные социологического исследования «Социально-политический портрет молодежи г. Уфы», проведенного Центром социально-политических исследований Академии наук Республики Башкортостан. Объект исследования: молодые жители г. Уфы в возрасте от 18 до 30 лет, представляющие различные социальные группы: студенты дневных отделений вузов; постоянно работающие; временно неработающие и безработные. Объем выборки – 800 чел. Метод сбора социологической информации – стандартизованное интервью по месту жительства. Метод обработки информации – программный пакет для статистической обработки данных SPSS. Сроки полевых работ: март – апрель 2008 г. Руководитель проекта – к.соц.н. Р.М. Валиахметов.

Наука. «Воспроизводство научного потенциала общества зависит от сохранения у людей позитивного отношения к научной карьере, к ориентации выпускников вузов на защиту кандидатских, в будущем докторских диссертаций» [2, с. 137]. С 1995 по 2010 год число организаций, ведущих подготовку аспирантов в регионе, увеличилось в 3 раза, а численность аспирантов – в 4 раза. В последние годы лишь 30% заканчивают аспирантуру со своевременной защитой (табл. 8).

Ориентация на научную карьеру у аспирантов по окончании аспирантуры значительно ниже, чем при поступлении в нее. Основными причинами поступления являются отсрочка от службы в армии и облегчение устройства на работу с дипломом кандидата наук. Важнейшим фактором, отвращающим от научной работы, остается низкая оплата труда. Эффективность аспирантуры в регионе по ПФО можно оценить как среднюю.

Таблица 8. Подготовка аспирантов и докторантов организациями Республики Башкортостан

Показатели	Годы			
	1995	2000	2005	2010
Число организаций, ведущих подготовку аспирантов	11	16	18	30
Численность аспирантов (чел.)	828	2025	2329	3156
Выпуск из аспирантуры (чел.)	129	438	514	561
Выпуск из аспирантуры с защитой диссертации (чел.)	42	206	161	222
Число организаций, ведущих подготовку докторантов	3	6	8	9
Численность докторантов (чел.)	49	94	80	61
Выпуск из докторантуры (чел.)	7	25	31	18
Выпуск из докторантуры с защитой диссертации (чел.)	2	10	8	5
Исследователи с учеными степенями – всего (чел.)	1176	1160	997	1015
В т. ч. – кандидаты наук (чел.)	1035	948	769	770
– доктора наук (чел.)	141	212	228	245
Источник: Сборник «Регионы России». Социально-экономические показатели. 2011. http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_14p/Main.htm				

С 1995 по 2010 год число учреждений по подготовке докторантов увеличилось в 3 раза. Однако лишь каждый четвертый докторант защищает диссертацию в срок. Следовательно, эффективность докторантуры также недостаточно высокая.

«Под воздействием экономических трансформаций в стране интерес к науке, как со стороны государства, так и общества, пропал. Государство, неспособное обеспечить запросы науки, исходит из того, что ученые должны сами себя обеспечивать» [2, с. 138]. Ученые в последние годы

живут в атмосфере равнодушия со стороны общества, государства, экономики. Уровень дохода кандидатов наук ниже уровня трудовых мигрантов (например, месячная заработная плата продавца рынка 25 тыс. руб., а старшего научного сотрудника едва достигает 15 тыс. руб.). Низкий доход не стимулирует ученых к серьезным научным исследованиям.

Таким образом, *образование, наука* – это сферы деятельности, по уровню которых судят о степени развития общества и его потенциале. Необходимо постоянное совершенствование системы образования и науки республики в интересах формирования творческой личности с учетом социально-экономических, национальных и культурных особенностей, повышения качества и доступности образования, совершенствования многоуровневой интегрированной системы непрерывного образования. Для перехода к информационному обществу, основанному на знаниях, необходимо, чтобы образование и наука стали приоритетными сферами государственных финансовых вложений.

Источники

1. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2001 год / Под общей ред. проф. С.Н. Бобылева. М.: ИнтерДиалект+, 2002. 120 с.
2. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2004 год / Под общей ред. проф. С.Н. Бобылева. М.: Весь Мир, 2004. 160 с.
3. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008 г. / Под общей редакцией А.Г. Вишневого и С.Н. Бобылева. М.: Сити-Принт, 2009. 208 с.
4. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. / Под общ. ред. С.Н. Бобылева. М.: ООО РА ИЛЬФ, 2013. 202 с.
5. Основные показатели образования и культуры в Республике Башкортостан: стат. сб. Уфа: Башкортостанстат, 2012. 102 с.
6. Статистический аспект уровня населения Республики Башкортостан. Уфа: Башкортостанстат, 2012. 33 с.
7. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_14p/IssWWW.exe/Stg/d03/22-11.htm. (Дата обращения: 12.05.2013).

С.А. Мартышкин,
Самара

Этнический состав населения региона (на примере Самарской области)

Территория Самарской области исторически отличалась сложным этническим и конфессиональным составом населения. Большинство населения Самарской губернии составляли русские; заметными меньшинствами были также татары, немцы Поволжья, мордва и чуваша. С 1764 по 1800 г. на территории будущих Николаевского и Новоузенского уездов Самарской губернии по реке Волге и ее притокам были основаны 57 немецких колоний. Организованное переселение продолжалось в XIX в. Поначалу немецким переселенцам предоставлялись налоговые и иные льготы. Налоговую льготу российские власти отменили в 1815 г., а в 1851 г. пригласительный характер немецкой иммиграции в Россию сменился разрешительным. В 1851 г. в Самарской губернии разрешили поселиться лишь 100 семьям немцев-меннонитов из Пруссии. В 1871 г. немцев в России стали официально считать поселянами-собственниками на казенных землях, а образование колоний происходило уже на купленных колонистами землях. Немецкие колонисты преуспевали в промышленности, торговле, держали строительные и экспедиторские конторы, занимались банковскими операциями [6]. Немцы Поволжья способствовали вовлечению Самарской области в общероссийский рынок, ее экономическому развитию [1].

Во второй половине XVIII в. на территории современной Самарской области начали постепенно оседать башкиры. Они обосновались в степях Самарского Заволжья. Во второй половине XIX в. большая группа башкир переселилась из районов рек Большая и Малая Уzeńь и Чижинских разливов и обосновалась среди башкир Самарской губернии. Окончательно сформировался этнический состав данной группы башкирского населения. Часто на башкирских землях селились татары в качестве «припущенников»; тяжбы башкир и татар по поводу земельного вопроса переполняли уездные присутствия. Первое постоянное поселение башкир на территории нынешней Самарской области было основано в 1797 г. в деревне Муратшино на реке Каралык [4, с. 4-6]. Некоторые топонимы

Самарской области связаны с башкирским этносом. Название деревни Муратшино дано в честь сподвижника Салавата Юлаева – башкира по имени Муратша. Название реки Иргиз происходит от слов «Ир газы» – «Излучина реки». Холм Хажгаль у деревни Таш-Кустьяново назван из-за башкира с таким именем. Есть также лес Башкирский в Сергиевском районе Самарской области. Среди башкир имеются легенды и предания о происхождении названий водных источников и башкирских населенных пунктов [3, с. 118-119].

подавляющее большинство населения городских поселений Самарской области составляют русские (от 61% в Похвистнево до 93% в Кинеле). В среднем доля русских среди городского населения Самарской области составляет 86,7%. Вторая по численности группа городского населения – тюркская. Татары составляют 3% городского населения Самарской области, чувашаи – 1,8%. Финно-угорское население городских поселений включает в себя мордву (2,6% городского населения Самарской области). Украинцы и белорусы составляют соответственно 2,7 и 0,7% городского населения Самарской области. В Похвистнево насчитывается наибольший процент городского населения таких национальностей, как мордва, татары и чувашаи, проживающих на территории Самарской области. В Большеглушицком и Большечерниговском районах на юго-востоке Самарской области компактно проживают около 2 тыс. башкир.

В Самарской области проживают представители различных национальных меньшинств: 15 тыс. азербайджанцев, 20 тыс. армян, первое упоминание о которых в Самаре относится к XIX в., 3,5 тыс. грузин, 15 тыс. казахов, 3 тыс. киргизов, 4,6 тыс. таджиков, 583 туркмена, 6 тыс. узбеков, 127 вьетнамцев, 1,5 тыс. корейцев, 100 китайцев, 700 курдов (в основном в Сызранском и Ставропольском районах), 416 турок, в том числе 6 турок-месхетинцев (турки на территории Самарской губернии появились в конце XIX в. в качестве военнопленных в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг.). В Самарской области действуют общественные организации национальных меньшинств: «Лига азербайджанцев Самарской области», «Армянская община» (свыше 100 армянских семей поселились в Куйбышевской области после землетрясения в Армении в 1988 г. и этнополитических конфликтов в Сумгаите и Карабахе), «Мамули» (грузинский культурный центр), региональная национально-культурная автономия казахов «Ак жол», сотрудничающая с Всемирной ассоциацией казахов (г. Алматы), киргизский благотворительный фонд «Манас ата», «Сомониен» (общественная организация таджиков), Национальный

узбекский культурный центр «Алишер Навои», Ассоциация корейцев Самарской области, Деловой центр «Самара-Китай», Китайский культурный центр «Дружба» [5]. В Самарской области издаются этнические средства массовой информации: самарская областная татарская газета «Бердэмлек», чувашская газета «Самар ен», газета самарской региональной общественной организации «Мордовский национально-культурный центр «Масторава» – «Валдо ойме», областная украинская газета «Проминь», газета немцев Поволжья «Волга-курьер», газета общественной организации «Курултай башкир» Самарской области «Ыргиз», общетюркская газета «Азан» и др. [7].

Религиозный состав населения Самарской области также сложен. Православия придерживаются русские, чувашаи, мордва, украинцы, марийцы, удмурты, грузины и др. С 1851 г. в Самарской области существует Епархиальное управление Русской Православной церкви. Древнейшими самарскими православными монастырями являлись Спасо-Преображенский мужской и Спасский женский. С XIX в. существуют римско-католические приходы, из них крупнейшие в Самаре, Тольятти и Сызрани. Католицизма придерживаются поляки, литовцы и часть немцев Поволжья. Структуры римско-католической церкви были восстановлены в 1991 г. Имеется множество направлений протестантизма – лютеране, баптисты, методисты (в основном немцы Северо-Запада Самарской области), «Армия спасения» и др. Протестантизма придерживаются небольшая часть русских, украинцев и белорусов (выходцев из западных областей Украины и Белоруссии). В Самаре зарегистрирована армянская религиозная община Сурб-хач [5].

Ислама придерживаются татары, башкиры, казахи, азербайджанцы, дагестанцы, чеченцы, таджики, узбеки, киргизы и др. Подавляющее большинство мусульман Самарской области составляют сунниты; азербайджанцы являются шиитами. Региональное Духовное управление мусульман Самарской области входит в Центральное духовное управление России (Уфа). Мусульмане Самарской области по традиции придерживались культурных ценностей, присущих российской цивилизации в целом, так как ислам в советское время в нашей стране был оторван от ядра мусульманской цивилизации с центром в Саудовской Аравии [2, с. 77].

В 1990-е гг. XX в. в Самаре возникли буддистские общины. Самая крупная буддистская организация Самары – «Карма Чепел Линг» (школа Кагью), которая объединяет выходцев из Бурятии. Буддизма придерживаются калмыки, алтайцы и часть русских Самарской области.

Основными религиозными организациями Самарской области являются Самарская епархия Русской православной церкви, Религиозная организация Приход Пресвятого сердца Иисуса Римско-католической церкви в г. Самара, Евангелическо-лютеранская община (приход) Святого Георга, Сурб-хач – армянская религиозная община, Армянская апостольская церковь, Региональное Духовное управление мусульман Самарской области, местная религиозная организация «Иудейское религиозное общество города Самары», централизованная религиозная организация «Конгресс еврейских религиозных организаций Самарской области», Буддистский центр алмазного пути школы Карма Кагью [5].

Современные исследовательские проблемы этнического и конфессионального состава населения включают в себя изучение реального вклада отдельных этнических групп в экономическое и культурное развитие Самарской области, анализ топонимики ее территории, вопросы создания и развития общественных организаций различных этносов и конфессий, издания их средств массовой информации. Есть малоисследованные вопросы, связанные с этноконфессиональными меньшинствами. Например, в современных условиях сократился переход в православие некрещеных чувашей на территории Самарской области (в Шенталинском, Челно-Вершинском и Похвистневском районах [8, с. 117], хотя на других территориях чувашское «язычество» давно трансформировалось в христианство.

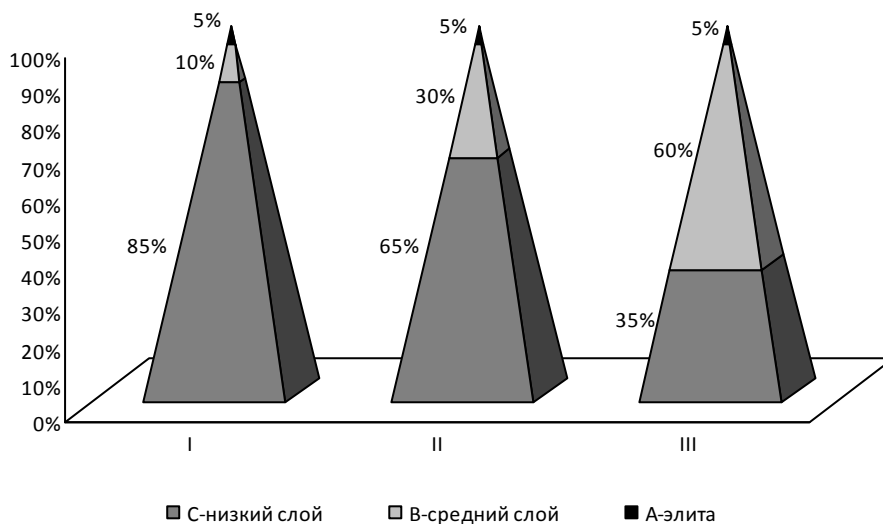
Источники

1. Габидуллина Р.Ф. Немецкая диаспора в Самарской губернии (XVIII–XIX вв.) // Самарская область. Этнос и культура. №2. Самара: Самарский университет, 2002. С. 9-11.
2. Гусева Ю.Н. Ислам в Среднем Поволжье в XX в. как социокультурный феномен: методологические основы изучения // Вестник Самарского государственного университета. 2010. №5(79). С. 75-78.
3. Кржижевский М.В. Башкирская топонимика в Самарской области // Самарский исторический ежегодник. 1999. Самара: СамВен, 2000. С. 117-120.
4. Кржижевский М.В. Башкиры Самарского края. Самара: ООО «НТЦ», 2001. 16 с.
5. Общины мигрантов в Самарской области: этнические и конфессиональные особенности. Самара: Аппарат Правительства Самарской области, 2008. 104 с.
6. Овсянникова Н.В. Немцы в Самарском регионе // Сборник научных трудов ПТИС. Выпуск 9. Тольятти: ПТИС, 2001. С. 47-52.
7. Этнические средства массовой информации Самарской области. Самара: Дом дружбы народов, 2008. 34 с.
8. Ягафова Е.А. Этноконфессиональные меньшинства чувашей // Этнографическое обозрение. 2008. №4. С. 114-127.

Е.Б. Мостовая,
Новосибирск

Социальная дифференциация: поселенческий ракурс

Графическое отображение теоретических представлений о социальной структуре населения чаще всего имеет пирамидальную форму. Выделяя высокостатусный слой (элиту) в составе населения по произвольному набору характеристик, В. Парето, к примеру, подчеркнул, что этот немногочисленный слой, населяющий верхний этаж социальной пирамиды, образуют те индивиды, которые по всем выбранным характеристикам демонстрируют максимальные значения и ранги. Остальные слои имеют последовательно ухудшающиеся характеристики. Социальная динамика выражается при этом не в расширении элитарного слоя, а скорее в увеличении доли индивидов со средними характеристиками и в уменьшении доли низкостатусного слоя (или слоя с минимальными значениями и рангами используемых характеристик). На рисунке схематически представлено графическое отображение данной логики.

Социальная структура населения

Иными словами, упорядоченное соотношение общественных групп, различающихся по избранным стратообразующим признакам, оборачивается во времени, как правило, не просто ростом населённости средних

этажей социальной пирамиды, но и неизбежным сокращением и даже исчезновением населения нижнего этажа, т.е. исчезновением самой низкостатусной группы.

Последнее обстоятельство требует пополнения и обновления состава стратообразующих признаков, во-первых, и выявления устойчивости глубинных оснований социальной стратификации, во-вторых. Если остановиться на использовании таких стратообразующих признаков, как объём властных полномочий, материальное положение и уровень образования населения¹, то применительно к условиям конкретной области – Новосибирской – выявляется:

- малозначимость образованности или культурного капитала населения в качестве основания социальной стратификации;
- доминантность материального положения как основания стратификации;
- резервная роль властных полномочий для сохранения и улучшения материального положения;
- несовпадение завышенных представлений населения о достигнутом социальном статусе с реальным статусом;
- различная наполненность этажей социальной пирамиды в региональном ракурсе².

Последнее обстоятельство и в особенности незаполненность второго этажа социальной пирамиды (отсутствие группы *экспертов*) в Новосибирской выборке нуждалось в дополнительном осмыслении.

Стартовой объяснительной гипотезой стало предположение о том, что статус среднего слоя в составе населения определяется не столько качеством культурного капитала (т.е. уровнем образования) и объёмом властных полномочий, сколько материальным положением и устойчивой самооценкой принадлежности населения к высшему, среднему и низшему слою (этажу) социальной пирамиды. Была выявлена прямая связь стратификационной самооценки с материальным положением респондентов. Однако применение модифицированной методики превратило пирамиду в своеобразную пятиэтажку, где *высокостатусная* и *низкостатусная* группы получили практически одинаковый удельный вес (табл. 1).

¹ Эти основания предлагают авторы типовой методики социокультурного портретирования Н.И. Лапин и Л.Н. Беляева (см.: Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Под ред. Н.И. Лапина, Л.Н. Беляевой. – М.: Academia, 2009. – С. 52.

² См. Мостовая Е.Б. Подвижность социальной пирамиды в условиях экономического кризиса // Эко. 2012. №5. С. 147-161.

Таблица 1. Социальная дифференциация жителей мегаполиса и остального населения НСО (2010–2012 гг.)

	Жители мегаполиса – 2010		Остальное население НСО – 2012 – А
	А	Б	
Высокостатусные	11	19	7
Эксперты	-	25	16
Реалисты	13	20	29
Новые бедные (дезадаптанты)	37	10	30
Старые бедные	39	25	17

А – рассчитано по типовой методике;
Б – рассчитано по модифицированной методике, где вместо властного ресурса использована стратификационная самооценка.

Таблица 2. Продолжительность проживания в поселениях разного типа населения мегаполиса и остальных жителей НСО (2010–2012 гг.)

	Новосибирское население	
	Жители мегаполиса 2010	Остальное население НСО 2012
<i>Тип поселения</i>		
Деревня, село	-	52
Рабочий посёлок	2	15
Малый город	16	33
Крупный город	82	
<i>Давность проживания</i>		
Менее 5 лет	8	6
5-15 лет	12	16
16-25 лет	25	25
Больше 25 лет	55	53
<i>Миграционный статус</i>		
Здесь родился	42	51
Приехал по своему желанию из другого поселения в регионе	35	30
Приехал по своему желанию из другого региона	20	15
Вынужденный переселенец	3	2
Переехал из другой страны временно	-	1
Переехал из другой страны постоянно	-	1

Доля высокостатусной группы почти удвоилась, доля среднего слоя (групп *экспертов* и *реалистов*) увеличилась в 3,5 раза, а доля низкостатусных групп (*дезадаптантов* и *старых бедных*) снизилась более чем втрое. Эти результаты, как и результаты применения типовой методики, достаточно резко разошлись с общероссийскими результатами и с данными обследования населения других сибирских областей (Омской и Томской) и Красноярского края.

Таблица 3. Состояние окружающей среды и здоровья населения мегаполиса и остальных жителей НСО (2010–2012 гг.)

Удельный вес в %	Новосибирская область	
	Жители мегаполиса 2010	Остальное население НСО 2012
«Нормальное здоровье, пока не жалуясь»	29	42
«Временами болею»	42	33
«Часто болею»	18	5
«Имею хронические заболевания»	9	17
«Инвалид»	2	3
«Воздух достаточно чистый»	24	71
«Вода достаточно чистая»	36	26
«Я рад, что живу здесь»	32	23
Что, по Вашему мнению, необходимо сделать для улучшения жизни населения Вашей области?		
«Навести порядок, бороться с криминалом, коррупцией»	46	25
«Улучшить медицинское обслуживание»	44	45
«Усилить государственный контроль над экономикой»	36	32
«Создавать новые рабочие места»	32	59
«Развивать малый и средний бизнес»	30	15
«Оздоровить природу»	27	14
«Быстрее строить новые дороги»	23	55
«Решительнее отстаивать интересы в центре»	18	14
«Улучшить образование»	14	13

Возникла необходимость ремонта Новосибирской выборки. Эту задачу удалось выполнить только в 2012 году³. Сотрудники кафедры социологии НГПУ провели опрос остального, преимущественно сельского населения НСО (табл. 2). Поселенческий ресурс информационного массива стал выглядеть при этом гораздо более сбалансированным. В частности, жители малых городов НСО заняли в составе остальных опрошенных не 16, а 33%, жители сёл и деревень – 52, а не 0%, жители рабочих посёлков – не 2, а 15%. И если опрошенные в 2010 году являлись фактически (на 98,8%) жителями и работниками мегаполиса⁴, то респонденты 2012 года представляли остальных жителей региона, заселённого по агломерационному типу.

³ В рамках проекта 12-03-00616 «Социокультурные особенности Новосибирской области».

⁴ 82% опрошенных проживали в самом Новосибирске, ещё 2% – в рабочем посёлке («научно-граде») Кольцово, граничащем с Советским и Первомайским районами мегаполиса; 15,8% – в г. Бердске, среднем городе, старейшем населённом пункте НСО, расположенном на южной границе мегаполиса и не имеющем с ним видимой границы.

Механическое объединение информационных массивов 2010 и 2012 годов неизбежно обернулось бы неточностями, связанными с несовпадением фаз экономического движения, влияющего на самый значимый фактор сегодняшней социальной дифференциации – материальный статус респондентов. Вот почему пришлось прибегнуть к сравнению более ранних данных, собранных в мегаполисе, с более поздними, характеризующими остальное, преимущественно сельское население.

Выяснилось следующее:

1. И в мегаполисе, и в составе остального населения среди опрошенных преобладали *старожилы*. Их оказалось 80 и 78% (табл. 2).

2. Родившихся в мегаполисе оказалось 42%, а в составе остального населения – 51%, т.е. укоренённость жителей мегаполиса оказалась более низкой сравнительно с укоренённостью остального населения.

3. Выявилась добровольность миграции и её преимущественно внутриобластной характер (табл. 2).

4. Существенно, но вполне объяснимо разошлись характеристики окружающей среды (чистоты воды и воздуха) и состояния здоровья (табл. 3). Селяне и жители малых городов втрое чаще выражают удовлетворённость чистотой воздуха и заметно реже – чистотой воды сравнительно с жителями мегаполиса. В массиве 2012 г. чаще отсутствуют жалобы на здоровье, но доля имеющих хронических заболеваний вдвое выше⁵.

5. Обеспокоенность качеством медицинского обслуживания выразили 44% жителей мегаполиса в 2010 году и 45% остальных жителей в 2012 году. Но если жители мегаполиса на первые три места в составе неотложных мер по улучшению жизни в области поставили «наведение порядка и борьбу с криминалом и коррупцией» (46%), а также «усиление государственного контроля над экономикой» (36%), то остальные жители области выбрали в 2012 году «создание новых рабочих мест» (59%) и «быстрое строительство новых дорог» (55%). Иными словами, жители мегаполиса были озабочены наведением порядка, а жители области – негарантированностью трудоустройства и транспортной проблемой, т.е. озабоченности первых и вторых резко не совпали (табл. 3).

6. В главных чертах совпали оценки жителями мегаполиса и остальным населением уровня защищённости от различных опасностей (табл. 4). На первый план вышла и в 2010, и в 2012 годах незащищённость от преступности и от произвола органов власти. Но жители мегаполиса острее

⁵ Возможно, в мегаполисе доступность и своевременность медицинской помощи профилактирует трансформацию острых заболеваний в хронические.

ощущали незащищённость от произвола правоохранительных органов, а остальные жители области – от произвола чиновников. Одинаково высокий (третий) ранг незащищённости у тех и других получила незащищённость от бедности.

Таблица 4. Оценка уровня защищённости от различных опасностей жителей мегаполиса и остального населения НСО (2010–2012 гг.)

Удельный вес респондентов, выбравших ответы: «Пожалуй, не защищён» и «совсем не защищён»	Новосибирская область	
	Жители мегаполиса 2010	Остальное население НСО 2012
От преступности	63	56
От произвола правоохранительных органов	52	33
От бедности	49	54
От экологической угрозы	48	43
От произвола чиновников	47	51
От одиночества и заброшенности	33	36
От преследования за политические убеждения	26	18
От притеснений из-за возраста и пола	24	20
От религиозных притеснений	9	11
От ущемлений из-за национальности	10	11
Удельный вес затрудняющихся с ответом	20-35	
Удельный вес пожилых людей (старше 55) в выборке	29	

Совпали в целом трудовые ориентации населения. Около половины и в 2010 г., и в 2012 г. выбрали твёрдый заработок и уверенность в завтрашнем дне, но острота проблемы трудоустройства, сильнее ощущаемая остальным населением, определила трёхкратное несовпадение выбора небольшого заработка, свободного времени и более лёгкой работы (табл. 5).

Таблица 5. Трудовые ориентации жителей мегаполиса и остального населения НСО (2010–2012 гг.) Вопрос: «Какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать?»

Вариант ответа	Новосибирская область	
	Жители мегаполиса 2010	Остальное население НСО 2012
«Иметь пусть небольшой, но твёрдый заработок и уверенность в завтрашнем дне»	48	53
«Иметь пусть небольшой, но твёрдый заработок»	11	10
«Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более лёгкую работу»	12	4
«Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее»	18	24
«Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск»	11	9

Только одна пятая респондентов мегаполиса (18%) в 2010 году и четвертая – в составе остального населения (24%) в 2012 году выбрали высокий заработок без особых гарантий. Иными словами, патерналистские трудовые ориентации советского типа продолжают доминировать, а рыночные – усваиваются крайне медленно, хотя экономическая стабилизация (пусть незначительная) их, несомненно, укрепляет.

Совпали не только оценки качества жизни и перспектив его улучшения у жителей мегаполиса и остальных жителей области, но и данные о высокой удовлетворённости жизнью в целом и о слабой уверенности в своём будущем (табл. 6).

Иными словами, как жители мегаполиса во втором послекризисном году, так и остальные жители области – в четвёртом были и остаются оптимистами.

Незначительность выявленных различий и самоочевидность их источников вступили в противоречие с данными кластерного анализа двух информационных массивов. Причины растворения группы экспертов в мегаполисе в 2010 году и её сохранения (либо быстрого восстановления) в 2012 году в составе остального, преимущественно сельского населения области остались, по существу, нераспознанными и потребовали сравнения социально-демографических данных и данных о властных ресурсах, культурном капитале и материальном положении респондентов.

Оказалось, что лица, обследованные в 2012 году в области, значительно моложе жителей мегаполиса. Доля лиц старше 55 лет в мегаполисе составила 29%, а в области – только 17%. Более благополучным оказалось и семейное положение остальных жителей области: женатые и замужние составили в области 75% респондентов, а в мегаполисе – только 55%, тогда как вдовы составили 16% в мегаполисе и только 5% в составе остального областного населения (табл. 7). Возможно, последнее обстоятельство связано с большей очевидностью статуса незарегистрированного сожительства в селе и рабочем посёлке и малом городе сравнительно с мегаполисом.

Включение подсказки «незарегистрированный брак» (т.е. незарегистрированное сожительство) в опроснике 2012 года является, по-видимому, причиной выявленных расхождений. Если посчитать долю лиц, живущих в незарегистрированном браке, являющуюся одинаковой у жителей мегаполиса и остального населения, и принять за 10%, то доля

живущих в браке вырастет в мегаполисе с 55 до 65%. И вырастет, возможно, как раз за счёт доли вдовых жителей мегаполиса. Ведь именно вдовым респондентам особенно трудно признать незарегистрированное сожителство браком. Следует ли пояснять, что высказанное предположение нуждается в тщательной проверке?

Таблица 6. **Удовлетворённость жизнью в целом и прогнозы в отношении качества жизни у жителей мегаполиса и остального населения НСО (2010–2012 гг.)**

	Новосибирская область	
	Жители мегаполиса 2010	Остальное население НСО 2012
Удовлетворённость жизнью в целом		
«Полностью удовлетворены»	17	15
«Скорее удовлетворены»	40	36
Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?		
«Стали жить значительно лучше»	4	5
«Стали жить несколько лучше»	20	28
Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня или хуже?		
«Будем жить значительно лучше»	9	13
«Будем жить несколько лучше»	34	27
Насколько Вы сегодня уверены в своём будущем?		
«Вполне уверен»	9*	13
«Скорее уверен»	25*	26
* В своём будущем на 5 следующих лет.		

Таблица 7. **Социально-демографические характеристики жителей мегаполиса и остального населения НСО (2010–2012 гг.)**

Удельный вес в %	Новосибирская область	
	Жители мегаполиса 2010	Остальное население НСО 2012
Женщин	51	56
Лиц в возрасте		
до 34	28	32
с 35 до 54	43	51
старше 55	29	17
Женатых и замужних:	55	75
в том числе незарегистрированных	-	11
Разведённых	11	8
Холостых и незамужних	18	11
Вдовых	16	5
Имеющих одного ребенка	34	27
Имеющих двоих детей	27	42
Имеющих троих и более детей	11	14
Дети выросли, детей нет	28	17

Если более пожилой возраст респондентов мегаполиса объясняет более частый выбор ими подсказки «дети выросли», то доминирование однодетных семей у жителей мегаполиса и семей с двумя детьми у остальных, более молодых жителей области, несомненно, является свидетельством их семейного благополучия и высокой значимости семейных связей и ценностей, что оборачивается высоким уровнем социального оптимизма.

Таблица 8. **Властный ресурс, культурный капитал и материальное положение жителей мегаполиса и остального населения НСО (2010–2012 гг.)**

	Новосибирская область	
	Жители мегаполиса 2010	Остальное население НСО 2012
Имеете ли Вы на основной работе подчинённых?		
Нет, не имею	78	79
Менее 10 человек	10	16
11-50 человек	11	4
51 человек и более	1	1
Ваше образование?		
Без образования, начальное образование, незаконченное среднее образование	10	7
Среднее общее образование	21	17
Начальное и среднее специальное, незаконченное высшее	45	58
Высшее и послевузовское (второе высшее, аспирантура и др.)	24	18
Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует Ваше материальное положение?		
Денег не хватает на повседневные траты	11	18
На повседневные траты уходит вся зарплата	29	19
На повседневные траты хватает, но покупка одежды затруднительна	22	16
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	24	30
Почти на всё хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи	10	14
Практически ни в чём себе не отказываем	3	2

Главный фактор социальной дифференциации в послекризисных условиях — материальное положение респондентов. Оказалось, что остальное население НСО по этому фактору раздифференцировалось гораздо сильнее населения мегаполиса. Если в 2010 году доли *нищих* и *зажиточных* респондентов среди жителей мегаполиса фактически совпали (табл. 8), то среди остальных жителей области в 2012 году они оказались в 1,5–1,8 раза выше. Доля *бедных* оказалась в мегаполисе также в 1,5 раза более высокой (29% против 19%), а доля *обеспеченных* — более низкой, чем у остальных респондентов в НСО. Возможно, эти расхождения связаны с некоторым ростом доходов и замедлением

инфляции, но не исключено, что материальные стандарты в мегаполисе несколько выше. И выше просто потому, что жители мегаполиса обладают культурным капиталом немного более высокого качества: среди жителей области почти 60% имеют среднее специальное (начальное и общее), а также незаконченное высшее образование, тогда как среди жителей мегаполиса их только 45% (см. табл. 8). При этом данные о распределении властных ресурсов фактически совпадают, хотя свидетельствуют о немного более широкой представленности в области мелких предприятий.

Основным выводом, который напрашивается в результате сопоставления данных информационных массивов 2010 (мегаполис) и 2012 годов (остальное население области), является следующее. Ремонт выборки, выполненный с целью отображения поселенческого ракурса социальных характеристик населения, не привёл к сколько-нибудь заметной корректировке выводов, полученных в 2010 году. Для населения мегаполиса и для остального населения поселенческий ресурс оказался в послекризисных условиях практически незначимым: совпали и социально-демографические, и ментальные (ценностные) характеристики. Подтвердился и доминантный характер влияния материального положения на уровень заселённости этажей социальной пирамиды, и пирамидальная форма графического отображения уровня социальной дифференциации, выявляемого с помощью типовой методики.

Иными словами, уменьшение уровней заселённости разных этажей социальной пирамиды следует трактовать не в качестве признака её подвижности, а скорее как свидетельство различий рангов значимости отдельных её параметров — властного ресурса, культурного капитала и материального положения и, соответственно, рангов значимости операционализирующих эти параметры показателей, а именно количества подчинённых, уровня образованности и самооценки уровня материальной обеспеченности.

Зависимость самооценок материального положения от фактического уровня денежных и натуральных семейных и душевых доходов, с одной стороны, и от господствующих в массовом сознании стереотипных представлений о характеристиках обеспеченности, зажиточности и бедности — с другой, в этих условиях остаётся количественно невыявляемой, что представляется неизбежной трудностью и вместе с тем важной задачей для дальнейшего количественного анализа.

М.Н. Муханова,
Элиста

Республика Калмыкия: особенности социально-экономического положения

На материалах статистического и социологического обследований Росстата и публикаций СМИ предпринята попытка анализа политического и социально-экономического пространства Республики Калмыкия (объект исследования) и того, как на этих пространствах конструирует свои социальные практики ее население (предмет исследования).

Главное для республики событие нынешнего года – выборы депутатов Народного Хурала (Парламента) V созыва. Избирательная кампания стартовала с 7 июня. Работа же уходящего депутатского корпуса происходила в непростых условиях: это, прежде всего, смена руководства РК, резкая конфронтация политических сил, всплески протестного поведения населения. При этом следует отметить небывалую активность политических сил региона. Каждая партия идет на сентябрьские выборы со своим арсеналом, лозунгами и проектами. Одни опираются на большие финансы, другие рассчитывают на мощный административный ресурс, третьи уверены, что местный электорат предпочтет именно их предвыборные программы. Какова ситуация в региональных отделениях партий, претендующих на места в местном Парламенте? Ответы на данный вопрос обрисуют в целом политическую ситуацию, на фоне которой формируется социально-экономическая ситуация в республике.

Самая многочисленная партия «Единая Россия» безраздельно правила на политическом поле региона в течение последних 10 лет, имея прежде всего властный ресурс. Поэтому, по мнению экспертов, региональные активисты «Единой России» растеряли навыки политической борьбы в условиях конкуренции, которая во многом обеспечена благодаря лояльному отношению Главы региона А.М. Орлова к оппозиционным силам, а в некоторых случаях он их поддерживал.

Одна из них, самая оппозиционная, – региональная КПРФ, которая на протяжении последних лет действительно была структурой, противостоящей республиканской власти. По мнению отдельных экспертов,

с КПРФ надо было не оппонировать, не бороться на политическом поприще, как это делала предыдущая власть (К.Н. Илюмжинов), а просто купить ее верхушку, как сделала нынешняя власть (А.М. Орлов) [1].

В действительности же нынешний Глава РК А.М. Орлов – однокурсник по МГИМО, соратник и приближенный бывшего Главы РК К. Илюмжинова в течение 17 лет его правления, не ожидавший стать его преемником, 2,5 года назад вступивший в должность Главы РК, наконец увидел (а может быть, и раньше это видел) реальное, не просто депрессивное, а катастрофическое социально-экономическое состояние республики. Он невольно не то что кинулся поддерживать оппозиционные силы, а совместно с ними стал решать, как исправить ситуацию после правления К. Илюмжинова, характеризовавшуюся деструктивными действиями в управлении и ростом коррупции среди его чиновников. В чем он сам признался в своей публикации в СМИ [2].

В целом по социально-экономическому состоянию Республика Калмыкия, по данным РИА Regnum, как и многие годы, находится в нижней части рейтинга. Здесь, как и годом ранее, в нижнем ряду практически остались все национальные республики страны.

Таблица 1. Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения

Доходы	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Среднедушевые денежные доходы (в месяц), рублей	2425,4	3521,1	4465,8	5651,2	7110,2	7539,8	8449,3	10 032
Реальные располагаемые денежные доходы, в % к предыдущему году	92,1	128,8	114,6	106,5	113,8	98,8	100,4	113,6
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике, рублей	4495,0	5562,2	7101,2	9083,1	10848,7	11601,0	12559,1	15156,6
Реальная начисленная заработная плата, в % к предыдущему году	109,5	109,9	117,2	109,0	107,4	98,4	97,5	112,0
Средний размер назначенных месячных пенсий (на конец года), рублей	2247,7	2494,5	3247,3	3971,6	5399,3	6580,5	7139,4	7876,8
Величина прожиточного минимума (в среднем на душу населения в месяц), рублей	2314	2670	3205	3667	4349	4790	5453	5586
Соотношение с величиной прожиточного минимума, %: среднедушевых денежных доходов	104,8	131,9	139,3	154,1	163,5	157,4	154,9	179,6

Окончание таблицы 1.

среднемесячной номинальной начисленной заработной платы	184,2	196,0	211,3	235,1	233,5	227,7	216,5	271,3
среднего размера назначенных месячных пенсий	126,1	118,2	118,9	129,8	152,8	168,4	130,9	141,0
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, тыс. человек	174,4	135,9	126,6	109,6	100,4	107,9	109,7	-
в % от общей численности населения	60,3	47,2	44,2	38,5	35,4	37,3	38,1	-
Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов), раз	11,0	11,5	11,6	11,7	11,8	11,7	11,7	-
Примечание. Данные за 2012 г. рассчитаны автором. Источник: Данные Калмыкиятат [4].								

Правда, есть небольшие изменения. Например, на 2 позиции поднялась Республика Калмыкия (77 место) [3]. В целом сложное экономическое положение регионов, в т.ч. Калмыкии, замыкающих рейтинг, является застарелой проблемой российской экономики.

Как видно из результатов данных Калмыкиятат (табл. 1), она пока не решена. Несмотря на положительную динамику ряда показателей по параметрам дохода, т.е. на формальный рост за последние 5 лет, реальный уровень жизни населения понизился. Отношение среднемесячной зарплаты к фиксированному набору товаров и услуг в республике одно из самых низких в стране: 1,8 против 2,9 в среднем по России. Это означает, что при крайне низких зарплатах жители Калмыкии вынуждены покупать товары и услуги по тем же высоким ценам, что и жители более благополучных регионов. Инфляция в регионе за год выросла на 7,7%. Продовольственные товары подорожали на 8,8%. Больше всего увеличились в цене хлеб и хлебобулочные изделия – на 15,3% по сравнению с ценами в сентябре 2011 г. Среднедушевые денежные доходы населения Калмыкии за 2012 г. составили 10 032 руб., увеличившись по сравнению с уровнем 2011 г. на 13,6%. Просроченная задолженность по заработной плате в республике на 1 октября составила 5899 тыс. руб., что в 2,7 раза больше, чем было в августе 2012 г. Средняя заработная плата в целом по экономике в республике составила 15 156,6 руб., что на 12% больше, чем за 2011 г. [4]. Тем не менее это одна из самых низких зарплат в стране.

Чиновники из Министерства образования с радостью рапортовали в СМИ о средней зарплате работников образования, достигшей более 15 тыс. руб. Ведь в реальности зарплата учителей, медработников, работников дошкольного учреждения, имеющих небольшой стаж работы, а также занятых в частных предприятиях торговли и сферы быта, находится на уровне 5,5–7 тыс. руб. [6]. Это говорит о распространении бедности среди работающего населения. При этом повышены ставки транспортного и земельного налогов, увеличен налог на имущество физических лиц в среднем до 1300 руб., что является самой высокой ставкой этого вида налога в РФ, а также произошел рост почти в 2,3 раза тарифов на жилищно-коммунальные услуги. Это на порядок выше получаемых услуг, нарушаются правила содержания и ремонта жилых домов и т.д. Таким образом, региональная власть решает социальные проблемы, выкачивая средства через налоги и пр.

Таблица 2. Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов

	2007	2008	2009	2010	2011
Тысяч человек					
Все население	286,4	284,8	283,6	289,4	287,8
В том числе со среднедушевыми денежными доходами, рублей в месяц до 2000,0	57,6	33,9	18,7	15,6	10,9
2000,1 – 4000,0	106,0	90,0	69,2	64,8	53,5
4000,1 – 6000,0	59,8	66,1	64,7	64,8	60,7
6000,1 – 8000,0	29,8	38,7	45,1	47,2	48,1
8000,1 – 10000,0	14,9	22,2	29,2	31,5	34,3
10 000,1–15 000,0	13,4	23,1	35,2	39,7	46,0
15 000,1–25 000,0	4,3	9,1	17,3	20,6	26,5
свыше 25 000,0	0,6	1,7	4,2	5,2	7,8
В процентах					
Все население	100	100	100	100	100
В том числе со среднедушевыми денежными доходами, рублей в месяц до 2000,0	20,1	11,9	6,6	5,4	3,8
2000,1 – 4000,0	37,0	31,6	24,4	22,4	18,6
4000,1 – 6000,0	20,9	23,2	22,8	22,4	21,1
6000,1 – 8000,0	10,4	13,6	15,9	16,3	16,7
8000,1 – 10 000,0	5,2	7,8	10,3	10,9	11,9
10 000,1–15 000,0	4,7	8,1	12,4	13,7	16,0
15 000,1–25 000,0	1,5	3,2	6,1	7,1	9,2
свыше 25 000,0	0,2	0,6	1,5	1,8	2,7
Источник: данные Калмыкиятат [5].					

В 2011 г. в Калмыкии была зафиксирована самая высокая в РФ доля бедных: 42,4% населения имели доходы ниже или на уровне прожиточного минимума (табл. 2). Ситуация мало изменилась и в 2012 г. Об этом говорят результаты Росстата по обследованию домохозяйств в Калмыкии [7]. Данные таблицы 2 отражают финансовое положение населения с точки зрения среднедушевого дохода по отношению к прожиточному минимуму [5]. В другом случае мнения населения о финансовом и материальном положении домохозяйств отражаются различными суждениями, основанными на различных уровнях измерения, где критерием является недостаток чего-то, т.е. в чем испытывают нужду домохозяйства, в том числе в удовлетворении таких базовых потребностей, как питание, покупка одежды, обуви, оплата жилищно-коммунальных услуг [7].

По данному критерию к «абсолютно бедным» (как условное обозначение) можно отнести тех, кому доходов не хватает даже на еду, — они составляют 2%, что более чем в два раза ниже, чем по РФ (4,4%). Зато категорию «бедные» — к ним можно причислить тех, кому на еду денег хватает, но покупать одежду и оплачивать услуги ЖКХ затруднительно, — составила половина обследованных домохозяйств (50%). Это существенно выше, чем по РФ (34,3%). К категории «менее обеспеченные» следует отнести домохозяйства, где денег хватает на еду и одежду, но не могут себе позволить покупку необходимых товаров длительного пользования, — 40,5%. Этот показатель незначительно отличается от российского — 42,5%. «Обеспеченные» домохозяйства, которые могут себе позволить купить еду, одежду, товары длительного пользования, но не хватает денег на покупку автомобиля, квартиры, составляют 7,5% против 17,3% домохозяйств по РФ. Только российские домохозяйства (2,3%) имеют достаточно средств, чтобы купить все, что считают нужным, в Калмыкии таковые отсутствуют.

Финансовое и материальное положение домохозяйств имеют различную структуру источников средств к существованию. Структура этих источников в домохозяйствах не только характеризует уровень и качество жизни населения региона, но и определяет поле его деятельности. В свою очередь, последняя предопределяет жизненные шансы, риски различных слоев населения, детерминированные, прежде всего, социально-экономическим развитием республики.

Структура источников средств к существованию в домохозяйствах республики состоит в основном из зарплаты (48%), пенсии (57,4%),

пособия (22,2%), помощи родственников (18,5%), дохода от ЛПХ (15%), дохода от самозанятости (11%), пособия по безработице (5,6%). Для сравнения: в 68% российских домохозяйств зарплата является основным источником дохода, что значительно выше регионального показателя; пенсия практически на том же уровне – 55,7%. Все остальные источники значительно меньше используются россиянами – почти в 2 раза по сравнению с жителями Калмыкии: это пособия (11%), помощь родственников (11,4%), доходы от самозанятости (4,3%), доходы от ЛПХ (3,8%). Зато россияне имеют другие виды доходов – алименты (3,6%), сбережения (6,8%), которых не имеют жители РК [7].

Домохозяйства Калмыкии в основном имеют не более двух источников дохода. Первыми источниками средств существования являются зарплата (60%), в равных долях доходы от самозанятости и пенсия (по 12,5%), доходы от ЛПХ (3,1%). Вторыми источниками в домохозяйствах являются помощь родственников (47%), в равной доле доходы от ЛПХ и пособия (по 18%), пенсия (12%).

Для сравнения скажем, что в качестве первого источника доходов 80% российских домохозяйств указали зарплату, 14% – пенсию, 2,7% – доходы от самозанятости [7]. Таким образом, сравнительный анализ показателей российских и региональных домохозяйств по источникам средств к существованию показывает действие различных стратегий членов домохозяйств, основанных на различных формах занятости, формируемых (диктуемых) региональным рынком труда. Поскольку в Калмыкии, как показывают данные обследования, распространена бедность среди работающих, вторым важным источником доходов домохозяйств является помощь родственников, которые работают за пределами республики (за границей или в крупных городах, мегаполисах), и доходы от ведения ЛПХ.

Рынок труда в Калмыкии находится в стадии формирования и характеризуется высокой напряженностью, причем показатели уровня безработицы являются самыми высокими не только в Южном федеральном округе, и в целом по России Калмыкия часто входит в тройку регионов-лидеров по уровню безработицы наряду с Чечней и Ингушетией. В Калмыкии безработица классифицируется как застойная. Например, в 2012 г. уровень безработицы в республике составил 13,1% против 6,2% по ЮФО, 5,5% – по РФ. Среди безработных свыше трети составляют лица, имеющие среднее общее образование, – 35,3%; в равных долях – имеющие

высшее и среднее специальное образование – по 21,3%. Почти 40% от числа безработных составляет молодежь в возрасте 15–29 лет [4]. Более половины рабочих мест оплачиваются на уровне прожиточного минимума. Средняя зарплата, особенно в частных, коммерческих предприятиях, в 2012 г. составила 6–7 тыс. руб., а стоимость продуктов питания была на уровне мегаполисов. Это и становится причиной активной миграции населения, прежде всего молодежи и людей среднего возраста. Например, за 2011 г. выехало за пределы РК 3500 чел. или 1,3% от численности всего населения республики.

В 2012 г. согласно данным Росстата почти 33% занятых в Калмыкии работали в неформальном секторе. Остальные 67% занятых работали в формальном секторе – в учреждениях, организациях, на предприятиях различных форм собственности. Показатели занятости в неформальном секторе по Калмыкии существенно выше, чем по РФ и ЮФО [8]. Неформальный сектор, по мнению экспертов, – это сфера экономики, которая предоставлена сама себе и является формой занятости для тех, кто потерял работу или не нашел место в формальном секторе. Это сфера занятости, где человек (или актер) сам решает свои проблемы трудоустройства, фактически государству как бы не до него. При этом работник неформального сектора платит налоги и делает пенсионные отчисления. В этом случае рост неформальной занятости частично сдерживает рост безработицы [9]. Численность занятых в неформальном секторе республики из года в год растет: например, в 2010 г. она составляла 25,7% [10]. В 2012 г. в Калмыкии этот показатель составил 42 тыс. чел. [8]. Кто эти люди, работающие в нем?

Во-первых, занятые на предприятиях без образования юридического лица (ПБОЮЛ), индивидуальные предприниматели и их работники. Во-вторых, это те, кто нанимается непосредственно по найму у физического лица. В-третьих, это те, кто получает незарегистрированные доходы. Это могут быть бригады строителей, лица, занимающиеся извозом на своем частном транспорте, продавцы на вещевом или продовольственном рынке, ведущие товарное ЛПХ, домработницы, няни и проч. Очевидно, что они подвержены большим рискам, нестабильной трудовой жизни, т.к. КЗОТ в неформальном секторе не действует, контракты краткосрочные, большая конкуренция, зарплата нестабильная (по договоренности) и не всегда удовлетворяющая работника и т.д. Этот сектор в регионе растет, в том числе за счет сокращения занятости в формальном секторе.

Здесь возникает важный теоретический вопрос: можно ли считать людей, занятых в неформальном секторе, акторами целерациональных действий? По-видимому, не всех. Однако, несомненно, мы встретим акторов с целерациональными практиками. Но к ним следует отнести только тех, кто занят соответствующим родом деятельности и обладает необходимыми качествами для модернизации региона. При этом следует отметить, что занимающихся частным извозом, продавцов вещевого рынка или домработниц к целерациональным акторам, по всей вероятности, никак не отнести.

Каково гражданское участие населения региона в сложившейся социально-экономической ситуации? Осенью прошлого года сразу несколько региональных организаций – КПРФ, «Справедливая Россия», «Яблоко», Президиум общественного движения «Родной край», «Дети войны» – организовывали митинги в рамках всероссийской акции протеста против роста цен и тарифов в сфере ЖКХ. Выступившие заявили, что руководство страны и региона перекладывает на плечи населения решение экономических проблем. Было единодушно поддержано предложение о создании общегородского совета домовых комитетов с привлечением юристов, которые помогут людям защитить себя от произвола в жилищно-коммунальной сфере. Митингующие говорили, что власти должны взять под жесткий контроль работу коммунальных служб и управляющих компаний, провести с привлечением общественности тщательный анализ обоснованности тарифов. «Расходы населения на услуги ЖКХ не должны превышать 10 процентов совокупного дохода семьи», – говорилось в резолюции. Управляющим компаниям предложено привлекать безработных граждан к ремонту подъездов, лифтов, кровли и прочего, а взамен не выставять им счета на оплату услуг ЖКХ. Среди требований было также введение прогрессивного налога на доходы и собственность.

Вторым аспектом митинга был вопрос о памятных событиях 20 сентября 2004 г., которые проходили в Элисте под лозунгом: «Илюмжинова к ответу!» Участники митинга настаивали на возобновлении работы республиканской парламентской комиссии по расследованию сентябрьских событий восьмилетней давности и требовали призвать к ответу экс-главу региона. Напомним: тогда гражданская акция протеста против политики руководителя региона К. Илюмжинова была пресечена силой, сотрудники ОМОНа избивали десятки людей, один человек погиб [11].

В этот же период работники ОАО «Калмыцкая энергетическая компания» (КЭК) 5 октября начали забастовку, требуя от своего руководства выплатить зарплату за три месяца. Задолженность составляет 4,135 млн. руб. Начальство КЭК объясняло, что «все счета арестованы и денег нет», но не признавало вины. Председатель совета директоров КЭК, полномочный представитель АО «Фалкон Капитал» в России и Калмыкии Д. Кирмелашвили заявил: «Все упирается в споры между калмыцкими энергетическими компаниями, которые ведутся на протяжении нескольких лет и до сих пор не закончились. Кое-кто никак не может смириться с тем, что городские электрические сети находятся в собственности «Фалкон Капитал». Он признал, что Калмэнергоком имеет финансовую задолженность перед поставщиком электроэнергии. Но идут судебные заседания, переговоры о реструктуризации долга. С другой стороны, у самого предприятия есть дебиторы, задолжавшие огромные суммы. «Мы проинформировали все руководящие инстанции республики и города, обратились в прокуратуру. Считаем, что это целенаправленная акция, направленная на нарушение целостности и деятельности нашей компании», – добавил Д. Кирмелашвили [11].

Каково же участие власти, бизнес-сообщества республики в формировании, создании новых рабочих мест? На очередном заседании Российского союза промышленников и предпринимателей Калмыкия представила три проекта, которые вызвали интерес. Речь идет о строительстве тепличного комплекса в Целинном районе, птицефабрики – в Городовиковском районе, создании рыбоперерабатывающей отрасли в Лаганском и Черноземельском районах на общую сумму около 1 млрд. руб. РСПП решил выделить такие средства [11].

В Элисте состоялся III съезд Национальной ассоциации заводчиков калмыцкого скота. В мероприятии участвовали представители агропромышленных предприятий семи регионов России, из Казахстана, ведущие ученые РФ. В развитии мясного скотоводства Российской Федерации большая роль отводится отечественной калмыцкой породе крупного рогатого скота. Задача – поднять престиж этой породы, добиваться улучшения качественных показателей, совершенствовать племенную базу, заниматься интенсивным откормом скота. Съезд, в частности, принял решение ходатайствовать перед Минсельхозом России и субъектами федерации о сохранении государственной поддержки мясного скотоводства. Ассоциация заявила о готовности участвовать в регистрации пле-

менных организаций по разведению калмыцкого скота и распределении субсидий. Глава Калмыкии А. Орлов назвал калмыцкий скот «красным золотом», ассоциируя свое сравнение с «черным золотом» — нефтью. Он отметил, что калмыцкая порода скота может и должна стать основой для возрождения российского мясного животноводства. Председатель Народного Хурала А. Козачко подчеркнул, что в последнее время эта отрасль стала одной из наиболее динамично развивающихся в сельском хозяйстве республики и что это будет способствовать повышению благосостояния сельчан [12].

Руководство региона и общественная организация «Деловая Россия» провели в Москве мероприятие под названием «Стратегическая сессия «Кластерные инициативы. Республики Калмыкия как драйверы стратегии новой индустриализации России и основной базовый инструмент создания новых высокопроизводительных рабочих мест». В мероприятии приняли участие Глава Калмыкии А. Орлов, председатель правительства субъекта Л. Иванова, вице-президент, сопредседатель «Деловой России» А. Данилов-Данильян, управляющий группы компаний «Продконтракт», председатель отраслевого отделения поставщиков и переработчиков мяса федерального межотраслевого совета «Деловая Россия» Т. Битько, заместитель директора департамента экономики и анализа Минсельхоза РФ М. Лосев, предприниматели, эксперты в мясной отрасли, представители администраций регионов ЮФО и СКФО. Речь, в частности, шла о создании так называемого мясного кластера. А. Орлов отметил его важность для экономики региона, для развития животноводства в РФ. По мнению руководителя, учитывая сегодняшнюю ситуацию на российском мясном рынке, когда он почти полностью зависим от импорта, следует отметить, что инициатива по созданию кластера может стать значимым этапом в возрождении мясного скотоводства. Касаясь непосредственных выгод для Калмыкии, ее глава сказал, что строительство современного высокотехнологичного мясокомбината, создание индустриальных откормочных площадок даст новые рабочие места в исконной для республики отрасли. А. Данилов-Данильян подчеркнул, что после консультаций в правительстве России решено: «Со стороны руководства страны будет оказываться всемерная поддержка в реализации данного проекта» [11].

Таким образом, в рамках возможного объема на материале с использованием статистических данных и публикаций СМИ была предпринята попытка анализа политического и социально-экономического

пространств Республики Калмыкии и того, как на этих пространствах конструирует свои социальные практики ее население. Деформированность регионального рынка труда, ежегодный рост миграции населения, рост числа занятых в неформальном секторе, неуклонный рост различных налогов на физических лиц говорят об отсутствии конкурентного и производительного сектора в экономике региона. Тем не менее население, используя различные стратегии трудового и социального поведения, обеспечили рост рождаемости, массовое строительство частного жилья, активное функционирование рынка недвижимости, сравнительно хорошее качество школьного образования, несмотря на низкую зарплату учителей. В данном случае можно согласиться с мнением Президента РФ В.В. Путина, посетившего Калмыкию в апреле этого года: «Здесь живут талантливые, трудолюбивые и эффективные люди» [13].

Источники

1. Лиджиев С. Кто наступает медвежатам // Известия Калмыкии. 2013. 21 июня. С. 1.
2. Илюмжинов К. Каким он парнем был // Известия Калмыкии. 2013. 14 июня. С. 1.
3. Рейтинг регионов / Официальный сайт РИА «Rrgnum» www.regnum.ru/news/polit/ Обращение: 15 июня 2013 г.
4. Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения http://statrk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/statrk/ru/statistics/standards_of_life/ Обращение: 20 июня 2013 г.
5. Распределение населения по величине среднедушевых доходов http://statrk.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/statrk/resources/
6. Намысова В. Зарплата учителя: смеяться или плакать? // Известия Калмыкии. 2013. 8 июня. С. 3.
7. Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения. Таблицы. www.gks.ru/ Обращение: 15 июня 2013 г.
8. Обследования населения по проблемам занятости www.gks.ru/bgd/regl/b12_30/main.htm Обращение: 22 июня 2013 г.
9. Гимпельсон В.Е. Занятость в неформальном секторе в России: угроза или благо? Препринт WP4/2002/03. М.: ГУ ВШЭ, 2002. 52 с.
10. Труд и занятость в России. 2011: Стат. сб. / Росстат. М., 2011. С. 91.
11. Волгин В. Республика Калмыкия в сентябре—октябре 2012 г.
12. http://monitoring.carnegie.ru/2012/11/kalmykia/volgin-9_10-2012/ Обращение 24 июня 2013 г.
13. Народный Хурал (Парламент) Республики Калмыкии. Официальный сайт. <http://www.huralrk.ru/news/1946-21092012.html>. Обращение: 25 июня 2013 г.
14. Бляшко С. Медведев и «хорошие места» // Элистинский курьер. 2013. №15. 25 апр. С. 2.

А.В. Немировская,
Санкт-Петербург

Миграционная ситуация в регионах Сибири: общественные настроения и статистические данные*

В последнее десятилетие регионы Восточной и Западной Сибири характеризуются непростой миграционной ситуацией – с одной стороны, в большинстве регионов Сибирского федерального округа наблюдается отток образованного населения в другие регионы страны, с другой стороны, прибытие низкоквалифицированной рабочей силы, в первую очередь из стран ближнего зарубежья. Отток квалифицированного населения – значимый фактор, сдерживающий развитие регионов Сибири, наряду с депопуляцией и низкой плотностью населения.

Для изучения миграционных настроений и оценки отношения постоянного населения к мигрантам в регионах Сибири используются данные Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России», проведенного Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН в 2010 г. (n = 1163), а также данные репрезентативных опросов методом формализованного интервью населения в ряде регионов СФО, выполненные различными исследовательскими коллективами в рамках реализации исследовательской программы «Социокультурная эволюция регионов России» под руководством чл.-корр. Н.И. Лапина: в Красноярском крае (n = 1000) и Республике Хакасия (n = 600) в 2010 г.¹, Новосибирской области (n = 500), Алтайском крае (n = 1200) и Республике Бурятия (n = 998) в 2010 г., Томской области (n = 750) и Омской области (n = 1229) в 2011 году². Для анализа миграционных показателей в регионах СФО использованы также данные Федеральной службы государственной статистики РФ.

* Исследование поддержано грантом Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук. Проект «Социокультурные и институциональные аспекты социальной модернизации регионов Сибири», МК-3359.2013-6.

¹ Сбор данных осуществлен при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Особенности социокультурного портрета Красноярского края», №10-03-00001а.

² Благодарим ЦИСИ ИФ РАН и исследовательские коллективы из этих регионов за предоставленные данные для анализа.

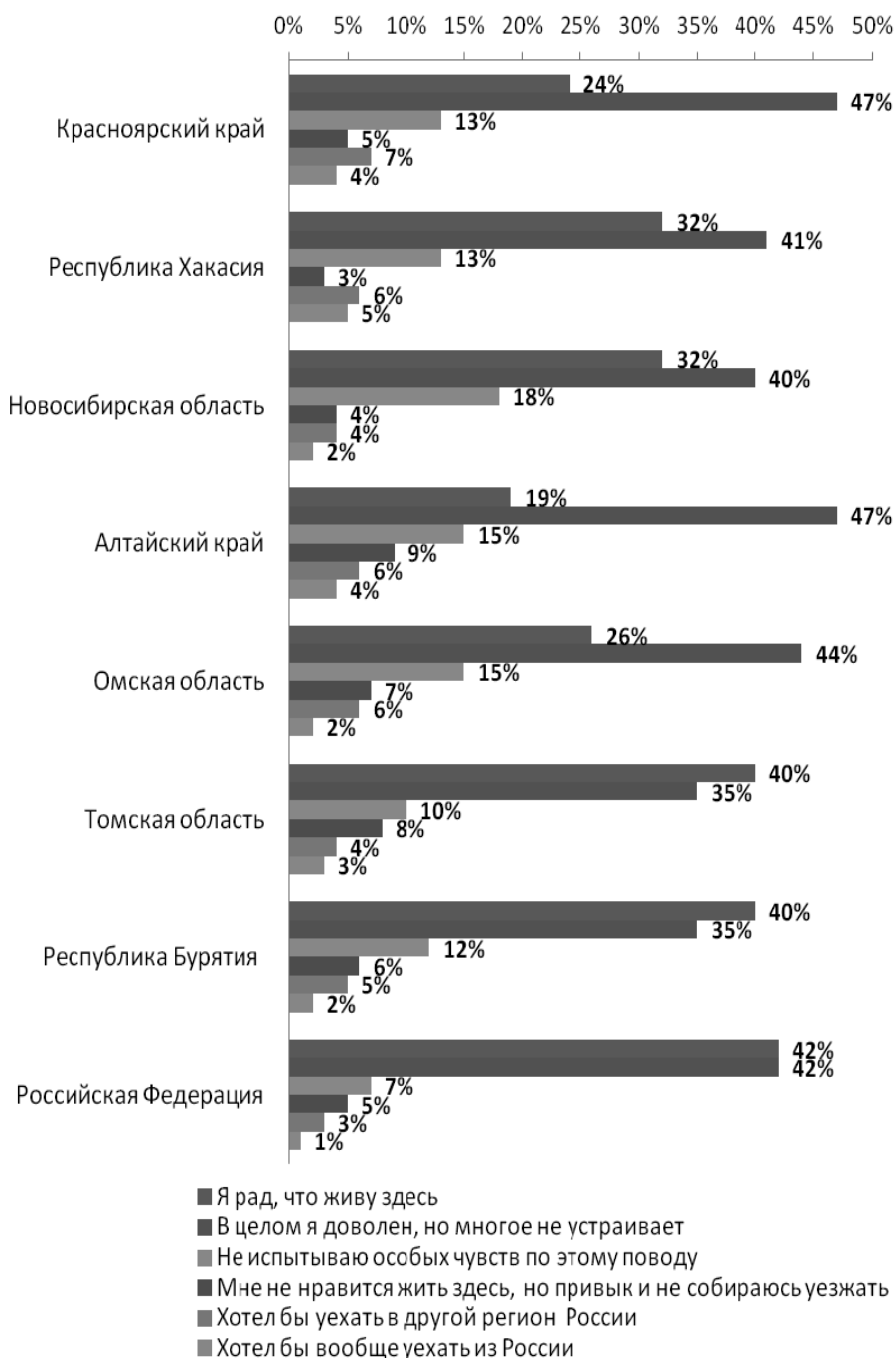

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к своему региону?» (в % от числа ответивших на вопрос)

Источник: данные опросов по методике ЦИСИ ИФ РАН.

В Сибири по сравнению с Россией в целом значительно меньший процент населения испытывает сугубо положительные чувства по отношению к региону своего проживания (рис. 1). Если в среднем почти половина опрошенных россиян ответили «рад, что живу здесь» — 42%, то в большинстве сибирских регионов, в которых проводился опрос, эта доля респондентов значительно меньше: 32% в Новосибирской области и Республике Хакасия, 26% в Омской области, 24% в Красноярском крае, 19% в Алтайском крае. Существенно отличается процент опрошенных, ответивших, что «не испытывают особых чувств по отношению к своему региону», — только 7% среди населения России в целом и от 10% (Томская область) до 18% (Новосибирская область) в регионах СФО.

Как показал сравнительный анализ распределения ответов респондентов из регионов СФО, на фоне общероссийской выборки, в Сибири значительно выше доля, чем в России в целом, населения, желающего покинуть свой регион. Так, в Красноярском и Алтайском краях, Республике Хакасия и Омской области в два раза выше число респондентов, желающих покинуть свой регион и переехать в другой регион страны, по сравнению с общероссийской выборкой. Среди сибиряков также в разы больше, чем в среднем по России, респондентов, желающих сменить нынешнее место жительства на зарубежную страну.

Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к своему региону?», %

Регион	Рад, что живу здесь		Хотел бы уехать (в другой регион или страну)*		Не нравится жить, но привык	
	С высшим образованием	Без высшего образования	С высшим образованием	Без высшего образования	С высшим образованием	Без высшего образования
Красноярский край	22,3	24,9	14,7	7,8	6,1	4,1
Республика Хакасия	27,8	34,1	2,4	3,4	10,3	11,9
Алтайский край	16,1	20,5	13,7	7,4	8,2	9,9
Омская область	19,9	28,3	8,5	7,5	6	7,2
Томская область	47,3	33,5	7,7	8,2	8	4,3
Новосибирская область	33,9	31,1	6,9	3,6	8,5	5
Республика Бурятия	42,2	39,4	5,7	7,4	4,8	5,7
Российская Федерация	43	40,2	4,7	3,7	4,7	5

* В указанном столбце таблицы объединены ответы «хотел бы уехать в другую область /республику/край» и «хотел бы уехать из страны».

Источник: данные опросов по методике ЦИСИ ИФ РАН.

Заслуживает внимания отношение групп населения с разным уровнем образования к своему региону (таблица). Миграционные намерения явно выражены у более образованных респондентов из Красноярского и Алтайского краев, Новосибирской области. В меньшей степени – в Омской области и в России в целом. В Республике Хакасия, Томской области и Республике Бурятия – противоположная ситуация, однако число респондентов без высшего образования, желающих покинуть свой регион, крайне незначительно превышает долю ответивших среди респондентов с высшим образованием. В то же время в Хакасии и Бурятии в большей степени респонденты с более низким уровнем образования говорят, что, несмотря на недостатки, привыкли к жизни в своем регионе. Возможно, это связано с затруднительной мобильностью ввиду возраста или меньших компетенций, которые можно использовать на новом месте.

Крайне малое число респондентов уверены, что в их регионе Сибири люди живут лучше, чем во всех соседних регионах (рис. 2). Наибольшее количество таких «оптимистов», одна пятая от числа опрошенных, в Новосибирской области и Республике Хакасия (22 и 19% соответственно). Наиболее неудовлетворительной жизнь представляется населению Алтайского края (напомним: это один из лидеров по числу «миграционно ориентированных» респондентов из регионов СФО) – практически половина опрошенных считают, что на Алтае жизнь хуже, чем во всех соседних регионах. Причины подобной оценки разнообразны, в целом мнение респондентов отражает уровень социально-экономического развития и качества жизни населения в этих регионах, о чем подробнее будет сказано в докладе.

Учитывая в целом довольно «прохладное» отношение сибиряков к месту своего проживания, можно сказать, что не выглядит удивительной картина динамики миграции в регионах СФО: с середины 2000-х годов стабильный миграционный прирост, превышающий общероссийские показатели, наблюдается только в Новосибирской и Томской областях (рис. 3). Важно отметить, что этот процесс наблюдается уже более трех десятков лет. Как указывают Т.И. Заславская и В.А. Калмык, еще в период с середины 50-х до середины 70-х гг. миграционный отток населения из Сибири превышал приток мигрантов из других регионов. Только за 1960–1975 гг. потери Сибири в населении за счёт оттока в другие регионы страны составили 800 тысяч человек трудоспособного возраста [Заславская, Калмык, 1981, с. 50].

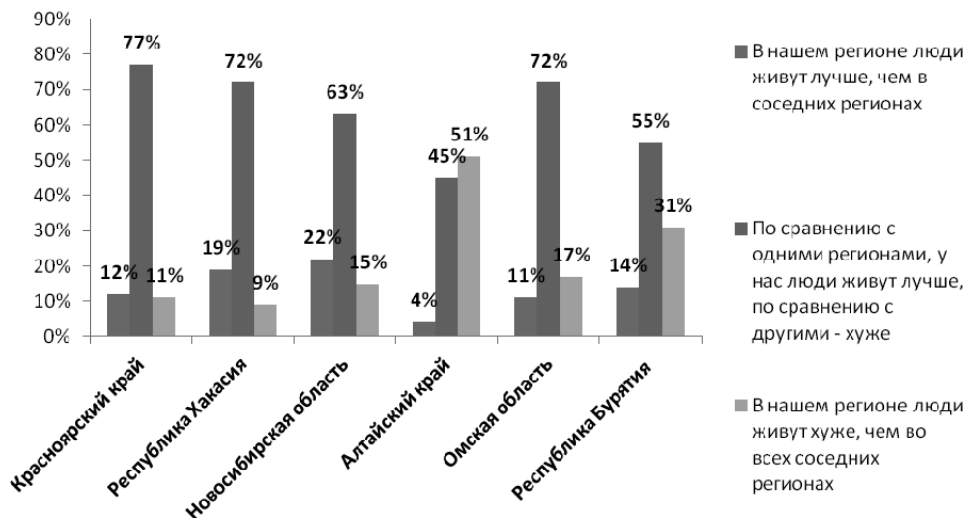

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, жители нашего региона живут лучше или хуже, чем жители соседних регионов?» (в % от числа ответивших на вопрос)

Источник: данные опросов по методике ЦИСИ ИФ РАН.

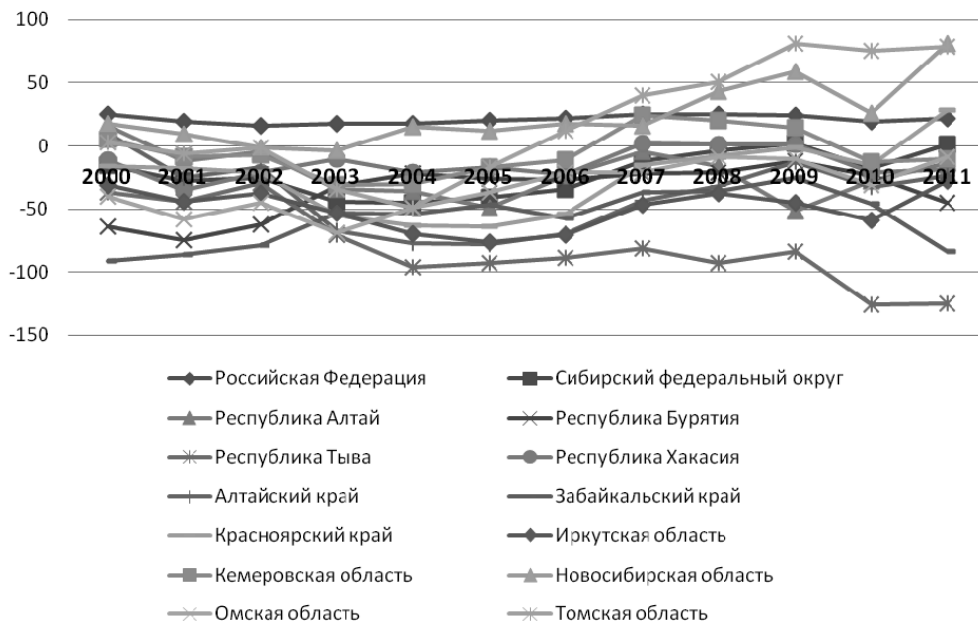

Рисунок 3. Динамика миграционного прироста на 10 000 человек населения в регионах СФО и России

Источник: табл. 3.17. Коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения // Регионы России. Социально-экономические показатели. – М.: Росстат, 2012. – С. 90-91.

Как свидетельствуют данные государственной статистики, общая миграционная убыль населения в СФО в конце 2000-х гг. [Численность и миграция населения ...] значительно снизилась и даже сменялась небольшим миграционным приростом. Связано данное явление было с некоторым сокращением внутренней миграции из регионов СФО в другие регионы России, с одной стороны, и, с другой стороны, с усилением международной миграции (а также, вероятно, более тщательной регистрацией международных мигрантов). Что касается внутренней миграции, отметим, что в 2011 г. миграционная убыль в округе составила всего около 44 тыс. человек. При этом прирост населения наблюдается только в миграционных обменах с Дальневосточным и Северо-Кавказским федеральными округами. В то же время люди выбывают прежде всего в Центральный федеральный округ, а прибывают из Дальневосточного и Уральского.

Однако возникает логичный вопрос о том, кто именно уезжает за пределы Сибири и какой человеческий капитал регионы СФО получают благодаря новым мигрантам. Рассмотрим динамику миграционного прироста и убыли в разрезе образовательного капитала (рис. 4). Вначале стоит отметить, что статистика миграционного учета, в частности выбытий, особенно при внутренних перемещениях в России, не вполне надежна (в настоящее время у населения немного стимулов официально сниматься с учета и тем самым позволять службам идентифицировать факт перемещения), и, в действительности, «реальные» цифры как прибывших, так и выбывших будут существенно более высокими.

Тем не менее у авторов есть основания предполагать, что лица с высшим образованием в большей степени склонны отмечаться в текущем учете как при прибытии, так и при выбытии (переезд высококвалифицированного образованного специалиста часто связан с получением предложения по работе, за которым следует смена места жительства). К сожалению, в данных текущего учета межрегиональных прибытий и выбытий невозможно отдельно выделить выбытия за пределы СФО, так что часть перемещений, попадающих в статистику, можно отнести к перемещениям внутри сибирских регионов. Кроме того, в 2011 году изменились правила учета мигрантов, поэтому возможны резкие колебания цифр в данном конкретном году по сравнению с предыдущими.

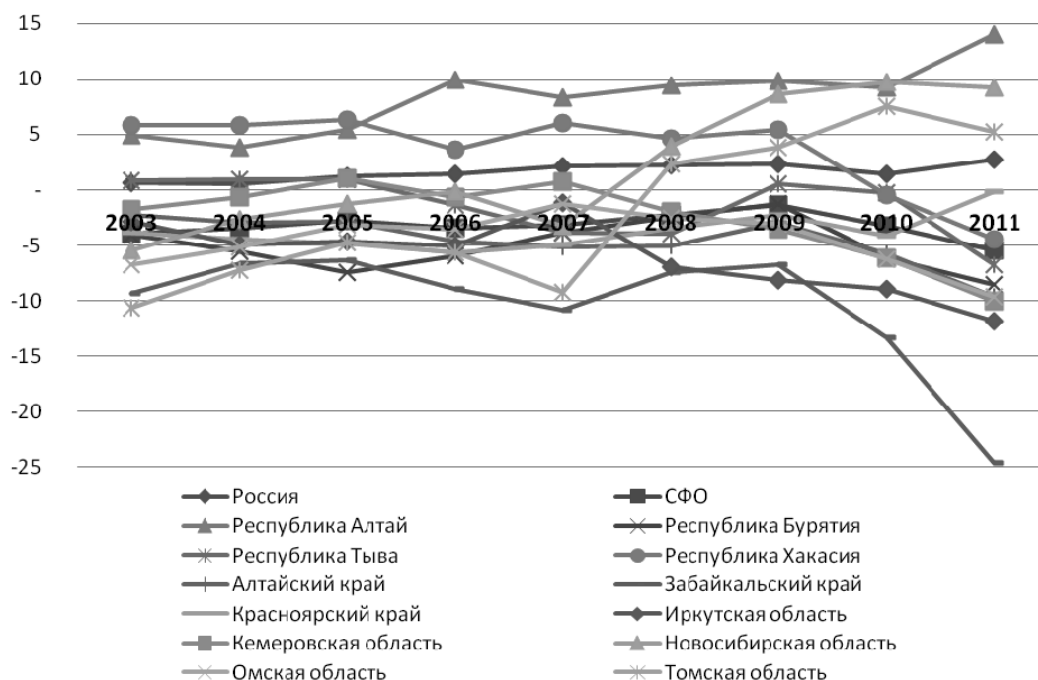

Рисунок 4. Сальдо миграции населения с высшим образованием в регионах СФО и в России в целом (на 10 000 человек)

Источник: табл. 2.14. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2011 году (статистический бюллетень). – М.: Росстат, 2012. – С. 110.

При том, что в России в целом наблюдается прирост образованного населения за счет миграции, в регионах СФО, несмотря на благоприятные изменения в миграционных процессах (количественные) в последние несколько лет, наблюдается и даже ускоряется отрицательный миграционный прирост высокообразованного населения (см. рис. 4). Таким образом, увеличение количества мигрантов не сопровождается кратным ростом качества человеческого капитала. Кроме того, уровень образования незарегистрированных международных мигрантов, как правило, ниже, чем зарегистрированных, соответственно, скорее всего, реальная картина представляется ещё менее благоприятной.

Как показано на рис. 5, официальная статистика близка к озвученным респондентами намерениям выезда за рубеж (как было продемонстрировано в распределениях ответов на рис. 1): если средние показатели по РФ и СФО практически одинаковы, то в пяти сибирских регионах число выбывших за пределы России отличается от среднего в большую сторону – немного выше в Томской области, Новосибирской области, Алтайском крае, Кемеровской области и почти вдвое выше в Омской области.

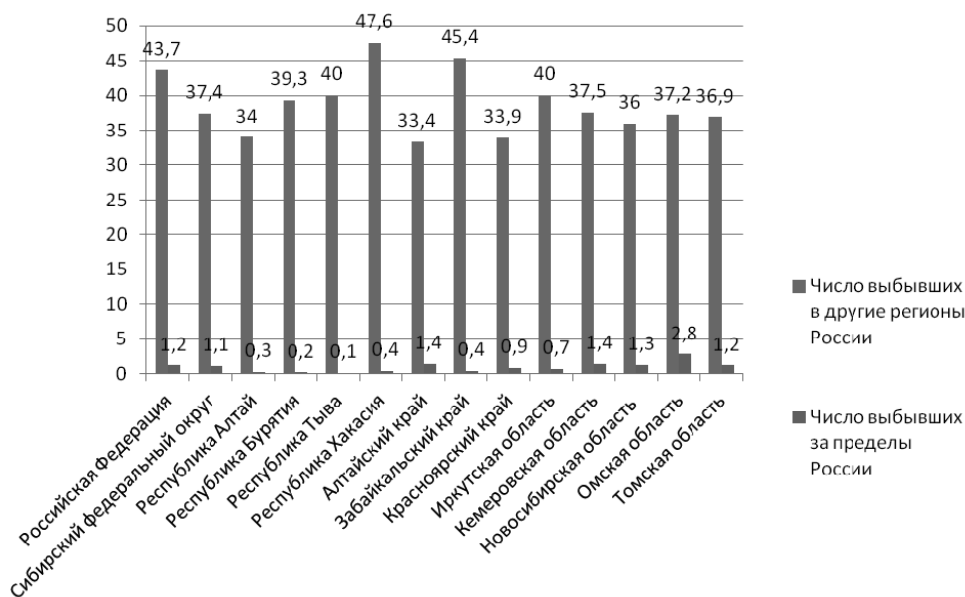

Рисунок 5. **Распределение числа мигрантов по направлениям передвижения (в % от общего числа прибывших и выбывших) в регионах СФО и России в целом в 2011 г.**

Источник: табл. 3.18. Распределение числа мигрантов по направлениям передвижения (в % от общего числа прибывших и выбывших) // Регионы России. Социально-экономические показатели. – М.: Росстат, 2012. – С. 92-93.

Для эффективной модернизации на региональном уровне в настоящее время проблематичным остается вопрос о том, достаточна ли в регионах Сибири доля населения, которое сможет выступить активной силой модернизации, доля высокообразованных профессионалов, квалифицированных рабочих, предпринимателей и в целом активных лиц трудоспособного возраста. Как показал анализ, официальные данные миграционной статистики по высокообразованным и экономически активным группам населения соответствуют социальным настроениям, выявленным в результате опросов населения в регионах СФО. Можно заключить, что, прежде всего, необходимо предпринимать меры по удержанию в регионах той части населения, которая могла бы выступить активным проводником модернизации в бизнесе, промышленности, образовании и других сферах, – в первую очередь, путем повышения качества жизни в регионах Сибири.

Источники

1. Zaskavskaya T.I., Kalmyk V.A. Social and Economic Problems in the development of Siberia // The Problems of Philosophy. 1981. – №8. – Pp. 48-59.
2. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2011 году (статистический бюллетень). – М.: Росстат, 2012.

С.В. Панков,
Тамбов

Модернизация и социально-экономический статус системы сельских поселений Тамбовской области

Затрагивая вопросы модернизации сельских поселений, необходимо детально остановиться на двух аспектах их развития: 1) их «адаптации» к естественным ландшафтам и 2) на проблемах современного социально-экономического развития сельских поселений. Для эффективного и устойчивого функционирования сельских поселений и выполнения селом своей главной роли – обеспечения продовольственной безопасности страны и других производственных задач, а также должного развития демографической, трудоворесурсной, культурной, рекреационной, природоохранной и других функций, необходимо создание для сельского населения адекватных условий труда и проживания, т.е. создание социально-экономического статуса сельского населения.

Среди наиболее острых проблем села следует выделить три крупные группы: проблема жизнеобеспечения (наличие или отсутствие мест приложения труда), проблема жизнедеятельности (условия и качество жизни), проблема жизнеустройства (степень освоенности и качество среды обитания).

Каждая из трёх групп несет в себе массу проблем частного характера, которые при этом не становятся менее значимыми. Вопросы жизнеобеспечения или экономического потенциала села, на наш взгляд, являются ключевыми, т.к. именно они замыкают на себе все остальные и их решение требует неотлагательных первоочередных мер. К проблемам этой группы относятся: рост числа безработных в связи с банкротством сельхозпредприятий; рост количества сельских поселений, не имеющих работодателей; увеличение количества поселений без жителей; миграция из села социально-активного и квалифицированного населения; неукомплектованность сельхозпредприятий специалистами, механизаторами, работниками других профессий; снижение уровня квалификации кадров для сельского хозяйства; отказ молодых специалистов от трудоустройства в сельской местности после учебы, ведущие к снижению плотности сельского населения, в т.ч. в Тамбовской области, где она уменьшилась за последние 15 лет почти в полтора раза.

Вторая группа проблем включает вопросы социального потенциала сельских поселений, где основными являются снижение уровня и качества жизни сельских жителей; усиление дифференциации сельского населения по уровню дохода; задержка выплаты заработной платы; разрушение социальной инфраструктуры в связи с отсутствием надлежащего финансирования учреждений дошкольного и школьного образования, здравоохранения, культуры, бытового обслуживания; примитивность досуга; рост заболеваемости во всех возрастных группах сельских жителей и недоступность соответствующей медицинской помощи; низкий уровень культурно-бытового обслуживания; значительная доля ветхого и неблагоустроенного жилья; несоответствие уровня инженерных и транспортных коммуникаций (дорог, электро- и газосетей, телефонной и телекоммуникационной связи) потребностям производства и сельского населения; массовый отток молодежи и, как следствие, увеличение доли лиц пожилого возраста; низкая мотивация проживания в сельской местности и падение престижа сельского образа жизни в общественном мнении.

Проблема жизнеустройства вытекает из двух предыдущих, трансформируя социально-экономические аспекты существования сельской местности в экологические.

Критически оценивается такое положение и на государственном уровне. На совещании по проблемам устойчивого и комплексного развития сельских территорий В.В. Путин отметил, что «...медленнее всего изменения происходят именно на селе». Это связано с тем, что «...здесь менее всего развита инфраструктура, ощущается недостаток рабочих мест, недостаточно развито здравоохранение, образование, медицинское обслуживание», «...усилия, которые предпринимаются, недостаточны, прежде всего, потому, что эта работа не централизована, а разбросана по тринадцати федеральным программам. Порой наблюдается ведомственный подход». И далее: «...нужны слаженные действия федерального центра, региональных и муниципальных властей» и необходимо «...сделать все, от нас зависящее, чтобы устранить административные барьеры, мешающие развитию села, помочь решить текущие злободневные проблемы, связанные с развитием инфраструктуры...» [1]. В.В. Путин также обратил внимание на важность выстраивания эффективной политики развития сельских территорий.

В силу разноплановости функций, которые выполняет сельское население в любой стране, отношение к нему должно быть подчинено

не рыночной стихии, а государственному регулированию, что нашло отражение в трёх федеральных программах: «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы» [4], «Развитие агропромышленного комплекса» [3] в рамках приоритетного национального проекта и «Социальное развитие села до 2012 года» [6]. Однако стоит отметить, что каждая из Программ направлена на решение конкретных задач и нацелена на определенный объект, тем не менее в некоторых вопросах происходит дублирование и проблемы не решаются комплексно. Мы не будем детально останавливаться на каждом пункте Программ и рассмотрим лишь некоторые ключевые положения. Итак, несмотря на то, что в названии каждой программы реально отражена связь «действия – объект», в целях и задачах можно наблюдать либо повторение, либо очень узкую направленность в решении вопросов. Например, в мероприятиях двух программ – «Социальное развитие села до 2010 года» и «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы» – встречается один и тот же пункт – улучшение жилищных условий сельского населения, а в программах «Социальное развитие села до 2010 года» и «Развитие АПК» – обеспечение доступным жильем молодых семей и молодых специалистов на селе. Такие дублирующие меры, на наш взгляд, являются нецелесообразными, т.к., в первую очередь, приводят к нерациональному расходованию средств, выделяемых на эти мероприятия из федерального и региональных бюджетов.

Развитие крестьянско-фермерских (КФХ) и личных подсобных хозяйств (ЛПХ) обосновывается тем, что в них производится значительная доля овощей, мяса и молока. Действительно, на долю этих хозяйств приходится, по официальным данным, до 90% производства овощей, до 50% мяса и молока, но расчеты проводятся по стоимостным показателям. При этом не учитывается, что: 1) на зернобобовые культуры, производимые в коллективных хозяйствах, низок уровень закупочных цен; 2) ЛПХ до сих пор получают значительную помощь молодняком, кормами, техникой от коллективных хозяйств; с их разрушением падает доля семей, ведущих ЛПХ и объем производства; 3) в ЛПХ и огородничестве занято в десятки раз больше рабочей силы, чем в коллективных хозяйствах.

Например, в Тамбовской области ЛПХ ведут 296,5 тысячи семей и 3148 крестьянских (фермерских) хозяйства. При средней численности 2,3 человека в семье, даже если два человека заняты сельхозпроизводством,

это уже около 600 тыс. человек и 5730 человек в фермерстве. Всего же, по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года, в крупных, средних и малых сельскохозяйственных предприятиях области было занято 37 800 человек, т.е. в 16 раз меньше.

Социологи [7] и географы [2] обращают внимание на низкую ориентацию жителей села на предпринимательскую деятельность в свете весьма распространенного убеждения, что большинство крестьян способны и желают стать предпринимателями, фермерами или, в крайнем случае, выживут за счет ЛПХ. Далее приводится следующая статистика: выделяются три группы причин отказа от предпринимательства в той или иной форме, на которые ссылаются респонденты, – материальные, социально-психологические, демографические. К первым относится отсутствие первоначального капитала и возможности получения льготного кредита на создание собственного дела – 11,1%; большие налоги – 1,3%; недостаточное количество земли – 1,3%. Среди социально-психологических – боязнь риска, возможность «прогореть» – 5%; привычка работать в коллективе и нежелание менять образ жизни – 7,9%; осознание недостаточности образования – 2,1%; отсутствие в семье помощников и уверенности в том, что дети захотят продолжить дело – 2,6%. Демографические причины (возраст и слабое здоровье) указали 3,9%. Недостаток земли для создания фермерского хозяйства назвал один из ста респондентов. Отметим, что и в научной литературе, и в публицистике среди основных причин, по которым в России не развивается фермерство, называют земельные отношения.

Стоит добавить, что в рамках национального проекта на ЛПХ предусмотрены кредиты до 300 тысяч рублей, на фермерское хозяйство – до 3 млн. руб. Но этих сумм даже беспроцентного кредита недостаточно, чтобы превратить ЛПХ в товарные хозяйства, поскольку на эти средства невозможно создать материально-техническую базу, способную обеспечить эффективное производство.

Обеспечение доступным жильем молодых специалистов на селе не вызывает особых проблем. В селах и деревнях, за относительно небольшие деньги (от 70 до 200 тыс. рублей, в зависимости от близости районного или областного центра), можно приобрести вполне комфортабельное жилье (с газом, водопроводом). Проблема в другом: смогут ли молодой специалист и его семья трудоустроиться, будут ли они обеспечены детским садом, школой, другими социально-культурными учреждениями – думается, что не везде и не всегда.

Стоит отметить, что представленные программы относятся к федеральному уровню, но ведь существуют ещё и региональные, например только в одной Тамбовской области действуют пять областных и одна ведомственная целевая программа, напрямую связанные с сельскими территориями. Наиболее масштабная из них – «Социальное развитие села до 2012 года» (региональный вариант федеральной программы) направлена на ликвидацию сложившейся в области, по сути, бедственной ситуации. Так, по степени комплексной застройки и благоустройства сельских поселений около 33% сел и деревень имеют частичное благоустройство, почти 60% вообще не вовлечены в этот процесс. В третьем тысячелетии в стране, лидирующей по запасам и добыче природного газа, в ее центральной области уровень газификации в сельской местности составляет 45,8% (!), а 26% сельских поселений Тамбовщины не соединены дорогами с твердым покрытием, что не соответствует растущим потребностям сельскохозяйственных товаропроизводителей, сдерживает интеграционные процессы, тормозит формирование в аграрном секторе рыночной инфраструктуры и препятствует организации выездных форм социального обслуживания сельского населения, развитию торгового, бытового и других видов сервиса.

В плане упорядочения рассмотренных программ, с целью повышения их эффективности, включая экономию денежных средств, минимизацию бюрократических воздействий, а также централизации координирующих функций необходимо, на наш взгляд, создание единой комплексной программы развития селитебных территорий в рамках региональной руральной политики, включая сельские поселения, охватывающей все аспекты сельской жизни. Отчасти эту проблему может решить существующая «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации [5]. Целью Концепции устойчивого развития сельских территорий является определение ключевых проблем развития сельских территорий и мер социально-экономического, правового и административно-управленческого характера, направленных на их решение и выход села на качественно новый уровень развития, обеспечивающий комплексное сбалансированное решение экономических, социальных и экологических задач при сохранении природно-ресурсного и историко-культурного потенциала сельской местности для нынешнего и будущих поколений людей.

Создание и реализация комплексной программы должны опираться на системно-структурный подход, учитывающий взаимосвязанное соче-

тание хозяйственного, технического, поселенческого, ландшафтного и социального элементов.

Таким образом, можно констатировать, что современный потенциал сельских поселений характеризуется весьма сложной структурой, его развитие предполагает эффективное и разностороннее использование целого ряда его уникальных сторон. Это, прежде всего, потенциал производственных структур, среди которых основной удельный вес приходится на агропромышленные, а внутри них — на сельскохозяйственные подразделения. Потенциал сельской социальной инфраструктуры также обладает рядом особенностей, обогащающих совокупный потенциал общества, основанных на использовании фактора живой природы, относительной рассредоточенности населения. То же самое относится и к сельскому селитебному потенциалу. Наконец, природоресурсные возможности сельских поселений являются главным источником поддержания экологического равновесия. Поэтому значение сельского потенциала в целом и его отдельных структурно-функциональных форм следует оценивать исходя не только из объемных показателей, но и с учетом роли и функции каждого элемента потенциала в обществе.

Источники

1. Вступительное слово В.В. Путина на рабочем совещании по вопросам устойчивого и комплексного развития сельских территорий 5 февраля 2004 года, Чувашия, село Шемурша // Сайт Владимира Путина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.putin2004.ru/putin/press/4023D05F> (дата обращения: 28.03.2005).
2. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. 408 с.
3. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis_2010/perepis_itogi.htm (дата обращения: 30.03.2011).
4. Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы // Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mcsx.ru/navigation/docfeeder/show/145.htm> (дата обращения: 20.06.2010).
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации №1662-р от 17.11.2008 г. «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicplanning/concept/doc1248450453794> (дата обращения: 16.10.2010).
6. Социальное развитие села до 2012 года // Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mcsx.ru/documents/document/show/7952.172.htm> (дата обращения: 20.06.2010).
7. Широкалова Г.С., Зинякова М.В. Реалии российской деревни // Социологические исследования. 2006. №7. С. 70–78.

Д.И. Петросян,
Владимир

Социологические аспекты религиозной самоидентификации населения Владимирской области

Весной 2012 г. сотрудниками кафедры социально-гуманитарных дисциплин ВФ РАНХиГС было проведено исследование социального самочувствия и ценностных ориентаций жителей Владимирской области. Всего методом анкетирования по репрезентативной выборке были опрошены 1000 респондентов как в областном центре, так и в различных районах области¹.

В данной статье мы остановимся на различных аспектах религиозной самоидентификации жителей области.

Как видно из таблицы 1, респондентов, считающих себя верующими (40%), почти в десять раз больше, чем неверующих (2,9%) и атеистов (2,5%). Сомневающиеся в своей религиозности составили половину ответивших на вопрос (50%). При этом подавляющее большинство сомневающихся скорее склоняется к вере, чем нет (41% в среднем по выборке «скорее верующих» против 9% «скорее неверующих»). Отметим, что год назад «верующих» было меньше – 29%. Увеличение их числа произошло за счет «сомневающихся», суммарная доля которых составляла 60%. «Неверующие» и атеисты и тогда были в явном меньшинстве.

Таблица 1. Уровень религиозности населения области (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2011	2012	Пол		Возраст				
			Муж.	Жен.	18-24 лет	25-34 лет	35-44 лет	45-54 лет	55 лет и старше
Верующий человек	29,0	40,1	33,0	45,8	43,0	40,4	33,5	30,4	48,8
Скорее верующий, чем неверующий	45,1	40,8	43,1	38,9	39,3	42,2	50,8	50,0	27,0
Скорее неверующий, чем верующий	15,4	9,2	11,0	7,7	7,2	10,1	8,1	10,1	12,3
Неверующий	6,7	2,9	4,3	1,8	3,1	1,8	2,2	1,8	4,7
Атеист	3,8	2,6	3,6	1,8	2,5	2,8	2,2	1,8	3,8
Отказ от ответа	-	4,4	4,9	4,0	5,0	2,8	3,2	6,0	3,3

¹ Исследование проводилось в рамках выполнения гранта РГНФ №12-13--33004 «Социокультурный портрет региона».

Как и следовало ожидать, женщины проявляют большую религиозность, чем мужчины.

Интересна взаимосвязь религиозной самоидентификации с возрастом. Чаще других верующими себя называют самые молодые (18–24 лет) и самые пожилые респонденты (старше 55 лет). В возрастной группе от 25 до 54 лет доля верующих последовательно уменьшается (с 43 до 30%). Правда, происходит это не за счет увеличения числа неверующих или атеистов, а за счет роста удельного веса сомневающихся, склоняющихся к вере (с 39 до 50%). Таким образом, суммарная доля «верующих» и «скорее верующих» жителей области во всех возрастных группах от 18 до 54 лет составила от 80 до 84%. А вот среди респондентов старше 54 лет эта доля не превысила 76%. При этом определенно верующими представители этой возрастной группы называют себя чаще всех остальных (49%). Однако здесь же обнаруживается наибольшая доля «неверующих» (5%) и «атеистов» (4%). Очевидно, что к пенсионному возрасту уровень религиозности становится более определенным и устойчивым, что и приводит к снижению доли «сомневающихся».

Данные, приведенные в таблице 2, показывают, что число «верующих» заметно снижается по мере роста уровня образования респондентов: с 53% среди малообразованных до 33% среди имеющих высшее образование. В то же время по мере роста уровня образования, увеличивается доля «скорее верующих» (с 27 до 45%). Учитывая, что удельный вес «неверующих» и атеистов остается минимальным, можно сказать, что уровень образования принципиально не влияет на уровень религиозности, хотя среди высокообразованных жителей области он все же несколько ниже.

Таблица 2. **Уровень религиозности населения области в зависимости от уровня образования** (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	В среднем по выборке	Неполное среднее	Среднее	Среднее специальное	Незаконченное высшее	Высшее
Верующий человек	40,1	52,9	45,1	40,3	40,6	33,0
Скорее верующий, чем неверующий	40,8	27,5	39,2	43,2	40,6	44,6
Скорее неверующий, чем верующий	9,2	13,7	8,5	9,1	6,9	10,3
Неверующий	2,9	2,0	1,3	1,8	5,0	2,7
Атеист	2,6	2,0	3,3	2,4	2,5	3,6
Отказ от ответа	4,4	0,2	2,6	3,2	4,4	5,8

Отвечая на вопрос о том, верования какой религии они разделяют, практически все участники опроса – 94% – идентифицировали себя как «православные». Причем православными себя назвали не только верующие и сомневающиеся, но и 59% «неверующих» и «атеистов». Очевидно, что православие в данном случае выступает признаком не столько религиозной, сколько социокультурной общности.

Большой интерес представляет анализ степени влияния уровня религиозности на отдельные ценностные ориентации жителей области, а также на различные аспекты их социального самочувствия.

В ходе опроса жителям области было предложено оценить по пятибалльной шкале свое согласие или несогласие с рядом высказываний, отражающих ориентацию на те или иные ценности:

- «Главное в жизни – забота о своем здоровье и благополучии» – благополучие;
- «Бывают обстоятельства, когда человек сам, по своей воле, может посягнуть на жизнь другого человека» – своевольность;
- «Свобода человека – это то, без чего его жизнь теряет смысл» – свобода;
- «Только содержательная, интересная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею как основным делом жизни» – интересная работа;
- «Личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами» – порядок и безопасность;
- «В жизни главное внимание нужно уделять тому, чтобы установить хорошие семейные отношения» – семья;
- «Я стал таким, какой я есть, главным образом благодаря собственным усилиям» – самостоятельность;
- «Человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других» – властность;
- «Нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится отрывать что-то от себя» – жертвенность;
- «Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве» – инициативность;
- «Самое ценное на свете – это человеческая жизнь и никто не вправе лишать человека жизни ни при каких обстоятельствах» – жизнь человека;
- «Главное – это уважение к сложившимся обычаям, традициям» – традиции.

Оценка «1» означала полное несогласие с высказыванием, оценка «5» – полное согласие. Средние баллы каждой из ценностей приведены в таблице 3.

Таблица 3. Ориентация жителей Владимирской области на различные ценности в зависимости от религиозной самоидентификации (оценка по пятибалльной шкале)

Вариант ответа	В среднем по выборке	Верующие,	Скорее верующие	Скорее неверующие	Неверующие, атеисты
Жизнь человека	4,63	4,63	4,73	4,32	4,58
Порядок и безопасность	4,53	4,48	4,53	4,32	4,58
Семья	4,43	4,46	4,37	4,26	4,11
Самостоятельность	4,22	4,25	4,21	4,27	4,13
Благополучие	4,16	4,19	4,18	4,05	4,13
Свобода	4,13	4,18	4,15	3,88	4,29
Традиции	4,05	4,14	4,09	3,46	3,73
Интересная работа	3,97	3,82	4,14	3,72	4,24
Жертвенность	3,89	4,09	3,91	3,24	3,53
Инициативность	3,74	3,85	3,71	3,41	3,82
Своевольность	2,49	2,51	2,38	2,90	2,18
Властность	2,40	2,45	2,26	2,45	2,64

Вполне предсказуемо наибольшую ценность для жителей области составляют жизнь человека (4,63), общественный порядок и безопасность (4,53), а также семья (4,43).

Наименее востребованными выглядят власть (2,3) и своевольность (2,5).

Достаточно высокие баллы получили такие важные в современном обществе ценности, как самостоятельность (4,22) и свобода (4,13). Относительно высоко ценится и следование традициям (4,05).

Отметим, что между «верующими» и «неверующими» есть ряд важных отличий в общей иерархии ценностей. Если у первых ценности расположились в том же порядке значимости, что и в среднем по выборке, то у вторых есть ряд значимых отличий.

У «неверующих» ценность человеческой жизни разделила первое место с ценностью безопасности и порядка (по 4,58 балла). Семейные ценности оказались у «неверующих» на седьмой позиции вместо третьей во всех других группах (4,11). Более важными, чем ценность семьи, для них оказались свобода (4,29), интересная работа (4,27), а также самостоятельность и благополучие (по 4,13 балла). Следует обратить внимание на то, что респонденты, считающие себя неверующими или

атеистами, оценили значимость таких ценностей, как порядок, свобода, интересная работа и властность, более высоко, чем «верующие» и «сомневающиеся».

«Верующие», как и следовало ожидать, выше других респондентов оценивают такие ценности, как семья (4,46), традиции (4,14) и жертвенность (4,09). Не чужды «верующим» и ценности благополучия (4,19) и инициативности (3,85), которые также получили от них самые высокие оценки в сравнении с «неверующими» и «сомневающимися».

Тем не менее, очевидно, что «верующие» в большей степени ориентированы на традиционные ценности коллективистского характера, а «неверующие» придают большее значение индивидуалистическим ценностям.

Задавался респондентам и вопрос о том, насколько важным для них представляется строгое соблюдение определенных прав и свобод (табл. 4).

Первую пятерку наиболее важных для соблюдения прав и свобод составили:

- право на личную собственность (индекс значимости² составил плюс 0,81)
- право на образование и обучение (0,81);
- право на труд (0,80);
- равенство перед законом (0,78);
- право на безопасность и защиту личности (0,77).

Наименее востребованными оказались право на эмиграцию (0,39) и свобода создания объединений групп, союзов (0,20).

Обратим внимание на то, что свобода совести оказалась на третьем месте с конца списка и также не может относиться к числу более или менее значимых прав и свобод.

Естественно, что именно «верующие» респонденты чаще других подчеркивают важность соблюдения свободы совести (0,61). Интересно, однако, что и все другие права и свободы являются для «верующих» более важными, чем для «неверующих» и атеистов (исключение составляют только право народа на собственный язык и культуру и свобода создания объединений и союзов).

² Индекс рассчитан по формуле: $I = (a + 0,5b) - (0,5c + d) : e$, где а – количество выбравших вариант «очень важно», b – «пожалуй, важно», с – «пожалуй, не важно», d – «совсем не важно», e – общее количество ответивших на вопрос. То., плюс 1 – наибольшая значимость, минус 1 – наименьшая значимость.

Таблица 4. Важность отдельных прав и свобод для жителей области в зависимости от религиозной самоидентификации (индекс)

	В среднем по выборке	Верующие,	Скорее верующие	Скорее неверующие	Неверующие, атеисты
Право на личную собственность	0,81	0,80	0,86	0,82	0,74
Право на образование и обучение	0,81	0,82	0,85	0,79	0,77
Право на труд	0,80	0,80	0,83	0,77	0,75
Равенство перед законом	0,78	0,77	0,82	0,73	0,73
Право на безопасность и защиту личности	0,77	0,78	0,81	0,67	0,69
Право на тайну личной переписки и телефонных разговоров	0,68	0,68	0,78	0,63	0,65
Свобода слова	0,65	0,71	0,65	0,61	0,49
Право народа на собственный язык и культуру	0,63	0,61	0,64	0,51	0,65
Свобода совести	0,51	0,62	0,50	0,28	0,33
Право на эмиграцию	0,39	0,43	0,39	0,35	0,36
Свобода создания объединений групп, союзов	0,20	0,25	0,16	0,16	0,31

Особенно ярко это проявляется в случае со свободой слова (0,71 против 0,49 у «неверующих»). Получается, что считающие себя верующими жители области более чувствительны к возможному нарушению прав и свобод, чем неверующие и атеисты.

Одним из важных результатов исследования оказался довольно высокий уровень потенциальной готовности жителей области к участию в акциях протеста в случае нарушения прав и свобод человека или ухудшения уровня жизни (табл. 5). Уверенную готовность к протестной активности высказал каждый пятый респондент, а еще каждый четвертый отметил, что, пожалуй, готов к этому (в сумме – 44%). Тех, кто не готов к участию в протестных акциях, оказалось заметно меньше (в сумме 23%), поэтому индекс потенциальной протестной активности – положительный (плюс 0,6).

В контексте настоящей статьи нас интересует прежде всего то, что среди респондентов, называющих себя неверующими и атеистами, чаще встречаются выражающие готовность к участию в протестных акциях (в сумме 48%). Они характеризуются наиболее высоким индексом потенциальной протестной активности (0,12).

А вот назвавшие себя «верующими» проявляют гораздо меньший потенциал активного протеста (0,04).

Таблица 5. **Готовность жителей области участвовать в акциях протеста из-за снижения уровня жизни, нарушения прав и свобод человека** (в % от числа опрошенных, индекс)

	В среднем по выборке	Верующие	Скорее верующие	Скорее неверующие	Неверующие, атеисты
Готов	21,0	20,4	21,3	17,4	27,6
Пожалуй готов	24,4	24,4	27,7	22,8	20,7
Пожалуй не готов	12,4	9,0	15,7	17,4	6,9
Не готов	20,9	24,4	18,1	21,7	17,2
Затрудняюсь ответить	21,3	21,7	17,2	20,6	27,5
Индекс	0,06	0,04	0,09	-0,02	0,12

Но наиболее показательным, что отношение к вере заметно влияет на социальное самочувствие респондентов.

В ходе данного исследования уровень социального самочувствия замерялся по следующим параметрам:

- степень защищенности от 10 социальных опасностей;
- уровень удовлетворенности жизнью;
- уровень социального оптимизма, складывающийся, в свою очередь, из сравнения уровня жизни с прошлым годом, из ожиданий на ближайший год, из уверенности в своем будущем.

Как видно из таблицы 6, общий индекс социального самочувствия составил 0,64 балла. Такой уровень социального самочувствия можно считать вполне приемлемым, если исходить из предположения, что минимально достаточным для устойчивости сообщества можно считать значения Исс в диапазоне от 0,51 и выше, а недостаточным – от 0,5 и ниже.

Таблица 6. **Индекс социального самочувствия населения**

Компоненты самочувствия, индексы	Владимирская область, 2012 г.
Защищенность от опасностей (Кз)	0,61
Удовлетворенность жизнью в целом (Куж)	0,67
Социальный оптимизм (Ко)	0,64
Индекс социального самочувствия (Исс)	0,64

Как видно из таблицы 7, наиболее защищенными жители Владимирской области чувствуют себя от ущемления из-за национальности (66,7%) и от притеснений за религиозные убеждения (64,5%). Это не удивительно, поскольку население области в целом является моноконфессиональным и мононациональным («православные» составили в выборке 94%, русские – 97%).

Еще в трех случаях доля защищенных превышает долю незащищенных:

- от притеснения из-за пола или возраста (49% против 19%);
- от преследования за политические убеждения (41% против 17%);
- от одиночества и заброшенности (40% против 31%).

Стоит обратить внимание на то, что в случае с одиночеством доля незащищенных уже достаточно велика и составляет почти треть опрошенных.

От всех остальных опасностей жители области чаще чувствуют себя не защищенными. В особенности это касается таких угроз, как бедность и преступность, защиты от которых не видят более половины респондентов (соответственно 55 и 52%).

Не многим лучше обстоит дело и с защитой от произвола чиновников, которой не чувствуют почти половина жителей области (48%).

Отсутствие защиты от произвола со стороны правоохранительных органов также пугает довольно заметную долю респондентов – 40%.

Не удивительно, что в целом коэффициент защищенности от опасностей (Кз) оказался самым низким, хотя и находится в приемлемой зоне (0,61).

Таблица 7. Жители Владимирской области о своей защищенности от опасностей
(% от числа опрошенных)

Опасность	Владимирская обл., 2011 г.			РФ, 2006 г.	
	Защищен, пожалуй, защищен	Трудно сказать	Пожалуй, не защищен, совсем не защищен	Защищен, пожалуй, защищен	Пожалуй, не защищен, совсем не защищен
Ущемления из-за национальности	66,7	25,6	7,7	69,0	13,0
Притеснения за религиозные убеждения	64,5	28,5	7,0	65,0	10,0
Притеснения из-за пола или возраста	49,5	31,7	18,8	51,0	26,0
Преследования за политические убеждения	40,9	41,9	17,2	45,0	17,0
Одиночество и заброшенность	39,9	29,2	30,9	32,0	44,0
Экологическая угроза	25,8	33,3	40,9	15,0	62,0
Произвол правоохранительных органов	21,8	38,5	39,7	16,0	52,0
Бедность	19,1	25,8	55,1	15,0	68,0
Преступность	18,1	29,2	52,7	9,0	71,0
Произвол чиновников	15,9	36,1	48,0	16,0	59,0

Анализируя уровень удовлетворенности жизнью, следует отметить, что доля в той или иной мере удовлетворенных почти вдвое превышает долю неудовлетворенных (табл. 8).

Мужчины удовлетворены жизнью немного больше, чем женщины. Но особенно показательны возрастные различия. По сути дела, относительно высоким коэффициентом удовлетворенности характеризуется лишь молодежь (0,70–0,73), респонденты среднего и старшего возраста удовлетворены жизнью заметно реже.

То же самое можно сказать и об уровне социального оптимизма, выраженного в уверенности или неуверенности респондентов в своем будущем (табл. 9). В той или иной степени уверенных несколько больше, чем неуверенных. В то же время уверенность в своем будущем больше присуща мужчинам и молодежи.

Таблица 8. **Насколько жители Владимирской области удовлетворены своей жизнью в зависимости от пола и возраста** (в % от числа опрошенных)

	Всего	Муж.	Жен.	18-24 лет	25-34 лет	35-44 лет	45-54 лет	55 и более лет
Полностью удовлетворены	12,3	14,2	10,8	18,1	16,5	6,5	8,9	9,5
Скорее удовлетворены	41,4	39,1	43,2	45,2	44,0	43,2	33,9	37,4
Затрудняется сказать точно	18,6	20,9	16,8	20,6	16,5	16,8	13,7	22,3
Не очень удовлетворены	23,1	20,7	25,0	12,5	18,3	28,6	38,1	25,6
Совсем не удовлетворены	3,5	3,8	3,2	3,1	2,8	4,3	5,4	2,4
Отказ от ответа	1,1	1,3	0,9	0,6	1,8	0,5	0,0	2,8
Куж	0,67	0,68	0,66	0,73	0,70	0,67	0,60	0,65

Таблица 9. **Насколько жители области уверены в своем ближайшем будущем** (в % от числа опрошенных)

	Всего	Муж	Жен	18-24 лет	25-34 лет	35-44 лет	45-54 лет	55 и более лет
Вполне уверены	12,5	13,9	11,4	15,3	11,9	8,1	10,1	13,7
Скорее уверен, чем нет	25,7	26,7	24,9	32,7	27,5	22,7	22,6	19,0
Не могу сказать точно	36,2	38,4	34,4	37,1	36,7	36,2	33,9	36,5
Скорее не уверен, чем уверен	17,3	13,7	20,2	9,0	17,4	23,2	24,4	19,4
Совершенно не уверен	7,0	5,6	8,1	5,0	5,5	8,1	8,9	8,5
Отказ от ответа	1,3	1,6	1,1	0,9	0,9	1,6	0,0	2,8
Ко	0,64	0,66	0,62	0,75	0,70	0,60	0,60	0,62

Но самое интересное, что респонденты, считающие себя верующими, характеризуются наиболее высокими коэффициентами и удовлетворенности жизнью (0,7) и уверенности в будущем (0,66), в то время как неверующие и атеисты демонстрируют наименее высокий уровень удовлетворенности (0,63) и уверенности (0,59; табл. 10, 11).

Таким образом, считающие себя верующими демонстрируют более высокую степень адаптивности к современной социально-экономической ситуации.

Таблица 10. **Удовлетворенность жизнью в зависимости от религиозной самоидентификации** (в % от числа опрошенных)

	В среднем по выборке	Верующие	Скорее верующие	Скорее неверующие	Неверующие, атеисты
Полностью удовлетворены	12,3	16,0	9,1	9,8	10,9
Скорее удовлетворены	41,4	41,1	43,1	44,6	32,7
Затрудняетесь сказать точно	18,6	18,7	17,6	17,4	21,8
Не очень удовлетворены	23,1	19,0	26,0	27,2	23,6
Совсем не удовлетворены	3,5	3,5	3,7	1,1	7,3
Отказ от ответа	1,1	1,7	0,5	0,0	3,6
Куж	0,67	0,70	0,69	0,67	0,63

Таблица 11. **Уверенность в ближайшем будущем в зависимости от религиозной самоидентификации** (в % от числа опрошенных)

	В среднем по выборке	Верующие	Скорее верующие	Скорее неверующие	Неверующие, атеисты
Вполне уверены	12,5	16,0	10,5	8,7	10,9
Скорее уверен, чем нет	25,7	26,2	27,5	23,9	20,0
Не могу сказать точно	36,2	35,9	33,8	42,4	32,7
Скорее не уверен, чем уверен	17,3	13,0	21,1	20,7	20,0
Совершенно не уверен	7,0	7,5	6,1	4,3	12,7
Отказ от ответа	1,3	1,5	1,0	0,0	3,6
Ко	0,64	0,66	0,63	0,62	0,59

Итак, религиозная самоидентификация явно взаимосвязана со многими ценностными и социально-психологическими характеристиками населения Владимирской области.

Считающие себя «верующими» в большей степени ориентированы на традиционные ценности коллективистского характера, а «неверующие» придают большее значение индивидуалистическим ценностям.

«Верующие» жители области более чувствительны к возможному нарушению прав и свобод, чем «неверующие» и атеисты.

Среди респондентов, называющих себя неверующими и атеистами, чаще встречаются выражающие готовность к участию в протестных акциях, в то время как назвавшие себя «верующими» проявляют гораздо меньший потенциал активного протеста.

Считающие себя «верующими» демонстрируют наиболее высокий уровень удовлетворенности жизнью и уверенности в ближайшем будущем.

Таким образом, позитивное соотнесения себя с верой способствует в целом повышению уровня социального самочувствия.

Е.А. Плеханов,
Владимир

Структура ценностей населения Владимирской области*

При определении стратегических целей и возможностей региональной модернизации важно учитывать не только объективные факторы — производственно-технический потенциал, природные, экономические и трудовые ресурсы территории, состояние ее инфраструктуры, но и собственно социокультурные условия, от которых зависит отношение людей к инициативам, исходящим от органов власти всех уровней. Социальное самочувствие и ценностные ориентиры населения, с одной стороны, отражают общую социокультурную ситуацию, сложившуюся в стране и регионе, а с другой — в существенной мере влияют на массовые поведенческие практики, поскольку реакция на социальные факторы определяется не столько самими этими факторами, сколько их субъективным восприятием людьми.

Осуществлявшийся с 1990 года ЦИСИ Института философии РАН мониторинг трансформаций, происходивших в постсоветский период в российском обществе, помог выявить устойчивые тенденции в динамике ценностного сознания россиян, констатировать не только негативные результаты, но и позитивные изменения, отвечающие потребностям современного модернизирующегося социума. Сегодня, как отмечает Н.И. Лапин, необходимо приступить к решению более конкретных задач изучения общероссийских и региональных ценностей: выявлению и сопоставлению *ценностных позиций* — элементарных и обобщенных; их *субъектов* — гендерных и возрастных групп, социально-профессиональных и социокультурных групп; *взаимосвязей* между ценностями, ценностными позициями и поведением соответствующих субъектов [1].

Социологическое обследование, проведенное в 2012 году по методике ЦИСИ «Социокультурный портрет региона» на территории Владимирской области, позволило выявить структуру ценностных предпочтений

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-13-33004 «Социокультурный портрет Владимирской области».

населения, обнаружить как общие, присущие подавляющему большинству россиян характеристики ценностного сознания, так и особенные его параметры, связанные с положением региона на социокультурной карте страны. Для сравнения с общероссийскими показателями взяты данные 2010 года, что вполне допустимо, если учитывать незначительность временного лага. Региональная специфика подтверждается близостью результатов, полученных для двух различных в территориально-административном, но сходных в социально-экономическом и этнокультурном отношении областей – Владимирской и Вологодской [2].

Таблица 1. **Функциональная структура ценностей населения Владимирской области**

Владимирская область, 2012		Вологодская область, 2010		Российская Федерация, 2010	
Баллы	Ценности	Баллы	Ценности	Баллы	Ценности
<i>Интегрирующее ядро (свыше 4,6)</i>					
4,63	1. Жизнь человека	4,64	1. Жизнь человека	4,80	1. Жизнь человека
				4,80	2. Семья
				4,73	3. Общительность
				4,72	4. Порядок
<i>Интегрирующий резерв (3,91–4,6)</i>					
4,5	2. Порядок	4,53	2. Семья	4,59	5. Благополучие
4,49	3. Семья	4,49	3. Порядок	4,47	6. Независимость
4,43	4. Общительность	4,48	4. Общительность	4,44	7. Свобода
4,24	5. Независимость	4,38	5. Благополучие	4,40	8. Традиция
4,22	6. Благополучие	4,29	6. Независимость	4,29	9. Работа
4,16	7. Свобода	4,19	7. Традиция		
4,12	8. Работа	4,11	8. Работа		
4,05	9. Традиция	4,08	9. Свобода		
<i>Оппонирующий дифференциал (2,81–3,9)</i>					
3,89	10. Инициативность	3,80	10. Нравственность	4,13	10. Инициативность
3,74	11. Нравственность	3,74	11. Инициативность	4,10	11. Нравственность
3,37	12. Жертвенность	3,66	12. Жертвенность	4,07	12. Жертвенность
<i>Конфликтотенная периферия (2,8 и меньше)</i>					
2,48	13. Своевольность	2,49	13. Властность	2,76	13. Властность
2,22	14. Властность	2,42	14. Своевольность	2,49	14. Своевольность
<i>Плотность ценностного пространства</i>					
2,41		2,22		2,31	
<i>Средняя поддержка ценностных суждений</i>					
3,90		3,95		4,20	

Из таблицы 1 следует, что, как и жители других регионов, безусловный приоритет владимирцы отдают человеческой жизни: 69,5% респондентов считают ее ценность абсолютной. Такое отношение к жизни свидетельствует о серьезном сдвиге в сознании постсоветского социума, выра-

жившемся в переориентации людей с официально санкционированных общественных потребностей и интересов на неформальные, экзистенциально-личностные.

Чрезвычайно высокий статус ценности жизни коррелятивно связан с высокой оценкой семьи и порядка и низкой привлекательностью своеволия и властности. Значимость семьи нельзя объяснить только приверженностью традиции. Сегодня она является одним из наиболее выразительных символов социального благополучия и индивидуальной состоятельности.

Вместе с тем выдвижение жизни на авансцену ценностей говорит не только о доминировании в массовом сознании индивидуалистических установок, но и о чувстве тревоги и неуверенности, вызванном низким уровнем защищенности людей от социальных, техногенных и природных угроз, неэффективностью социальных институтов, призванных обеспечивать личную безопасность граждан. Поэтому для населения во Владимирской области, так же как и в других регионах, наименее привлекательными являются своевольность и властность, которые ассоциируются с личностными чертами прежде всего представителей «высшего класса» (политиков, бизнесменов, общественных деятелей, представителей государственных и региональных органов власти) и в сознании наших соотечественников являются причиной коррупции, беззакония, посягательств на свободы и права. Что касается самих институтов государства, то к ним, несмотря на негативный информационный фон, сохраняется высокий уровень доверия. 75,7% опрошенных считают, что личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами. Отсюда повышенное значение, придаваемое порядку, под которым подразумевается состояние защищенности, законности, стабильности, обеспечения государством каждому члену общества права на достойную жизнь.

В целом градация ценностей, присущая жителям региона, мало чем отличается от структуры ценностного сознания среднестатистического россиянина, а также представителей Вологодской области. Безусловными лидерами на шкале ценностей являются жизнь человека, порядок и семья, аутсайдеры, образующие конфликтогенную периферию, – своевольность и властность. Полностью совпадает триада (инициативность, нравственность, жертвенность), составляющая оппозирующий дифференциал.

Существенные особенности региональных показателей обнаруживаются не в ранжировании базовых ценностей, а в их количественных оценках, которые заметно уступают общефедеральным. Средняя поддержка ценностных суждений во Владимирской области составляет 3,9 балла, что несколько ниже, чем в Вологодской области, и заметно ниже (на 0,3 балла), чем в целом по стране. Это говорит о том, что в поведении людей, живущих в данных регионах, осознанные ценности и мотивы играют меньшую роль, чем в жизни среднестатистического россиянина. О невысоком уровне морально-этической солидарности владимирцев и вологжан свидетельствует то, что интегрирующее ядро представлено всего одной ценностью; другие базовые ценности, в силу их невысоких значений, переместились на уровень интегрирующего резерва.

Показатели, характеризующие плотность ценностного пространства, во Владимирском крае оказались выше федеральных. Дистанция между минимально и максимально поддерживаемыми ценностями указывает не только на степень осознанности в расстановке людьми жизненных приоритетов, но и на степень дифференциации аксиологических предпочтений между членами социума. Население региона демонстрирует большую поляризацию ценностных позиций, чем в среднем по России, что обусловлено прежде всего весьма негативным восприятием владимирцами такой ценности, как властность. На этом фоне естественными выглядят высокие баллы, полученные такими важными в современном обществе ценностями, как общительность (4,43), независимость (4,24) и свобода (4,16). Большое значение жители области придают также интересной и содержательной работе (4,12 балла).

Показательно, что семейные ценности и забота о детях одинаково важны и для мужчин, и для женщин. Между тем следует отметить ряд важных гендерных отличий.

Для женщин ценности имеют большее значение, чем для мужчин. Все ценности, за исключением независимости и властности, получили у них большую поддержку. Как ни странно, но наиболее высокие баллы женская часть респондентов выставила ценности человеческой жизни (4,70), а также порядку (4,56), а отнюдь не ценностям семьи (табл. 2). По мнению мужчин, ценности жизни, безопасности и порядка, наоборот, явно не относятся к числу приоритетных. Более важными, чем для женщин, для мужчин оказались независимость и властность. Женщины, в отличие от мужчин, более высоко оценивают благополучие, свободу и приверженность традициям.

Таблица 2. Ценностные предпочтения населения Владимирской области в зависимости от пола

	В среднем	Мужчины	Женщины
<i>Интегрирующее ядро (свыше 4,6)</i>			
Жизнь человека	4,63	4,56	4,70
<i>Интегрирующий резерв (3,91–4,6)</i>			
Порядок	4,5	4,44	4,56
Семья	4,49	4,45	4,52
Независимость	4,24	4,26	4,22
Благополучие	4,22	4,12	4,32
Свобода	4,16	4,10	4,22
Работа	4,12	3,99	4,25
Традиция	4,05	3,98	4,12
<i>Оппонирующий дифференциал (2,81–3,9)</i>			
Инициативность	3,89	3,86	3,92
Нравственность	3,74	3,69	3,78
<i>Конфликтогенная периферия (2,8 и меньше)</i>			
Своевольность	2,48	2,46	2,50
Властность	2,22	2,25	2,19

Безусловно, заметны возрастные отличия. С возрастом усиливается ориентация на семейные ценности, на заботу о детях и на жертвенность. Интересно, что самостоятельность в жизненных достижениях респондентами старше 50 лет также оценивается наиболее высоко (табл. 3).

Таблица 3. Ценностные предпочтения населения в зависимости от возраста

	В среднем	18-24 лет	25-34 лет	35-44 лет	45-54 лет	55 и более лет
<i>Интегрирующее ядро (свыше 4,6)</i>						
Жизнь человека	4,63	4,65	4,41	4,66	4,64	4,68
<i>Интегрирующий резерв (3,91–4,6)</i>						
Порядок	4,5	4,49	4,41	4,56	4,50	4,54
Семья	4,49	4,45	4,41	4,68	4,46	4,45
Независимость	4,24	4,15	4,25	4,33	4,24	4,24
Благополучие	4,22	4,39	4,13	4,41	3,80	4,39
Свобода	4,16	4,21	4,03	4,20	4,19	4,17
Работа	4,12	4,14	4,02	4,24	4,18	4,02
Традиция	4,05	3,89	3,80	4,13	3,97	4,32
<i>Оппонирующий дифференциал (2,81–3,9)</i>						
Инициативность	3,89	3,68	3,58	4,09	3,96	4,15
Нравственность	3,74	4,02	3,53	3,83	3,60	3,73
<i>Конфликтогенная периферия (2,8 и меньше)</i>						
Своевольность	2,48	2,71	2,61	2,47	2,45	2,15
Властность	2,22	2,40	2,59	1,72	2,02	2,33

Порядок и безопасность в большей степени востребованы в возрастной группе от 31 до 50 лет. То же самое можно сказать и о ценности традиций. Молодежь в целом мало отличается от респондентов среднего возраста. Обе возрастные группы выставили примерно равные оценки таким ценностям, как человеческая жизнь, свобода, интересная работа и благополучие. А вот для старшего поколения эти ценности оказались менее значимыми.

Результаты исследования вновь подтвердили неоднократно высказываемое мнение о том, что ценностные ориентации в целом мало зависят от уровня образования, поскольку закладываются прежде всего в семье, на ранних этапах социализации и формирования мировоззрения. Полученные данные свидетельствуют об отсутствии радикальных отличий в согласии или несогласии с теми или иными ценностными высказываниями между респондентами со средним, средним специальным или высшим образованием. Отдельные отличия в оценках сводятся, по сути дела, к тому, что жители области с образованием не выше среднего чаще других соглашаются с важностью семейных ценностей и придают большее значение достижению благополучия, как главной цели в жизни. Респонденты со средним специальным образованием выделяются более слабой ориентацией как на свободу, так и на поддержание безопасности и порядка. Они реже других соглашаются с важностью интересной и содержательной работы, зато более высоко оценивают своевольность. Респонденты же, имеющие высшее образование, вообще мало отличаются от своих менее образованных земляков.

Таким образом, разный уровень образования отнюдь не приводит к ориентации на какой-то конкретный набор ценностей. Мы не можем сказать, что высокообразованные жители области ориентированы на свободу, самостоятельность, инициативность, а менее образованные – нет, или наоборот.

Важной характеристикой массового сознания является ориентация людей на те или иные типы ценностей. Как свидетельствуют результаты всероссийского мониторинга, под влиянием социально-экономических и политических процессов последних двух десятилетий в российском обществе сложилось противоречивое сочетание различных в культурном отношении ценностей [1]. Ценности можно классифицировать по трем основаниям: 1) в зависимости от функций, выполняемых в структуре деятельности, ценности разделяются на терминальные (ценности-цели)

и инструментальные (ценности-средства); 2) по принадлежности к типу культуры выделяются традиционные, общечеловеческие и современные ценности; 3) виды потребностей лежат в основе витальных, интеракционных, социализационных и смысложизненных ценностей. Такого рода аксиологическая шкала позволяет дать обобщенную характеристику ценностного сознания, увидеть направленность ментальных ориентаций, вскрыть противоречивость ценностных установок в повседневной практике людей.

Таблица 4. Сочетание культурных типов базовых ценностей населения Владимирской области в 2012 году

Культурные типы ценностей	Терминальные (ценности-цели; 4,31)	Инструментальные (ценности-средства; 3,48)
Традиционные (3,60)	Традиция – <i>см.</i> (4,05) Семья – <i>вит., см.</i> (4,49)	Жертвенность – <i>вит., см.</i> (3,37) Своевольность – <i>см.</i> (2,48)
Средние значения	4,27	2,92
Общечеловеческие (3,87)	Порядок – <i>инт.</i> (4,5) Благополучие – <i>вит.</i> (4,22) Работа – <i>вит., см.</i> (4,12)	Общительность – <i>инт.</i> (4,43) Нравственность – <i>инт., соц., см.</i> (3,74) Властность – <i>инт.</i> (2,22)
Средние значения	4,28	3,46
Современные (4,23)	Жизнь человека – <i>вит., см.</i> (4,63) Свобода – <i>инт., см.</i> (4,16)	Независимость – <i>соц.</i> (4,24) Инициативность – <i>соц.</i> (3,89)
Средние значения	4,40	4,07

Из таблицы 4 видно, что во Владимирской области современные ценности получили большую поддержку, чем общечеловеческие и традиционные, что, вероятно, обусловлено такими факторами, как значительная степень урбанизации региона, его близость к мегаполису, высокий уровень образования и культуры населения. При этом ценности-цели более значимы по сравнению со средствами. Среди терминальных ценностей, как и следовало ожидать, наиболее важными признаются жизнь человека и порядок, среди инструментальных – общительность и независимость. Однако среди высших терминальных ценностей традиционные и общечеловеческие преобладают над современными, тогда как влияние на респондентов современных прагматичных ценностей существенно выше влияния традиционных и общечеловеческих ценностей-средств. Важно отметить близость значений общечеловеческих целей-ценностей к традиционным и их значительный разрыв со значениями современных терминальных ценностей. Этот факт свидетельствует о том, что повседневным сознанием общечеловеческие ценности воспринимаются преимущественно в традиционном, а не современном, модернистском смысле.

Наибольшей поддержкой населения пользуются витальные ценности (4,17), что вполне объяснимо, т.к. они сопряжены с жизненно важными потребностями людей; второе место в рейтинге ценностей принадлежит социализирующим потребностям (3,96); третье – интеракционным, характеризующим предрасположенность к социальным контактам, и наименьшую потребность (3,3) владимирцы испытывают в смысловых ценностях, что является тревожным симптомом, отражающим общую ситуацию в постмодернистском обществе.

Таким образом, проведенный анализ подтвердил соответствие структуры важнейших ценностей жителей региона общероссийским данным. При этом результаты сравнительного исследования показали, что в нечерноземных областях страны отчетливо проявляется тенденция к эрозии морально-психологической общности населения, обнаруживающаяся в ослаблении социально-интегрирующей роли ценностей.

Источники

1. Лапин Н.И. Структура ценностей россиян: всероссийский мониторинг и портрет региона // Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 25–28 сентября 2007 г. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007.

2. В публикации использованы результаты, полученные учеными Института социально-экономического развития территорий РАН. См.: Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012.

Д.В. Прохоров,
Самара

Средний класс Самарской области: эмпирический анализ самоидентификационных признаков*

Среди подходов к исследованию российского среднего класса наблюдается широкий диапазон наборов критериев определения его качественного и количественного состава. В большинстве подходов наряду с прочими применяется критерий самоидентификации (см., например [1, 2, 5–10 и др.]). В то же время вопрос о значении и содержании данного критерия для анализа социостратификационных процессов в российском обществе, и прежде всего процесса формирования отечественного среднего класса, остается достаточно открытым.

В 2011–2012 гг. в рамках проекта «Социокультурный портрет Самарской области» было проведено, с участием автора, количественное исследование социальной стратификации населения региона (о результатах качественного исследования социальной идентичности и субъективных смыслов концепта «средний класс» в общественном российском сознании см. [4]).

Для определения принадлежности респондентов к среднему классу применялись следующие объективные критерии: 1) уровень материального благосостояния; 2) уровень образования: наличие, по меньшей мере, среднего специального образования. Респондентам был задан также блок вопросов, касающихся их социостратификационной самоидентификации, ее значимости и оснований для ее определения. В результате сопоставления объективных и субъективных критериев нами были выделены группы респондентов, объективно и/или субъективно относящихся к среднему классу, и получены следующие данные (табл. 1).

Таким образом, мы получили 3 основные группы для последующего анализа. Первая группа – «полноценный» средний класс (СК-1). Члены этой группы объективно относятся к среднему классу и одновременно осознают себя его представителями.

* Выполнено при финансовой поддержке фонда РГНФ, грант «Социокультурный портрет Самарской области», 11-03-00281 А.

Таблица 1. Группы, выделенные на основе соотношения объективных и субъективных признаков принадлежности к среднему классу, %

Признаки отнесения к среднему классу	Доля респондентов в общем массиве, %
Наличие объективных и субъективных признаков (СК-1)	26,3
Наличие объективных, отсутствие субъективных признаков (СК-2)	18,6
Наличие субъективных, отсутствие объективных признаков (СК-3)	22,4
Всего	67,3

Вторая из выделенных нами подгрупп представителей среднего класса включает тех, кто, имея объективные признаки принадлежности к среднему классу, тем не менее себя к нему не причисляет, – «объективный» средний класс (СК-2). В третью группу вошли те, кто лишь субъективно ощущает себя в составе среднего класса, «не проходя» в него по объективным критериям, – «субъективный» средний класс (СК-3).

Приведем основные демографические характеристики представителей выделенных групп посредством определения структурных коэффициентов (табл. 2)¹.

Таблица 2. Сравнительные демографические особенности представителей среднего класса Самарской области, $K_{стр}$

Особенности	СК-1	СК-2	СК-3
<i>Пол</i>			
Мужской	1,18	1,2	0,8
Женский	0,87	0,8	1,14
<i>Возраст</i>			
18-19	1,4	1,3	0,7
20-24	1,5	1,7	0,7
25-29	1,5	1,2	0,9
30-39	1,3	1,05	1,1
40-49	0,97	1,4	1,1
50-59	1,01	0,75	1,01
60 лет и старше	0,4	0,4	1,04
<i>Тип расселения</i>			
Сельское	0,5	1,2	0,9
Городское	1,6	0,9	1,02

¹ Метод структурных коэффициентов предполагает сравнение доли определенной социально-демографической группы в общем массиве опрошенных и в конкретной типологической группе. Значение структурного коэффициента больше 1 означает, что данная конкретная социально-демографическая группа преимущественно представлена в той или иной типологической группе и тем самым является чертой ее своеобразия. [См., например, 4, с. 326.]

Окончание табл. 2.

Особенности	СК-1	СК-2	СК-3
<i>Тип населенного пункта</i>			
Деревня, село	0,4	1,1	1,05
Рабочий поселок	0,75	1,5	0,5
Малый и средний город (до 100 тыс. чел.)	1,6	0,4	1,8
Крупный город (100 – 500 тыс. чел.)	1,1	0,8	0,9
Большой город (500 тыс. – 1 млн. чел.)	1,0	0,8	1,2
Мегаполис (более 1 млн. чел.)	1,1	0,8	0,74
<i>Уровень образования</i>			
Без образования	-	-	1,1
Незаконченное среднее	-	-	1,34
Среднее общее	-	-	1,8
Начальное специальное	-	-	1,96
Среднее специальное	0,96	1,2	0,9
Незаконченное высшее	1,8	1,5	0,5
Высшее	1,5	1,4	0,8
Послевузовское (второе высшее, аспирантура и др.)	1,8	1,7	0,9

Анализируя полученные данные, отметим несколько моментов.

Во-первых, мы видим достаточно сходную ситуацию по гендерному составу в первых двух группах (СК-1 и СК-2), где отмечается преобладание мужской доли над женской. В то же время наблюдается существенное отличие от них группы СК-3, в которой количество женщин явно превосходит мужскую долю.

Во-вторых, в «полноценном» среднем классе (СК-1) существенно преобладают молодые люди в возрасте от 18 до 39 лет, а также резко снижается представительство людей старше 60 лет, т.е. пенсионеров. Это свидетельствует о выраженной ситуационности социального статуса в современном российском обществе: за более чем двадцатилетний период новейшей истории нашей страны до сих пор не созданы условия трансляции своего социального статуса в рамках социостратификационного поля после потери оплачиваемой работы в связи с достижением пенсионного возраста. Для среднего класса, определяемого по объективным признакам (СК-2), также характерна повышенная доля лиц молодого возраста с той лишь разницей, что здесь наибольшая доля приходится на возраст от 18 до 29 лет и заметно представительство возрастной группы от 40 до 49 лет. В составе СК-3 возрастное распределение отличается от предыдущих двух групп: здесь оно хотя и приближено

к возрастному квотированию по всему массиву, но для этой группы характерно меньшее представительство самых молодых категорий (от 18 до 24 лет), чуть больше представителей более старшего возраста.

В-третьих, соотношение сельского и городского населения различается в зависимости от выделенных групп представителей среднего класса. Наименьшая доля сельчан и максимальная доля городского населения наблюдается в составе СК-1, а в СК-2 в некоторой степени идет распределение в пользу сельского населения, что можно объяснить свойственным преимущественно сельчанам нежеланием рефлексировать по вопросу определения своего социостратификационного положения. В СК-3 соотношение населения по типу расселения снова почти повторяет общее квотирование по массиву с крайне незначительным преобладанием городского сегмента. Эти данные свидетельствуют о том, что адекватное осознание своего места в рамках социостратификационной структуры, осознание себя представителем среднего класса при объективных к этому основаниях характерно для городского населения: горожане не только объективно *относятся*, но и субъективно *относят себя* к среднему классу. Среди сельских жителей, наоборот, заметно больше тех, кто входит в СК-2, т.е. имеет объективные основания для включения в средний класс, но не признает этого субъективно, причем, как видно из таблицы 2, это преимущественно жители рабочих поселков.

В-четвертых, в городах с численностью населения до 100 тыс. чел. наблюдается явный перевес числа тех, кто субъективно включает себя в средний класс, как имея объективные основания для попадания в него, так и без таковых, над теми, кто зачислен в него только по объективным признакам. На основании приведенных данных можно сделать вывод о том, что в современном российском обществе именно жители небольших городов, где спектр социальных взаимодействий принципиально отличается от сельской местности и вместе с тем эти взаимодействия намного нагляднее, чем в крупных городах и мегаполисах, демонстрируют максимальную потребность самоидентификации со средним классом. Причем объективные признаки не являются решающим критерием для самоотнесения; по всей видимости, причины данной ситуации кроются именно в самой потребности осознания себя в некоем большинстве, «не хуже других», «как все» и т.д.

В-пятых, для жителей мегаполиса с численностью населения более 1 млн. чел. (г. Самара) более характерна гармония объективного и субъек-

тивного отнесения к среднему классу. Напротив, самоотнесение к среднему классу без объективных оснований либо включение в него объективно без субъективного подтверждения этого факта менее свойственно жителям мегаполиса.

Теперь посмотрим на распределение представителей сравниваемых нами групп по сферам занятости (табл. 3).

Таблица 3. Сферы занятости представителей среднего класса, $K_{стр}$

Тип организации	СК-1	СК-2	СК-3
Государственное, муниципальное предприятие (учреждение, орган)	0,9	0,9	1,1
Акционерное предприятие с участием государства	0,8	1,1	0,8
Акционерное предприятие без государственного участия	1,4	1,55	0,6
Предприятие, фирма, находящаяся в Вашей личной собственности	0,9	2,2	0,9
Частное предприятие или ООО (не Ваша собственность)	1,4	0,85	1,04
Колхоз, совхоз, с/х кооператив	0,07	0,7	1,1
Крестьянское, фермерское хозяйство	0,4	-	1,4
Индивидуальная трудовая деятельность	1,25	1,5	0,6
Не имею постоянной работы	1,2	0,9	0,9
Затрудняюсь ответить	0,7	0,9	1,1

Входящие в состав СК-1 преимущественно либо заняты в частных организациях в качестве наемных работников (акционерные предприятия без участия государства, ЗАО, ООО и т.д.), либо являются самозанятыми (индивидуальная трудовая деятельность), а также в СК-1 достаточно выражена представленность тех, кто не имеет постоянной работы, — вероятно, их также можно отнести к самозанятым. СК-2 представлен сотрудниками как частных организаций, так и акционерных предприятий с участием государства, а также самозанятыми, что во многом схоже с ситуацией в СК-1. Однако, кроме того, и даже в гораздо большей степени, чем предыдущими категориями, СК-2 представлен владельцами собственного бизнеса, что заметно отличает СК-2 от СК-1. Владельцы малого и среднего бизнеса, учредители организаций, имеющих (возможно) тот или иной штат наемных работников, — это тот самый «старый» средний класс, который стал первоосновой для последующего развития в западных странах и у которого «среднеклассовое» самосознание сформировалось уже на рубеже XIX–XX вв. В российском же обществе на современном этапе именно эта группа, обладая всеми необходимыми ресурсами для того, чтобы стать основой среднего класса, субъективно

«не принимает» членство в нем. Среди представителей СК-1 крайне мало или нет совсем занятых в сельском хозяйстве (как работников различных форм коллективных хозяйств, так и фермеров), в СК-2 эта категория занятых также представлена ниже, чем по массиву в целом.

В составе СК-3 наиболее заметны занятые в государственном и муниципальном секторах, а также самостоятельно ведущие свое хозяйство в сельской местности (фермеры). И хотя в выборочной совокупности в целом данная социально-профессиональная категория составила всего 1% респондентов, подавляющее большинство владельцев фермерских хозяйств субъективно относят себя к среднему классу и входят либо в СК-1, либо в СК-3. Низкую представленность в СК-3 имеют осуществляющие индивидуальную трудовую деятельность и сотрудники акционерных предприятий как с участием государства, так и без него.

Таким образом, мы видим противоречивую картину занятости среднего класса. С одной стороны, типичный представитель «полноценного» среднего класса — это профессионал, который получает доход либо от индивидуальной трудовой деятельности как в городских, так и в сельских условиях, либо продавая свои знания и навыки сторонним организациям. Данное обстоятельство согласуется с общепринятыми подходами к выделению среднего класса западного типа, что свидетельствует об определенной тенденции следования социоструктурных процессов в российском обществе по направлению к западному образцу. В то же время «невидение» себя в составе среднего класса большого числа тех же профессионалов, что представлены в СК-1, а также подавляющего большинства владельцев собственного малого и среднего бизнеса говорит о том, что восприятие среднего класса в качестве объекта для социальной самоидентификации в современном российском обществе востребовано далеко не всеми типичными его представителями по объективным критериям, а значит, еще рано говорить о сформированности полноценного отечественного среднего класса. К тому же на примере СК-3 мы видим, что есть категории экономически активного населения, идентифицирующие себя со средним классом, но не попадающие в него объективно, и это также свидетельствует о противоречивости процесса формирования российского среднего класса.

Данные, приведенные в таблицах 4–6, дают представление о социальном самочувствии в выделенных группах.

Таблица 4. Удовлетворенность жизнью представителей среднего класса Самарской области, %

Вариант ответа	СК-1	СК-2	СК-3
Полностью удовлетворен	14,3	28,2	11,0
Скорее удовлетворен	63,2	47,3	51,5
Не очень удовлетворен	19,3	19,1	30,8
Совсем неудовлетворен	0,4	1,6	3,1
Затрудняюсь ответить	3,0	3,8	3,6

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, в ближайшем году Вы, Ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня?», %

Вариант ответа	СК-1	СК-2	СК-3
Будем жить значительно лучше	9,8	10,6	6,6
Будем жить несколько лучше	30,1	19,6	22,0
Ничего не изменится	39,5	27,5	48,6
Будем жить несколько хуже	3,4	5,8	4,8
Будем жить значительно хуже	0,0	0,0	3,1

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы уверены в своем будущем?» – среди представителей среднего класса, %

Вариант ответа	СК-1	СК-2	СК-3
Вполне уверен(а)	18,6	14,8	13,7
Скорее уверен(а), чем нет	42,8	44,4	37,9
Не могу сказать точно	18,9	25,9	21,6
Скорее не уверен(а), чем уверен(а)	14,0	9,0	16,3
Совершенно не уверен(а)	4,9	4,8	9,3

Представители групп СК-1 и особенно СК-2 демонстрируют более высокую степень удовлетворенности своей жизнью, а также более позитивную уверенность в своем ближайшем будущем по сравнению с СК-3. Отсюда можно сделать вывод о том, что в современной России «субъективный» средний класс (СК-3) скорее стремится психологически удержаться «в середине», не чувствуя стабильности своего социально-экономического положения, тогда как «объективный» средний класс (СК-2), ощущая свое прочное экономическое состояние, не связывает это ощущение с классовым сознанием. «Полноценный» средний класс (СК-1) в целом повторяет с незначительными отличиями позитивное отношение представителей СК-2 к своим ближним и дальним перспективам.

Таблица 7. Значимость самоотнесения к среднему классу, %

Значимо ли для Вас соотнесение себя со средним слоем?	СК-1	СК-2	СК-3
Да, значимо	8,3	10,9	8,9
Скорее, да	26,0	12,4	20,9
Скорее, нет	26,4	24,0	24,4
Нет	33,2	33,3	34,7
Не знаю, затрудняюсь ответить	6,1	19,4	11,1

Из таблицы 7 видно, что представители всех выделенных аналитических групп не придают особого значения самоидентификации с социальным слоем. Вместе с тем именно в группах, где присутствует субъективное отнесение к среднему слою (СК-1 и СК-3), сравнительно с СК-2 доли тех, для кого подобное самоотнесение в той или иной степени значимо, несколько больше и меньше всего тех, кто затруднился ответить на этот вопрос.

Таким образом, на примере Самарской области можно сделать вывод, что в современном российском обществе наблюдаются противоречивые процессы как консолидации среднего класса на основе сочетания объективных признаков и все более определенного классового самосознания, так и расхождения объективных и субъективных оценок своего социостратификационного статуса. Это противоречие выражается в том, что, с одной стороны, люди, имеющие объективные основания для включения в социальный класс, не видят для себя значения в приобретении подобного статуса и выработки общих позиций с теми, кто входит в тот же слой/класс, а с другой – в современном отечественном обществе существует многочисленная группа тех людей, которые не имеют (или утратили) объективных оснований для включения в средний класс, но субъективно себя в нем видят, хотят быть его частью, стремятся наполнить для себя смыслом этот термин, вырабатывать и отстаивать общие классовые позиции.

Источники

1. Беляева Л.А. Критерии выделения российского среднего класса // Средний класс в современном российском обществе. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 7-16.
2. Горюнова С.В. Средние слои и «средний класс» в современном российском обществе // Общественные науки и современность. – 2006. – №4. – С. 58-67.
3. Готлиб А.С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. – Самара: Универс-групп, 2004. – 448 с.

4. Прохоров Д.В. Самоидентификация представителей российского среднего класса: эмпирический анализ // Вестник Самарского государственного университета. – 2011. – №4. – С. 47-52.
5. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. – М.: Наука, 2004. – 259 с.
6. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Е.М. Аврамова и др.; Под ред. Т.М. Малевой. – М.: Московский Центр Карнеги, Гендальф, 2003. – 506 с.
7. Тихонова Н.Е., Маркова С.В. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. – М.: ИС РАН, 2007. – 320 с.
8. Тихонова Н.Е. Средний класс: теория и реальность. – М.: Альфа-М, 2009. – 320 с.
9. Хахулина Л.А. Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. – 1999. – №2. – С. 24-33.
10. Шкаратан О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы. Сравнительный анализ. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. – 468 с.

А.И. Россошанский,
Вологда

Материальное положение жителей Вологодской области

Основной целью государственной экономической политики России и любой другой страны является достижение достойного уровня жизни, который обеспечивает условия для самореализации граждан, стабилизации производства и цен, высокий уровень занятости и социальной защиты, сбалансированность хозяйственного комплекса страны, общий экономический рост.

Уровень жизни представляет собой обеспеченность населения необходимыми материальными благами и услугами, а также достигнутый уровень их потребления и степень удовлетворения рациональных потребностей [5].

Одним из важнейших показателей материального благосостояния являются денежные доходы населения. В 2011 г. среднедушевые денежные доходы населения в Вологодской области составили 15 467 руб. в месяц (в 2000 г. – 2023 руб.). При этом в сопоставимой оценке рост доходов составил 2,76 раза. Рост доходов населения связан с устойчивыми темпами роста заработной платы. Среднемесячная номинальная заработная плата работников составила 20 250 рублей и в реальном выражении увеличилась в 2,85 раза. Динамика средних показателей денежных доходов населения Вологодской области представлена в табл. 1.

Таблица 1. Динамика основных показателей материального благосостояния населения Вологодской области

Показатели	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011
Среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб.	2023	6345	10521	12230	12239	14037	15467
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата одного работника, руб.	2562	8828	12914	16115	16566	18536	20250
Средний размер назначенных месячных пенсий на конец года, руб.	875	2612	3764	4649	6298	7810	8507
Величина прожиточного минимума в среднем на душу населения в месяц, руб.	1005	2791	3887	4723	5267	5787	6549
Соотношение с величиной ПМ среднедушевых денежных доходов населения, раз	2,0	2,3	2,7	2,6	2,3	2,4	2,4
Соотношение с величиной ПМ среднемесячной начисленной заработной платы	2,2	2,9	3,1	3,1	2,9	3,0	2,8

Окончание табл. 1.

Соотношение с величиной ПМ среднего размера назначенных месячных пенсий	1,3	1,2	1,2	1,2	1,5	1,7	1,6
Численность населения с денежными доходами ниже ПМ, тыс. чел.	331,4	228,0	181,4	192,7	222,2	205,4	213,6
% от общей численности населения	25,5	18,3	14,8	15,8	18,3	17,0	17,8

Источник: Статистический ежегодник Вологодской области. 2010: Стат. сб./Вологдастат. – Вологда, 2012. – 374 с.

Анализ структуры формирования денежных доходов показал, что основным источником доходов населения является трудовая деятельность (рис. 1). За исследуемый период доля заработной платы в структуре доходов населения практически не менялась и составляла порядка 50%. Доля социальных выплат в кризисный период заметно возросла в основном благодаря увеличению размеров пенсий и денежных компенсаций. В 2009 г. пенсии жителей региона увеличились на 35%, что позволило улучшить их соотношение с размером заработной платы и величиной прожиточного минимума.

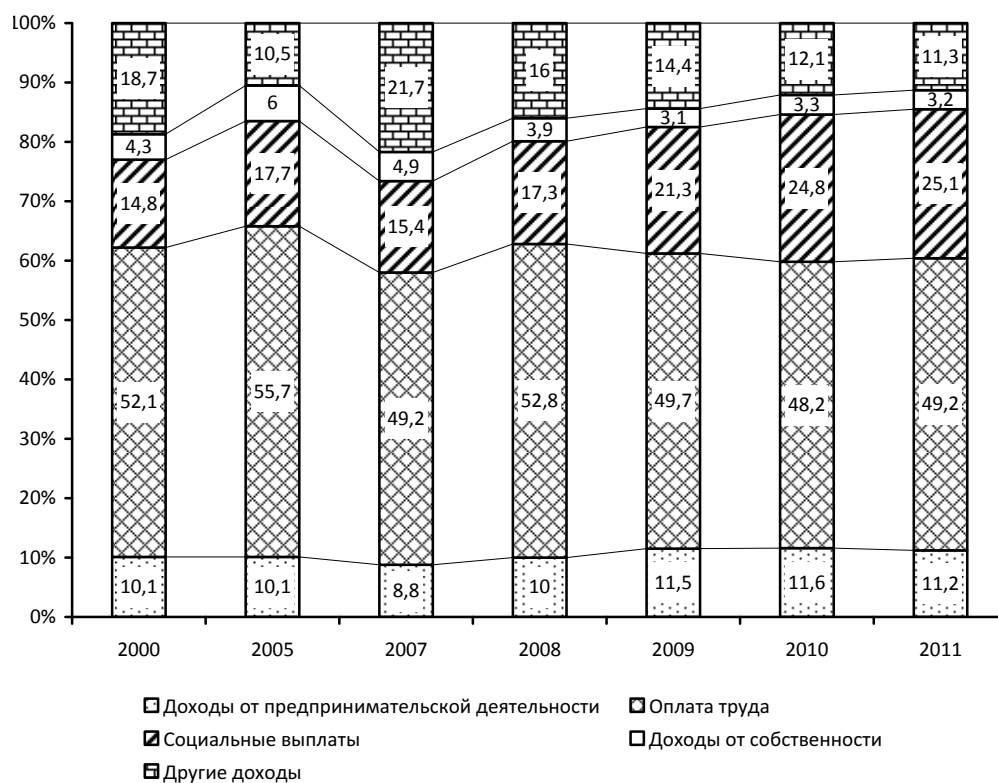

Рисунок 1. Структура денежных доходов населения Вологодской области в 2000–2011 гг., в %

Однако показатели роста средних доходов не отражают ситуацию с благосостоянием различных слоев населения (табл. 2). В настоящее время в Вологодской области, несмотря на позитивную динамику роста средних показателей денежных доходов, социальная поляризация и концентрация вследствие форсированного роста самых высоких доходов не уменьшается, а продолжает нарастать [2]. Так, на долю 20% наименее обеспеченного населения приходилось лишь 6,4% общего объема денежных доходов, в то время как на долю 20% наиболее обеспеченного – 43,5%.

Таблица 2. Распределение общего объема денежных доходов населения Вологодской области в 2000–2011 гг.

Показатели	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011
Денежные доходы, всего, %	100	100	100	100	100	100	100
В том числе по 20-процентным группам населения:							
первая (с наименьшими доходами)	7,7	6,5	5,9	6	6,3	6,3	6,4
вторая	12,6	11,3	10,7	10,9	11,2	11,1	11,2
третья	17	16,1	15,6	15,7	16	15,9	16
четвертая	23,1	23	22,9	22,9	23	22,9	23
пятая (с наибольшими доходами)	39,6	43,1	44,9	44,5	43,5	43,8	43,4
Источник: Статистический ежегодник Вологодской области. 2010: Стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2012. – 374 с.							

Для характеристики распределения совокупного дохода между группами населения применяется индекс концентрации доходов населения (индекс Джини). К наиболее часто используемым показателям дифференциации доходов относится также децильный коэффициент (коэффициент фондов), выражающий соотношение между средними доходами 10% наиболее обеспеченных и средними доходами 10% наименее обеспеченных граждан [3].

Динамика данных коэффициентов за рассмотренный период носила неоднозначный характер (рис. 2 и 3). Самая низкая за анализируемый период отметка значения показателей неравенства в распределении доходов отмечалась в 2000 г. Далее наблюдался их рост, а с 2009 г. – некоторая стабилизация. В 2011 году коэффициент Джини в Вологодской области составил 0,368, коэффициент фондов – 11,3. Значения этих показателей все последние годы держатся на достаточно высоком уровне и превышают пороговое значение, необходимое для поддержки социальной стабильности в обществе.

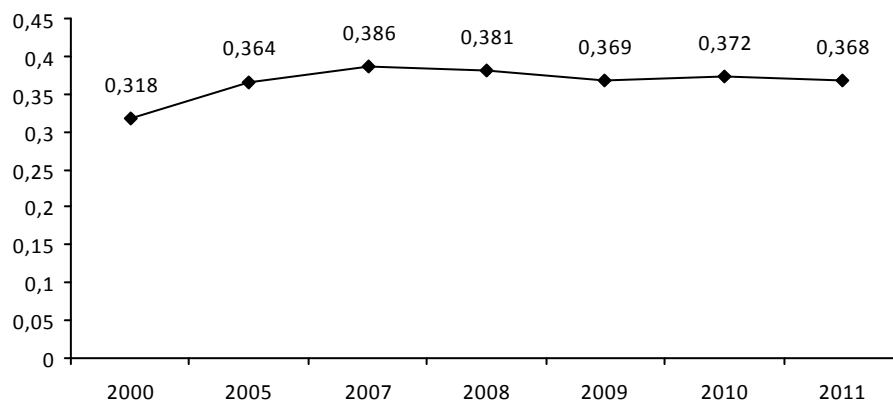

Рисунок 2. Динамика индекса Джини в Вологодской области

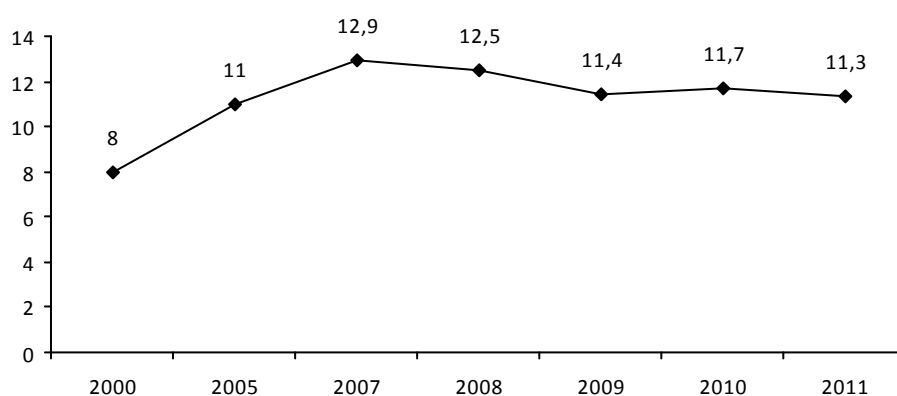

Рисунок 3. Динамика коэффициента фондов в Вологодской области

В период с 2000 по 2011 г. в структуре потребительских расходов домашних хозяйств происходило увеличение доли расходов на оплату услуг и покупку непродовольственных товаров, а также сокращение доли расходов на покупку продуктов питания (табл. 3). Данная тенденция была нарушена в 2009 году, когда резко возросли расходы на покупку продуктов питания (с 37,1 в 2008 г. до 41,3% в 2009 г.) и оплату услуг (с 20,8 в 2008 г. до 24,1% в 2009 г.) за счет снижения расходов на покупку непродовольственных товаров (с 40,5 до 32,6%).

Таким образом, в условиях сокращения доходов население вынуждено было тратить денежные средства в первую очередь на товары первой необходимости, в силу сокращения расходов на товары, не относящиеся к категории обязательных [4].

Таблица 3. Структура потребительских расходов домохозяйств Вологодской области

Виды потребительских расходов домашних хозяйств	Год						
	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011
Покупка продуктов питания	49,1	40,3	37	37,1	41,3	38	35,7
Покупка непродовольственных товаров	35,9	37,3	37,7	40,5	32,6	34,1	37,8
Покупка алкогольных напитков	3,3	2,4	2,2	1,6	2	1,9	2,1
Оплата услуг	11,7	20	23,1	20,8	24,1	26	24,4

Источник: Статистический ежегодник Вологодской области. 2010: Стат. сб. / Вологдастат. – Вологда, 2012. – 374 с.

В то же время остается существенным разрыв в уровне потребительских расходов между 10% наиболее обеспеченного и 10% наименее обеспеченного населения (рис. 4). За исследуемый период существенно сократились расходы наименее обеспеченного населения на покупку продуктов питания (на 22,9%), однако доля этих расходов составляет почти половину от общего дохода (45,7% в 2011 г.).

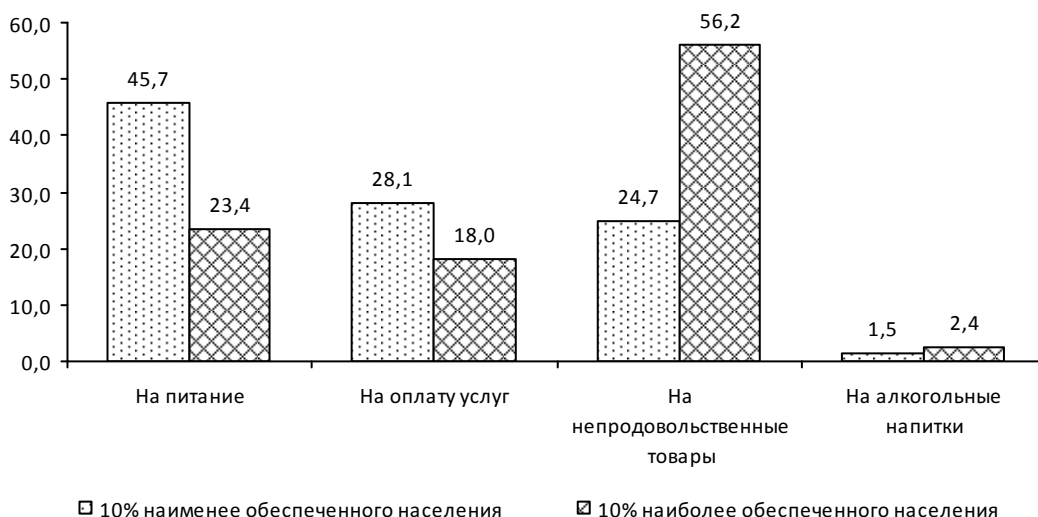

Рисунок 4. Структура потребительских расходов домохозяйств Вологодской области в 2011 г.

Таким образом, проведенное исследование показало, что в Вологодской области достигнуты значительные результаты в улучшении материального благосостояния населения и по ряду отдельных показателей область существенно улучшила свое положение. Вместе с тем продолжают сохраняться определенные негативные явления, связанные с неравномерным распределением доходов среди населения. Большая часть населения вынуждена сокращать расходы на покупку товаров и услуг,

не относящихся к категории обязательных, в пользу товаров и услуг первой необходимости. Данные негативные явления значительно затрудняют полноценное развитие общества, что требует повышенного внимания и выработки системы мер для улучшения ситуации.

Источники

1. Гулюгина, А.А. Основные показатели уровня жизни населения Белгородской области и их изменение в период 2000–2010 годов [Текст] / А.А. Гулюгина // Уровень жизни населения регионов России. – 2011. – №11. – С. 30-40.
2. Костылева, Л.В. Неравенство населения России: тенденции, факторы, регулирование [Текст]: монография / Л.В. Костылева; под рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. – 223 с.
3. Леонтьева, А.Г. Стратегии преодоления бедности и повышения уровня жизни населения [Текст] / А.Г. Леонтьева, А.Г. Хохлов // Экономические науки. – 2010. – №1(62). – С. 118-124.
4. Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты [Текст]: монография / А.А. Шабунова, К.А. Гулин, М.А. Ласточкина, Т.С. Соловьева. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 158 с.
5. Социальная статистика [Текст]: учеб. для вузов / под ред. И.И. Елисеевой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Финансы и статистика, 2001. – 480 с.

И.Д. Рыбкина,
Барнаул

Демографические оценки социокультурной модернизации сибирских регионов в XX веке

Процесс перехода от традиционного к современному обществу весьма сложен. Общей особенностью всех значительных социально-экономических преобразований является их болезненность. Модернизационные изменения XX века, как, впрочем, и все предшествующие социокультурные трансформации, были неожиданны для человека. В России они отличались тотальным, всеобщим, характером, распространяясь практически на все сферы человеческой жизни, включая систему ценностей, модели поведения, адаптационные стратегии личности. Интенсивность динамики социокультурной среды превышала исторические аналоги, требуя новых адаптационных стратегий, превращая в «музейные экспонаты» бессмысленные на новых отрезках исторической динамики нормы, ценности, социальные позиции, модели повседневного существования [3].

Мерилом проявления модернизационных изменений в обществе выступают основные демографические процессы (рождаемость, смертность, естественное и механическое движение населения). Наиболее значимы их тренды, которые свидетельствуют о позитивности или негативности происходящих процессов. Анализ трендов на примере отдельных макрорегионов России, таких как Сибирь, позволяет с высокой степенью достоверности судить о правильности избранного курса социокультурной модернизации в стране. Остается только сожалеть, что для демографических оценок в этом случае необходим довольно продолжительный временной лаг.

Формирование населения Сибири происходило в несколько этапов. Первый из них, датируемый XVI веком, связан с походом Ермака, после которого, по мнению историков, и началось заселение Сибири русскими. В XVII–XVIII вв., как отмечает академик А.П. Деревянко [5], в Сибирь пришли талантливые и трудолюбивые люди; благодаря их труду, помноженному на опыт и традиции коренных народов, началось освоение ее обширных территорий. В XIX веке царское правительство превращает

Сибирь в край ссылки; именно с этого времени здесь получают развитие культура, литература, искусство, происходит научное изучение природных богатств. В XX в. новым толчком к освоению и заселению становится Столыпинская аграрная реформа, за период проведения которой (1906–1916 гг.) в Сибирь и Среднюю Азию переселилось 3,1 млн. человек.

В настоящее время в Сибирском федеральном округе (СФО) проживает 19,3 млн. человек (данные на 1 января 2012 года) или 13,5% жителей России [9]. Это означает, что каждый десятый россиянин – сибиряк.

Динамика численности населения сибирских регионов в XX веке свидетельствует об увеличении численности жителей, которое происходило вплоть до 1989 года (рис. 1), правда, после 1959 г. она была менее значительной, чем в предыдущий период. Далее, начиная с 1989 г., численность населения Сибири постоянно сокращалась. Так, за межпереписной период 1989–2002 гг. отмечено уменьшение числа жителей на 1 млн. человек, за 2002–2010 гг. – на 0,4 млн. человек.

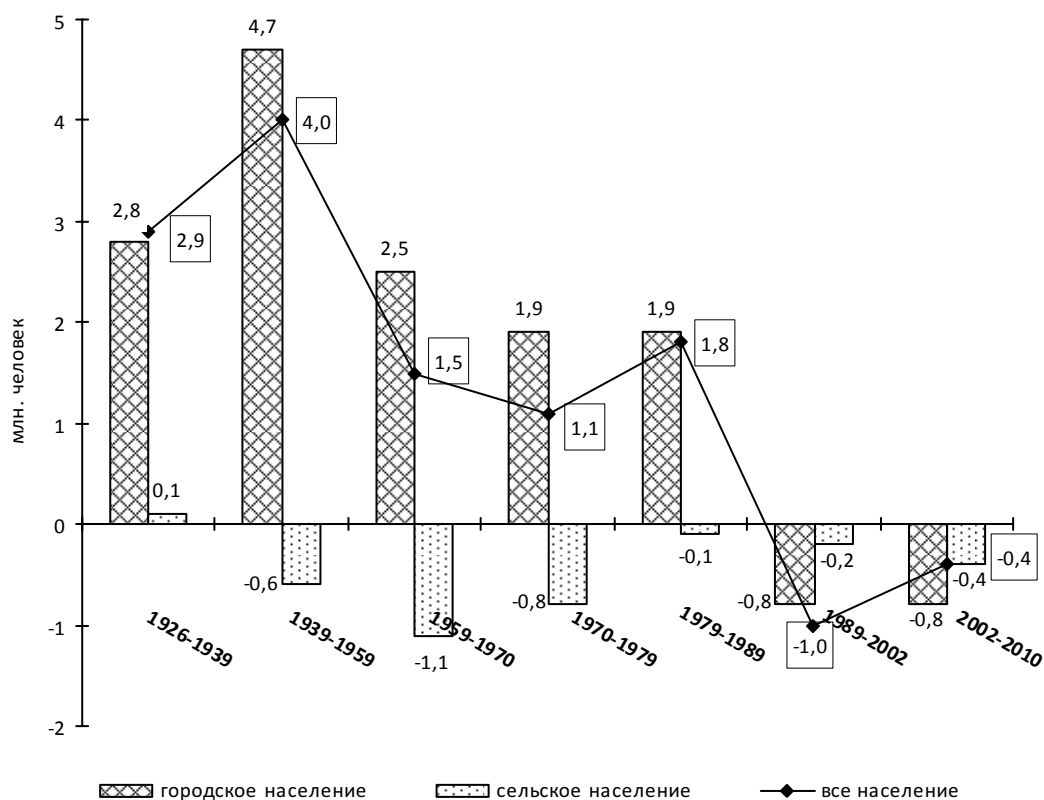

Рисунок 1. Изменение численности населения регионов Сибирского федерального округа [9]

Анализ изменения численности населения в регионах (рис. 2) показывает, что наибольшие демографические потери в последние годы понесли индустриально развитые Кемеровская и Иркутская области – 408 тыс. чел. и 396 тыс. чел. соответственно. Наименьшие потери за период с 1989 по 2010 год – в национальных республиках: Тыва – 0, Хакасия – 35 тыс. чел., Бурятия – 65 тыс. человек. Увеличение численности населения отмечено только в двух субъектах СФО – Республике Алтай (на 15 тыс. чел.) и Томской области (на 44 тыс. чел.), освоение северных территорий которой по-прежнему привлекает трудовых мигрантов.

Надо сказать, что, несмотря на проводимую государством политику переселения в начале XX века и особенно значительную миграцию в Сибирь сельских жителей в годы Столыпинской реформы, наиболее быстрыми темпами на протяжении XX в. все-таки возростала численность городских жителей. При этом доля сельского населения, начиная с 1939–1959 гг., постоянно сокращалась.

Сейчас среди жителей Сибири доля горожан составляет более 70%. Самым урбанизированным регионом по праву считается Кемеровская область: доля городского населения здесь достигает 85,5%. Из 356 городских населенных пунктов СФО 186 городов имеют численность населения менее 10 тыс. чел. и только два города – Новосибирск и Омск – свыше 1 млн. человек.

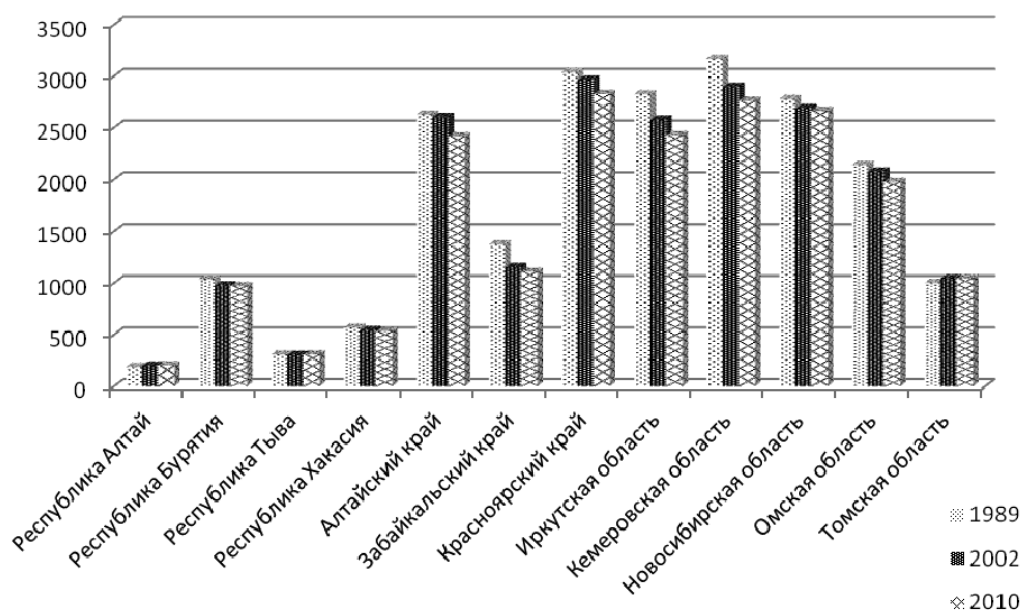

Рисунок 2. Изменения численности населения субъектов СФО за 1989–2010 гг., млн. чел. [7]

Сельское население сконцентрировано в аграрно развитых регионах Сибири. Выделяются республики Алтай, Тыва и Алтайский край с долей сельских жителей 72,4; 46,9 и 45,3% соответственно. На общероссийском фоне эти показатели имеют высокие уровни, т.к. доля сельского населения в стране не превышает 27% [8].

Неравномерность распределения жителей по территории Сибири находит свое отражение в показателе плотности населения регионов. Наиболее плотно заселена Кемеровская область (28,7 чел/км²). В группу сравнительно равномерно заселенных регионов с плотностью населения 10–15 чел/км² входят Алтайский край, Новосибирская и Омская области. К малонаселенным относятся субъекты с обширными площадями неосвоенных северных территорий или со значительной долей горных труднодоступных районов (Красноярский край, Томская и Иркутская области; республики Алтай, Тыва, Бурятия). Плотность населения этих территорий уступает даже среднероссийскому показателю (8,4 чел/км²).

Половозрастные особенности населения Сибири имеют общие для всей страны тенденции – превалирование женского населения над мужским, высокую долю населения старших возрастов, уменьшение количества детей и молодежи [4]. Так, по данным последней переписи населения, доля женщин в Сибири составляет 53,5% (рис. 3). Удельный вес группы населения старших возрастов за 2002–2010 гг. вырос на 2,6%, достигнув уровня 20,3%. В возрасте моложе трудоспособного находится 17,7% населения (в 2002 году – 19,6%).

Сокращение численности населения Сибири, снижение в его структуре доли молодежи, за которой будущее регионов, и увеличение доли старших возрастов проявляется также в нестабильном, но все же росте демографической нагрузки на трудоспособную часть населения (рис. 4). По данным за 2011 год наиболее высокая демографическая нагрузка отмечается в республиках Тыва (675 чел. на 1000 населения трудоспособного возраста) и Алтай (663 чел.), Алтайском крае (646 чел.), Кемеровской (634 чел.) и Иркутской (625 чел.) областях, Республике Хакасия (620 чел.).

Однако доля молодежи и трудоспособного населения в национальных республиках СФО остается сравнительно постоянной величиной, что является подтверждением если не позитивных тенденций демографической ситуации, то хотя бы стабильности ее проявления.

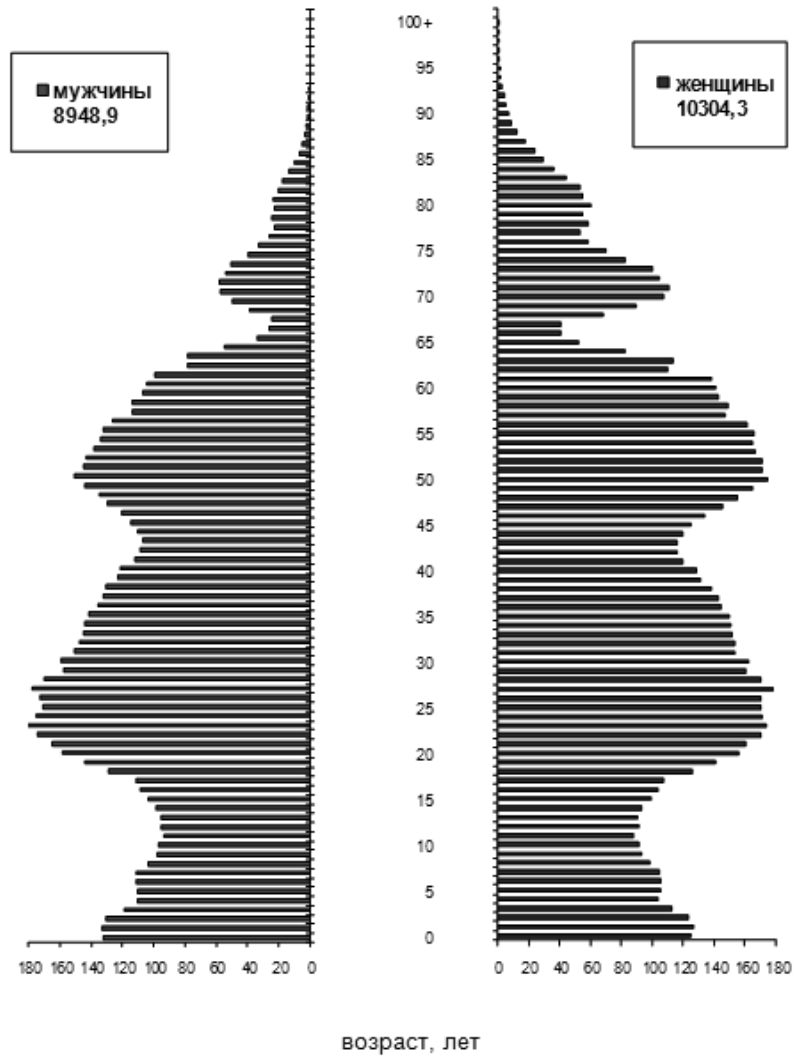

Рисунок 3. Половозрастная пирамида населения Сибири по данным переписи 2010 г., тыс. чел. [9]

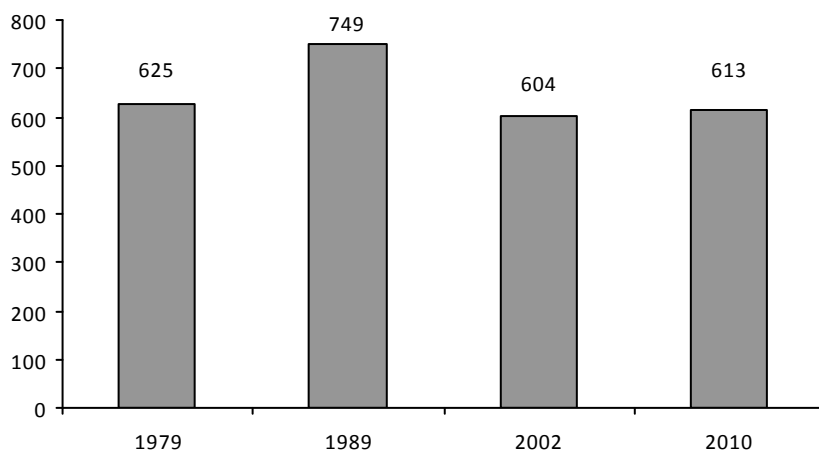

Рисунок 4. Коэффициент демографической нагрузки в СФО, (на 1000 чел. трудоспособного возраста приходится лиц моложе и старше трудоспособного возраста)

Например, в Республике Алтай удельный вес населения в возрасте моложе трудоспособного в 2002 году составлял 25,8%, в 2010 году – 25%; доля трудоспособного населения: в 2002 г. – 60,2%, в 2010 г. – 60,1%. Доля трудоспособного населения в республиках Тыва и Бурятия, Забайкальском крае даже несколько увеличилась – к 2010 г. на 0,3–0,7% по сравнению с уровнем 2002 г. К сожалению, в общей численности населения Сибири доля этих регионов не столь значительна для того, чтобы кардинально изменить демографическую ситуацию в макрорегионе к лучшему.

Справедливости ради отметим, что тренды основных демографических процессов в Сибири за последние 40 лет менялись неоднократно (рис. 5). После низких уровней смертности и высоких уровней рождаемости в 1970–1980-е годы на смену естественному приросту пришла естественная убыль населения в 1990–2000-е годы. Превышение числа умерших над числом родившихся началось в 1992 году и продолжалось до 2008–2009 гг. Только последние два-три года уровни рождаемости и смертности выровнялись и практически соответствуют друг другу, что означает практически прекращение естественной убыли хотя бы временно, как утверждают эксперты [1].

В настоящее время естественное движение населения Сибири характеризуется следующими величинами показателей рождаемости и смертности. При среднем значении рождаемости по СФО 14,1 промилле по

данным за 2011 год коэффициент рождаемости выше этого значения имеют республики Тыва (27,5 промилле), Алтай (22,7 промилле), Бурятия (17 промилле), Забайкальский край (15,5 промилле), Иркутская область (15,3 промилле) и Республика Хакасия (15,1 промилле). Добавим, что при этом все субъекты СФО (даже Алтайский край) характеризуются показателями рождаемости выше среднероссийского (12,6 промилле).

Максимальные величины рождаемость достигает среди сельского населения республик Тыва и Алтай, где преобладают представители титульных этносов, – 33,3 и 24,3 промилле соответственно. Минимальные значения рождаемости отмечаются среди городских жителей Томской области и Алтайского края (и там, и там – 12,2 промилле).

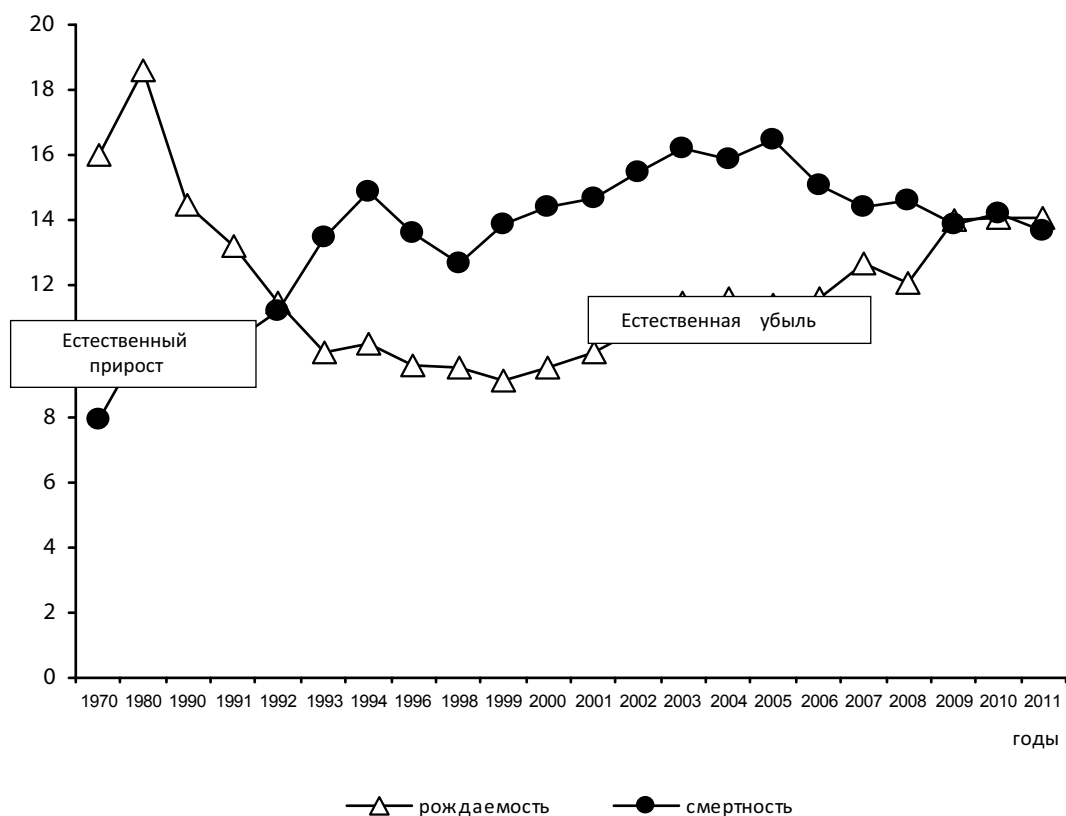

Рисунок 5. Общие коэффициенты рождаемости и смертности по СФО (на 1000 человек населения) [9]

Коэффициенты смертности выше средних по СФО (13,7 промилле) и по России (13,5 промилле) значений имеют Кемеровская область (15,5 промилле), Алтайский край (14,6 промилле), Иркутская область (14 промилле). Смертность среди населения Новосибирской и Омской областей соответствует среднероссийскому уровню.

Во всех других субъектах уровни смертности не превышают ни среднесибирских, ни среднероссийских величин и колеблются в интервале значений от 11 промилле в Республике Тыва до 13,4 промилле в Республике Хакасия.

Наибольшие значения показателя смертности в Сибири регистрируются среди сельского населения Алтайского края (16,2 промилле) и Кемеровской области (16,1 промилле); наименьшие – среди городских жителей республик Тыва (9,4 промилле) и Алтай (9,7 промилле).

Из-за такой негативной динамики основных демографических процессов (рождаемости и смертности) в регионах Сибири сложилась в последние годы устойчивая тенденция естественной убыли населения. На рисунке 6 отчетливо видно, что в 1990 году все сибирские регионы характеризовались положительным сальдо естественного движения населения. Однако уже к 1995 году такую тенденцию сохранили лишь два субъекта – республики Тыва и Алтай. Такая же демографическая ситуация отмечалась и по данным за 2000 г., и по данным за 2005 г.

Только 2010 год отличается от предыдущих лет тем, что семь регионов из 12 сменили естественную убыль на прирост населения, хотя в целом Сибирь по-прежнему характеризуется отрицательным сальдо родившихся и умерших. Объясняется такое незначительное улучшение демографической обстановки в отдельных регионах тем, что в детородный возраст вошло многочисленное поколение 1980-х годов. Однако рассчитывать на закрепление позитивной тенденции в Сибири вряд ли возможно, т.к. вслед за поколением 1980-х гг. в детородный период вступит малочисленное поколение 1990-х годов.

Миграционное сальдо населения Сибири имеет устойчивые отрицательные значения в большинстве субъектов СФО (рис. 7). По данным за 1990 год положительные значения миграции были характерны только для Алтайского края и Республики Алтай. В то время как количество убывших значительно превышало число прибывших и в целом по Сибири, и в отдельных регионах, достигая максимальных значений в Республике Тыва (-440 чел. на 10 000 населения).

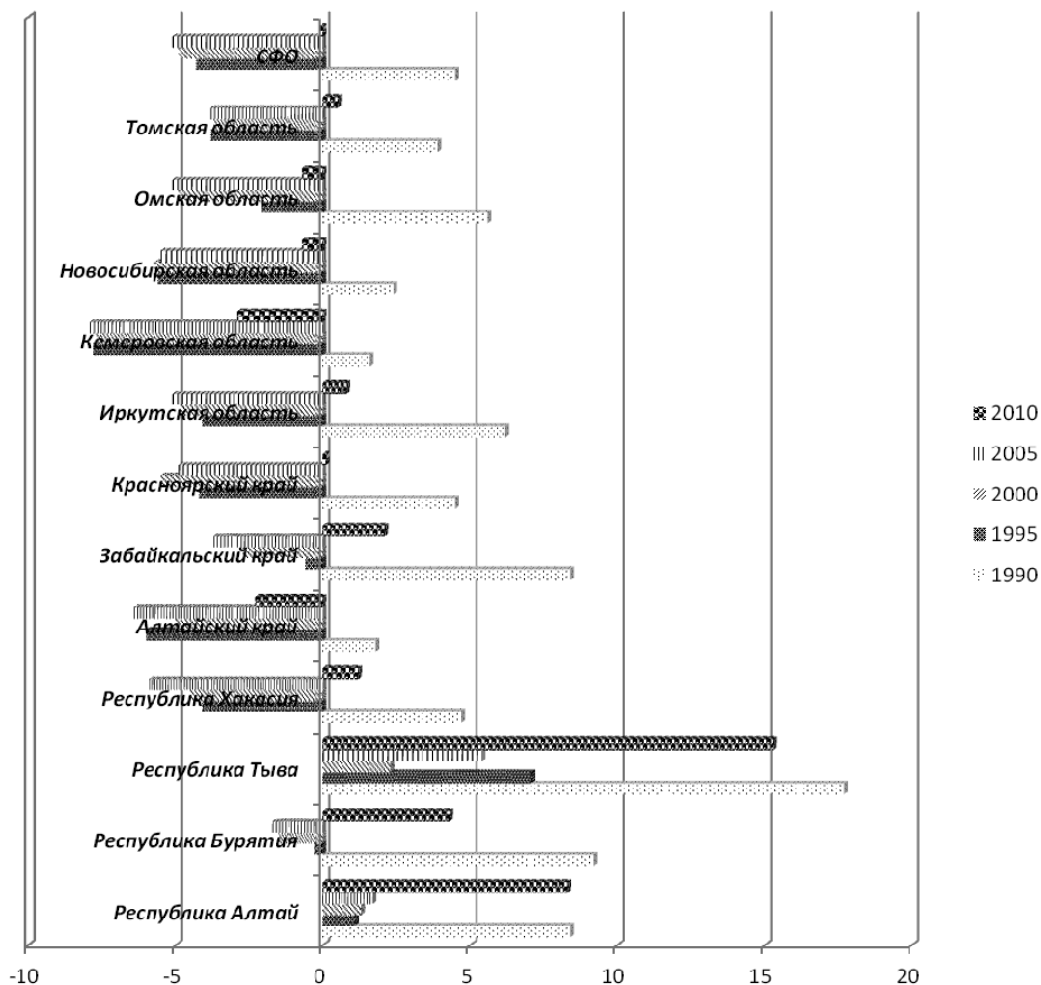

Рисунок 6. Естественный прирост (убыль) населения регионов Сибири за 1990–2010 гг. (на 1000 человек населения) [8]

В 1995 году из-за распада СССР и увеличения притока русскоязычного населения с территорий бывших союзных республик миграционное сальдо Сибири имело положительное значение, но непродолжительное время. И уже к 2000 году ситуация повторяется вновь и коэффициент миграционного прироста становится отрицательным (-15 на 10 000 населения).

Тенденция сохраняется и в последующие годы. Так, в 2005 году положительное сальдо миграции отмечалось только в республиках Алтай и Хакасия, Кемеровской, Новосибирской и Томской областях при отрицательном среднем значении по Сибири (-8 на 10 000 населения).

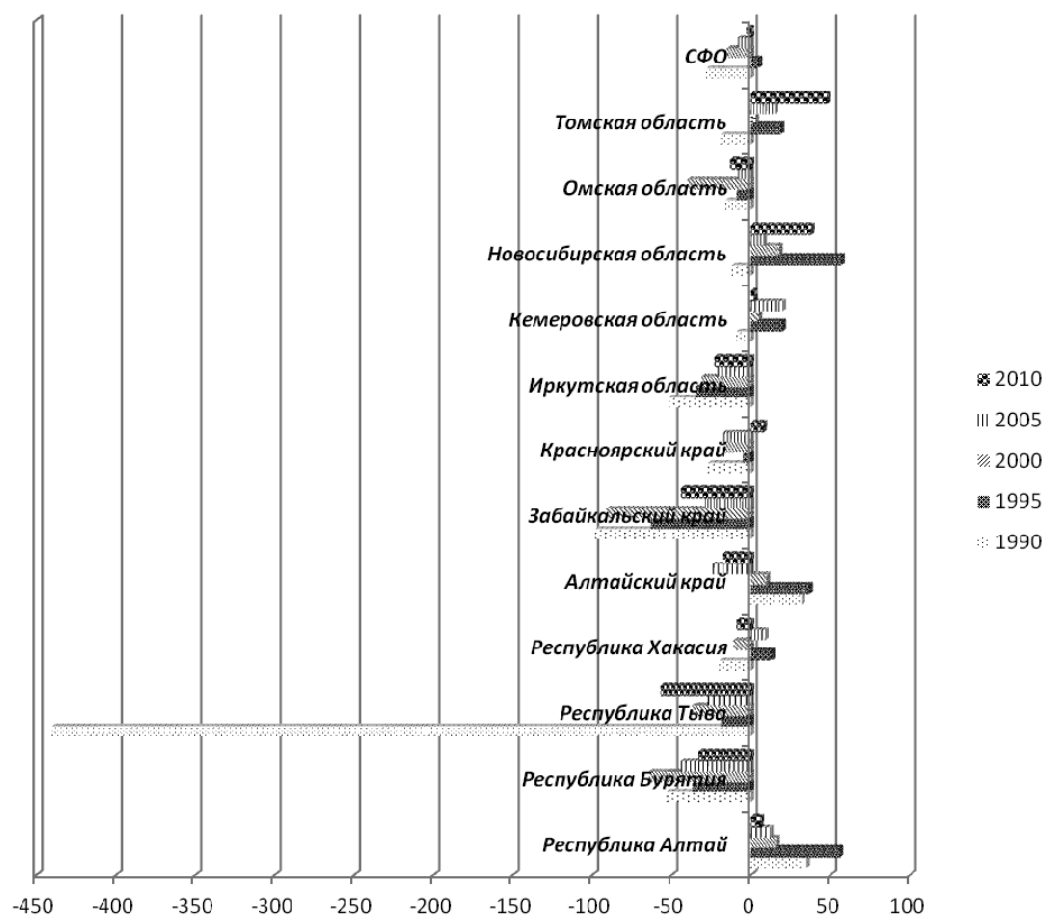

Рисунок 7. Миграционный прирост (убыль) населения регионов Сибири (на 10000 человек населения) [8]

В 2010 году число прибывших превышало количество убывших только на территории Томской (48 на 10 000 населения) и Новосибирской (38 на 10 000 населения) областей, в Красноярском крае (8 на 10 000 населения), Республике Алтай (6 на 10 000 населения) и Кемеровской области (2 на 10 000 населения). Очевидно, что приток населения в эти регионы был обусловлен трудовыми миграционными потоками населения (причем преимущественно за счет мигрантов в пределах сибирских регионов; рис. 8), что косвенно свидетельствует о более высоком качестве жизни жителей этих регионов. В целом же для Сибири коэффициент миграционного прироста имел отрицательное значение (-3 на 10 000 населения).

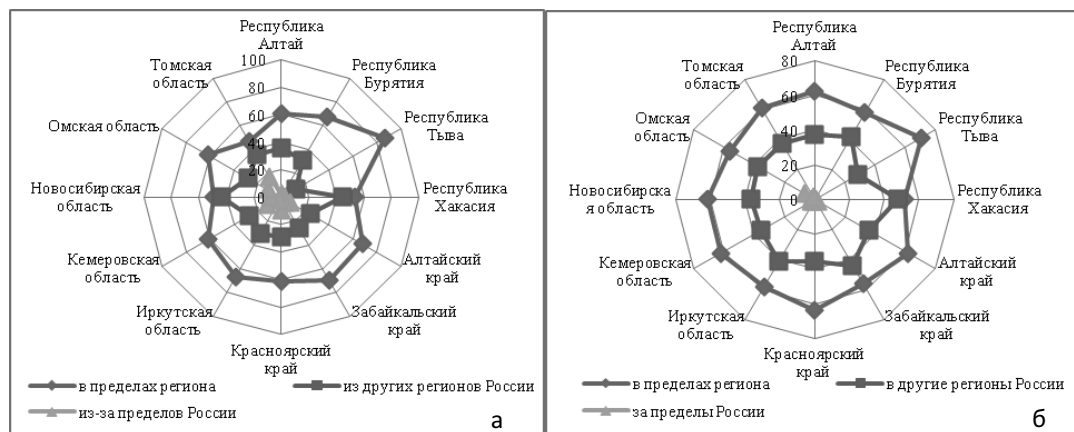

Рисунок 8. Распределение числа мигрантов по направлениям передвижения (в % от числа прибывших (а) и выбывших (б) по данным за 2010 год)

Частые смены демографических тенденций в регионах Сибири – результат неустойчивых переходных состояний социокультурной среды макрорегиона (в терминологии по источникам [3, 6]). Развитие демографической ситуации в XX в. соответствовало переходной стадии изменений – от традиционного к современному типу воспроизводственных процессов.

Очевидно, что модернизационные процессы на рубеже XIX–XX вв. имели положительный демографический отклик, благодаря которому в 1926–1939 гг. происходил рост числа жителей в регионах Сибири. В последующий период (1939–1989 гг.) изменение направленности демографических процессов и сокращение численности населения стали следствием проводившейся в эти годы политики государства на индустриализацию, укрупнение сельских поселений и ликвидацию малочисленных сел, расширение урбанизационных процессов и городского образа жизни. Проявлению негативных демографических процессов в этот период способствовали также людские потери в годы войны, которые удалось перекрыть только к 1980 годам. Далее, в 1989–2002 гг., тенденция начавшегося сокращения числа жителей Сибири только усилилась. К тому же ее усугубили происходившие в обществе новые модернизационные изменения (перестройка, переход на рыночные отношения, экономический кризис).

В этом контексте многие ученые (в частности, [2]) отмечают, что длительный период формирования населения за счет расширенного естественного воспроизводства и миграционного притока в Сибири сме-

нился в XX в. суженным воспроизводством и миграционным оттоком. Депопуляция настолько стала объективна, что существует реальная необходимость приспособляться к условиям длительного депопуляционного развития. Проблемная демографическая ситуация в регионах усугубляется особым геополитическим положением и ролью Сибири, противоречит геоэкономическим интересам России (продвижению на восток страны, в сектор стран Азиатско-Тихоокеанского региона) и настоятельно требует улучшения условий жизнедеятельности населения.

Источники

1. Вишневецкий А.Г. 5 лет – и Россия вновь начнет вымирать [Электронный ресурс] // Свободная пресса. 19 января 2010 года. URL: <http://svpressa.ru/society/article/19895/>.
2. Воробьев Н.В., Мисевич К.Н. Геодемографические аспекты трансформации сибирских регионов // Географические исследования Сибири. Т. 5. Общественная география / Отв. ред. П.Я. Бакланов, Л.М. Корытный. 2007. С. 218-231.
3. Гавров С.Н. Социокультурная традиция и модернизация Российского общества. М.: МГУКИ, 2002. 146 с.
4. Демографическая модернизация России 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневецкого. М., 2006. 608 с.
5. Деревянко А.П. Вступительное слово к книге: Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1989. – 304 с.
6. Ласточкина М.А. Социокультурные факторы модернизации региона // Фундаментальные исследования. 2012. №3. Ч. 2. С. 346-351.
7. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2012. 397 с.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. / Росстат. М., 2011. 990 с.
9. Социальное положение и уровень жизни населения Сибирского федерального округа: статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области. Новосибирск, 2012. 264 с.

А.В. Слобожанин,
Тула

Модернизационные процессы в Тульской области в первое десятилетие XXI века

Перед Российской Федерацией стоит задача перестройки экономических, социокультурных и иных характеристик общества в соответствии с глобальными тенденциями развития человечества, тенденциями модернизации. «История всемирной модернизации – часть цивилизационного процесса человечества» [2], но данная проблема не может решаться путем механического подражания ряду высокоразвитых стран. Необходимо учесть российской специфики, заключающейся, прежде всего, в большом различии по уровню развития отдельных регионов, поликультурности. Необходимо концепция, качественно описывающая модернизацию регионов и страны в целом.

Для решения подобной задачи можно использовать теоретические подходы, разработанные в странах, в которых количество административно-территориальных единиц достаточно велико. Разумеется, это требует серьезной адаптации используемого инструментария к традициям российского статистического учета.

В основу данной статьи положен подход к изучению модернизации, разработанный Группой исследования модернизации Китая (Китайский центр исследования модернизации Китайской академии наук) под руководством профессора Хэ Чуаньци. Данный подход был адаптирован для применения к анализу процессов модернизации в Российской Федерации Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН (руководитель – Н.И. Лапин).

Данный подход предполагает выделение двух интегративных стадий модернизации: первичной («первая модернизация», «first modernization») и вторичной («вторая модернизация», «second modernization»), а также дополнительного параметра – интегрированной модернизации.

«Первичная модернизация – переход от аграрной цивилизации к промышленной цивилизации и эре, она включает аналогичный переход от аграрной к индустриальной экономике, обществу, культуре и т.п. Вторичная модернизация – переход от промышленных к основанным на

знаниях цивилизации и эре, в это время также наблюдается переход от промышленных к информационным экономике, обществу, культуре и т.п.; также наблюдается переход от материальной культуре к экологической», – пишет Хэ Чуаньци [2].

В методике Хэ Чуаньци вторичная модернизация характеризуется следующими индексами: инноваций в знаниях, трансляций знаний, качества жизни, качества экономики. Говоря о модернизации в Тульской области, ниже мы рассмотрим, из каких конкретных субиндексов складываются показатели модернизации.

Интегрированная модернизация отражает процесс модернизации в единстве и охватывает ряд показателей первичной и вторичной модернизации. Для ее оценки используются три категории индикаторов (экономические, социальные, знаний). В целом индекс интегрированной модернизации отражает относительный разрыв между уровнем модернизации объектов оценки и достигнутым мировым уровнем [2]. Поскольку Тульская область не является самостоятельным государством и зависима от России в целом, данный показатель не может считаться точным применительно к обособленному региону.

Центральный федеральный округ, в который входит Тульская область, – один из ведущих в России по степени модернизированности. Его показатели – 100 (ПМ) и 85 (ВМ). На первый взгляд такие результаты намного превышают значения по Тульскому региону. Однако нельзя забывать, что в состав округа входит столица России – Москва. Именно из-за нее значение индексов столь высоко. В целом область занимает 8-е место из 19-ти.

Среди соседних регионов Тульская область занимает срединное положение: 3-е место из 6-ти.

Сравнительная особенность модернизации региона с общероссийским развитием процессов модернизации представлена нами в таблице 1, отражающей первичную модернизацию.

Таблица 1. Динамика уровня первичной модернизации

	2000	2005	2008	2009	2010
РФ	91	96	99,7	99,7	99,7
Тульская область	88	93	97	96	96

Как мы видим, первичная модернизация нашего региона незначительно отстает от показателей Российской Федерации. Причем отрыв

постепенно сокращается. Небольшой особенностью области является то, что в 2007 году произошло снижение уровня первичной модернизации, что не типично для России в целом. Среди соседних регионов Тульская область отстает лишь от Московской и Калужской областей, что обусловлено бурным развитием машиностроения в Калуге и традиционно высоким уровнем модернизированности Московской области из-за близости к столице.

Динамика уровня вторичной модернизации показана в таблице 2.

Таблица 2. Динамика уровня вторичной модернизации

	2000	2005	2008	2009	2010
РФ	60	66	69	70	72
Тульская область	57	63	64	64	65

Здесь ситуация оказывается более неблагоприятной для региона. Хотя сам уровень вторичной модернизации медленно растет, но отставание от российского показателя становится тоже больше, что показывает уменьшение вклада области в строительство инновационной экономики в нашей стране. Перейдем теперь к анализу вклада различных субиндексов в первичную модернизацию региона.

Результат первичной модернизации, по используемой нами теории, включает в себя характеристику завершенности перехода от традиционного общества к индустриальному.

В оценке первичной модернизации учитываются 10 индикаторов, которые характеризуют три области жизни индустриального общества:

1. Экономическую.
2. Социальную.
3. Уровень знаний.

Исходя из вышеприведенных показателей видно, что Тульская область на настоящий момент полностью завершила процесс первичной модернизации, его индекс в настоящее время составляет 96 (по РФ 99,7). В таблице 3 мы показали соотношение величин субиндексов.

Таблица 3. Соотношение величин субиндексов

Субиндекс	2000	2006	2010
Экономический	73	84	90
Социальный	97	97	99
Знаний	100	100	100

Если в 2006 году доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП была сравнительно низкой, то теперь она достигла нормы для высокомодернизированных регионов. Близость всех трех показателей к 100 свидетельствует о том, что процессы урбанизации, индустриализации и демократизации можно считать завершенными.

Однако, как было замечено выше, индекс первичной модернизации отстает от общероссийского показателя. Среди негативных факторов, мешающих достижению данного показателя, отметим следующие:

1. Низкое значение индекса валового регионального продукта, причем этот показатель снижается с максимального значения в 2008 году почти на 20 пунктов.

2. Низкий индекс ожидаемой продолжительности жизни. Однако этот показатель стремительно растет и уже приближается к 100.

Положительно, что доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП растет и уже перешагнула порог в 50%. Следовательно, мы наблюдаем начало перехода к постиндустриальной экономике.

Опишем состояние трех субиндексов первичной модернизации в регионе.

Среди экономических показателей ПМ неизменно высокие значения показывают обратные параметры доли лиц, занятых в сельском хозяйстве, в общем числе занятых и доли добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВВП. Оставшиеся два показателя рассмотрены нами выше. На стабильно высоком уровне остаются показатели знания.

Большой интерес вызывает вторичная модернизация области, так как именно это направление является приоритетным для большинства европейских стран и Российской Федерации.

Поскольку вторичная модернизация представляет собой более высокий уровень модернизации, она оказывается более чувствительной к любым кризисным процессам и явлениям. Вторичная модернизация в регионе идет достаточно вяло. Ее результатом должно стать появление наукоемкой промышленности, экологизация и глобализация производства, чего и на данный момент не наблюдается.

Сам индекс ВМ медленно растет, но не доходит пока даже до 65 рангов при общероссийском показателе 72. Не очень высокие темпы вторичной модернизации объясняются низкими показателями качества экономики и небольшой долей инноваций в знаниях. Представим в таблице 4 удельный вес субиндексов вторичной модернизации.

Таблица 4. Удельный вес субиндексов вторичной модернизации

Субиндекс	2000	2005	2010
Инноваций в знаниях	55	45	37
Трансляции знаний	57	76	86
Качества жизни	80	88	96
Качества экономики	57	63	65

Качество экономики области оставляет желать лучшего. Прежде всего, очень низкими выглядят показатели ВВП на душу населения и ВВП на душу населения по паритетной покупательной способности. Доля добавленной стоимости материальной сферы (сельское хозяйство и промышленность) в ВВП, ВВП на душу населения по паритетной покупательной способности все еще остается довольно высокой, хотя тенденция к ее снижению весьма весома.

Индекс качества жизни в регионе постепенно возрастает.

Самое большое достижение в области – снижение младенческой смертности (индекс вырос от 31 до 85), а наиболее печальные итоги по региону касаются инноваций в знаниях. Показатели здесь не просто низкие – тенденция к их снижению очевидна.

Данные о первичной и вторичной модернизации в регионе за 2011 год привести не представляется возможным. Это обусловлено тем, что в настоящее время ИФ РАН не разработаны стандартные показатели соответствующих индексов. Кроме того нет сведений о ряде показателей региона, что обусловлено особенностями ведения региональной статистики в Российской Федерации.

Однако ниже мы рассмотрим тенденции модернизации в регионе, опираясь на данные «Тульского статистического ежегодника» [1] и пролонгируя стандартные показатели 2010 года.

Относительно первичной модернизации представлять интерес могут лишь два показателя: валовой региональный продукт на душу населения и ожидаемая продолжительность жизни. Этот интерес обусловлен тем, что по остальным показателям Тульская область к 2010 году выполнила требования к значению индекса в 100 единиц.

В 2011 году валовой региональный продукт на душу населения составил 103,6% от значения предшествующего года. Это вызовет повышение соответствующего индекса лишь на 1 пункт. Данные об ожидаемой продолжительности жизни отсутствуют. Следовательно, уровень первичной модернизации региона остается прежним.

Изменения в показателях вторичной модернизации сложно назвать существенными.

Активность жителей по подаче патентов осталось на прежнем уровне (индекс – 20), число исследователей стало немногим меньше (индекс – 17), аналогично ситуация обстоит и с долей затрат на НИОКР в ВРП.

Индекс трансляции знаний в области в 2011 году подсчитать не представляется возможным.

В рамках индекса качества жизни интерес представляют два субиндекса. Один из них – доля городского населения – остался неизменным, а второй – младенческая смертность – вырос (обратный индекс) и составил значение 92 (в 2010 году он составлял 86 пунктов), что достаточно существенно.

Индекс качества экономики не претерпел существенного изменения. Поэтому мы можем предварительно констатировать, что модернизация в регионе шла очень медленно, но небольшие позитивные сдвиги все же имеются.

Подводя итог нашего исследования, отметим существенные успехи, достигнутые в модернизации Тульского региона за последнее десятилетие. И хотя темпы, в особенности вторичной модернизации оставляют желать лучшего, общая тенденция на ее продолжение является хорошим знаком, оставляющим надежду на переход к начальному фазовому уровню вторичной модернизации до 2015 года.

Источники

1. Тульский статистический ежегодник. 2011: Статистический сборник / Туластат. Тула, 2012. 415 с.
2. Хэ Чуаньци. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010): пер. с англ. / под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл.: Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. – М.: Весь Мир, 2011.

С.В. Соболева, Н.Е. Смирнова, О.В. Чудаева,
Новосибирск

Оценка угроз в формировании демографического потенциала городов Сибири*

Высокая значимость Сибири для обеспечения экономического развития и сохранения территориальной целостности страны ставит задачу ускоренного социально-демографического развития сибирских регионов в разряд стратегических приоритетов обеспечения национальной безопасности, сохранения независимости и суверенитета государства. Проблема развития демографического потенциала как приоритетного ресурса экономического роста и социального прогресса особенно актуальна в современных условиях усиления миграционных процессов на глобальном, национальном и региональном уровнях. На долю горожан в СФО на начало 2012 г. приходилось 72,2% всего населения. Здесь располагаются 130 городов, где сосредоточен основной экономический и социокультурный потенциал округа. Начиная с 1990-х гг. города Сибири являются центрами притяжения усиливающихся миграционных (в том числе трансграничных, транзитных) потоков и, как следствие, – зоной повышенного риска.

1. Сокращение численности городского населения как одна из угроз формирования демографического потенциала. За межпереписной период 2002–2010 гг. численность городского населения СФО сократилась на 409,4 тыс. человек (2,9%), из которых за счет естественного фактора – 85% и миграционного – соответственно 15%. При этом за общими средними показателями скрываются весьма существенные территориальные различия. Если численность городского населения в Омской области сократилась на 1%, то в Красноярском крае – на 3,8%, в Алтайском крае – на 4,6%, в Иркутской области – на 5,5%, а самое большое сокращение произошло в Республике Хакасия – на 7,4% и в самой урбанизированной в СФО Кемеровской области – на 6,1%.

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ №12-03-00205а.

Вместе с тем за счет высокого уровня рождаемости и положительного естественного прироста в таких субъектах, как Республика Тыва и Республика Алтай, где проживает коренное население СФО, численность городского населения выросла, соответственно, на 3,9 и 6,4%. Кроме того, при отрицательном естественном приросте только за счет миграции увеличилась численность городского населения в Новосибирской и Томской областях – соответственно на 1,9 и 3,8%.

Наибольшее сокращение численности горожан в СФО коснулось возрастной группы детей и подростков (0–15 лет), численность которой в 2002–2010 гг. сократилась на 283,5 тыс. человек (на 11%), что составляет около 70% общего сокращения численности населения округа за межпереписной период. В то же время численность населения трудоспособного возраста сократилась на 4,5%, а численность населения пенсионного возраста увеличилась на 11,2%. В результате доля детей и подростков в общей численности городского населения СФО сократилась за этот период на 1,5% при сокращении доли населения трудоспособного возраста на 1% и увеличении доли населения пенсионного возраста на 2,5%. При этом на фоне общего сокращения численности детей и подростков для всех субъектов СФО выделяется Омская область, где доля этой возрастной группы сократилась на 8,2%.

Такая ситуация сложилась в результате длительного периода (с начала 90-х годов XX века) сокращения рождаемости, роста смертности и отрицательного естественного прироста населения в СФО как в городе, так и в селе. Наибольшими темпами за счет естественного фактора сокращается население в регионах преимущественного проживания русского населения: в Алтайском крае, Кемеровской, Новосибирской и Омской областях.

Начиная с 2006 г. в СФО, как и в стране в целом, наблюдалась положительная динамика демографических показателей, что связано с общим улучшением в результате оживления экономики и с повышенным вниманием, оказанным демографической и социальной сфере, а также со структурными факторами. К 2009 г. 8 из 12 субъектов СФО имели положительный естественный прирост городского населения, однако в целом городское население продолжало уменьшаться за счет естественной убыли, но уже гораздо более низкими темпами, в то время как сельское население округа вышло на положительный прирост за счет естественного фактора. Общая численность городского населения округа впервые

за многие годы увеличилась в 2010 г. полностью за счет начавшегося с 2008 г. положительного миграционного прироста, а в 2011 г. наконец был достигнут небольшой естественный прирост.

Одним из основных отличий в формировании демографического потенциала городов СФО от сельской части округа, несмотря на рост с 2000 г., является более низкий по сравнению с селом уровень показателей рождаемости, которая является ключевой составляющей депопуляции.

Для того чтобы в долгосрочной перспективе российское население не убывало, необходимо, чтобы на смену двум родителям приходили двое детей, то есть суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей на одну женщину за весь репродуктивный период) был не менее 2,15 – это уровень простого воспроизводства населения при текущей смертности. Судя по данным за 2011 г., после повышения с 2000 г. (1,1) этот показатель составил в городах СФО всего 1,52, на селе – на 63% выше. Таким образом, рождаемость в настоящее время совершенно недостаточна для выхода из депопуляции. Более того, если мы в ближайшее время каким-то чудесным образом достигнем суммарного коэффициента рождаемости 2,15, у нас еще много лет будет идти депопуляция за счет накопленного за многие годы неблагоприятного для воспроизводства потенциала из-за того, что будут вымирать старшие, более многочисленные поколения. Следовательно, для того чтобы прекратить естественную убыль населения, нужно, чтобы суммарный коэффициент рождаемости был еще выше.

По данным за 2011 г. только городское население Республики Тыва имело достаточную рождаемость для простого воспроизводства – 2,38. Ниже средней по СФО городская рождаемость в регионах с преимущественным проживанием русского населения – в Алтайском и Красноярском краях, Новосибирской, Омской и Томской областях. Выше средней – в регионах проживания коренного населения Сибири: в республиках Алтай, Бурятия, Тыва и Хакасия, а также в Забайкальском крае, Иркутской и Кемеровской областях.

Города уже на протяжении длительного времени сами не воспроизводят себя и росли исключительно за счет миграций – за счет села, других регионов России и в последнее время главным образом за счет других стран, прежде всего Средней Азии и Казахстана. Урбанизация – важнейший фактор снижения рождаемости во всем мире. Разрушение традиционной семьи, позднее вступление в брак, распространенность внебрач-

ных сожителств, неполные семьи и внебрачная рождаемость, ухудшение здоровья населения, в том числе репродуктивного, – все это не способствует поддержанию рождаемости на уровне достаточном для простого воспроизводства. Дети – экономически совершенно не выгодны и высокзатратны на протяжении длительного периода, особенно в городах. Появление ребенка в семье закономерно приводит к значительному снижению душевых доходов, поскольку в семье дополнительно появляются два иждивенца и одновременно теряется один работник.

2. Ожидаемые изменения демографического и трудового потенциала. Благоприятные изменения, произошедшие в демографической ситуации Сибири в последние годы, могут носить кратковременный характер, поскольку основные негативные тенденции в изменении демографического потенциала городов Сибири уже заложены сложившейся половозрастной структурой населения и теми особенностями демографической ситуации, которые сложились в последнее десятилетие XX века. Именно они окажут в будущем существенное влияние на сокращение демографического потенциала восточных районов России и будут иметь долговременные как демографические, так и социально-экономические последствия.

Высокие темпы падения рождаемости в 1990-е годы уже проявляются снижением численности лиц трудоспособного возраста, сокращением трудового и мобилизационного потенциалов Сибири и России. Уменьшение численности юношей призывного возраста является угрозой обороноспособности страны, осложняет охрану протяженных границ и внутренней стабильности. Кроме того, в 1990-е гг. прошлого века сформировались негативные тенденции ухудшения здоровья населения и качественных сторон воспроизводства, которые будут иметь долговременные последствия. Предстоящее вступление в репродуктивный период относительно малочисленных поколений 90-х годов рождения с худшим здоровьем может негативно повлиять на рождаемость.

В структуре населения трудоспособного возраста СФО в ближайшее десятилетие произойдут значительные изменения, неблагоприятные для экономического развития Сибири. Если до 2007 г. численность населения трудоспособного возраста, продолжая тенденции прошлых лет, росла, а увеличение ее как в городе, так и в селе Сибири происходило в основном за счет пополнения молодого населения, вступающего в трудоспособный возраст, то после 2007 г. эта когорта населения

начала активно сокращаться не только в регионах Сибири, но и в основной части субъектов РФ. Только за 2002–2010 гг. (межпереписной период) численность молодого городского населения СФО трудоспособного возраста до 30 лет сократилась на 304,3 тыс. человек (8,4%), а численность населения 30–44 лет – на 154,9 тыс. человек (4,9%). Одновременно с этим численность населения в возрасте 45–54(59) лет увеличилась на 44 тыс. человек (на 1,8%). После переписи 2010 г. к началу 2012 г. в городах СФО численность населения трудоспособного возраста до 30 лет уменьшилась еще на 78,4 тыс. человек (на 2,4%). Это означает, что все последующие годы на протяжении длительного периода будет идти значительное снижение трудового потенциала городов Сибири не только за счет сокращения его численности, но и за счет старения возрастной структуры трудоспособного населения, а дефицит трудовых ресурсов в СФО может стать главным лимитирующим фактором развития восточных регионов страны.

Сокращение численности населения трудоспособного возраста и его доли в общей численности населения приведет к росту демографической нагрузки и увеличит число иждивенцев в расчете на одного трудоспособного в городах СФО. Особенно высок будет вклад пожилых в общую демографическую нагрузку, а это приведет в свою очередь к росту в обществе социальных расходов на поддержку всей инфраструктуры, обслуживающей пожилое население. Может потребоваться резкое увеличение налоговой нагрузки на экономику или радикальная реформа пенсионной системы. Следует также заметить, что, при прочих равных условиях, старение населения приведет к снижению рождаемости, росту смертности и заболеваемости населения, что увеличит давление на систему здравоохранения, которая и сейчас явно не справляется со своими функциями. Очень важно отметить, что эти процессы в Сибири идут параллельно с аналогичными процессами во всей стране. Такая демографическая ситуация не сможет в полной мере удовлетворить потребности экономики за счет привлечения россиян из других регионов даже при создании самых благоприятных социально-экономических условий в Сибири.

3. Современные риски в формировании миграционных процессов в городах Сибири. Сокращение численности населения порождает геополитическую опасность, грозит национальной безопасности страны. Демографический вакуум заполняется людскими и экономическими ресурсами из других стран. Особенно это важно в связи со сложившимися нарастаю-

щими потоками в восточные регионы страны трудовой миграции титульного населения из сопредельных стран ближнего и дальнего зарубежья, которые концентрируются преимущественно в городских поселениях.

Наряду с потерями за счет депопуляции СФО на протяжении длительного времени продолжает терять население в миграционном обмене с другими регионами России. В последние годы (с 2005 г.) растет миграционный прирост за счет других стран, прежде всего среднеазиатских. В результате замещающей миграции с 2008 г. имеется общий миграционный прирост, который в отдельных регионах компенсирует естественную убыль городского населения.

В течение 2012 г. на территории СФО, по данным ФМС, находилось 1073 тыс. иностранных граждан, это на 9,3% больше, чем в предыдущем году. Более 104 тыс. человек были зарегистрированы в 2012 г. как иностранные работники, и основную часть из них, около 76%, составляли граждане стран СНГ. Дальнее зарубежье было представлено в основном гражданами КНР.

Снижение численности россиян, замещение их мигрантами может привести к существенной деформации этнодемографической и, возможно, этнополитической ситуации в приграничных регионах страны. Ощущение опасности усиливается вместе с увеличением масштабов иммиграции, и в определенный момент иммиграция может достичь такого критического порогового значения, при котором принимающее общество будет не в состоянии обеспечить всестороннюю интеграцию иммигрантов. Неконтролируемая иммиграция может поставить под вопрос то необходимое качество нации, которое называется идентичностью.

В.Т. Тарасов,
Чебоксары

Качество жизни населения Чувашии в контексте социокультурного портрета*

Внедрение категории «качество жизни населения» (КЖН) в практику регионального управления обусловлено требованием времени, связанным с развитием многообразия условий жизни людей, расширением их потребностей и запросов. Большинство авторов определяют КЖН как *синтетическую, обобщенную, интегральную категорию, аккумулирующую в себе совокупность всех существенных жизненных ценностей, условий существования и развития личности, степень удовлетворения всего комплекса потребностей и интересов людей в различных формах деятельности и субъективном жизнеощущении* [1, 2, 3, 4, 5]. Данная категория развивает и углубляет традиционную категорию «уровень жизни» в рамках формирования новой, многомерной методологической парадигмы. На основе характеристик, образующих синтетическую категорию КЖН, формируются основополагающие цели социальной политики на всех уровнях управления.

Уровень жизни и проблемы ее качества в соответствии с антропосоциетальным подходом выделены в самостоятельный раздел регионального социокультурного портрета региона, предусматривающий систему типовых оценочных параметров и инструментов [6]. Данный инструментарий не является исчерпывающим в методическом плане; известны исследования, в которых на базе гораздо большего количества показателей (порядка 100 и больше) с использованием методов многомерного статистического анализа получены обобщающие характеристики качества жизни населения [1]. Вместе с тем типовой инструментарий раздела «Уровень жизни населения, проблемы ее качества» социокультурного портрета региона, несмотря на его относительную простоту и ограниченный перечень применяемых оценочных показателей, на наш взгляд, позволяет сформировать адекватное представление о данном аспекте регионального социального пространства.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №12-03-00232.

Анализ начнем с оценки уровня и динамики доходов населения республики в сравнении с общероссийскими показателями (табл. 1). Уровень среднедушевых доходов населения республики в базисном году (1995) был на 41% меньше общероссийского. В последующем пятилетии региональный и российский показатели заметно снизились, причем региональный в существенно большей мере (соответственно на 28 и 10%). Затем обозначился восстановительный и накопительный рост среднедушевых денежных доходов, однако компенсировать образовавшийся разрыв в темпах роста между показателями республики и страны в целом удалось лишь частично. За весь рассматриваемый период (1996–2011 гг.) базисные темпы роста регионального и российского показателей составили соответственно 201 и 225%.

Таблица 1. Среднедушевые доходы населения Чувашской Республики (числитель) и Российской Федерации (знаменатель) в 1995–2011 гг.

Показатель	Единица	1995	2000	2005	2008	2009	2010	2011
Среднедушевые денежные доходы населения	номинальные, руб. в месяц	<u>305*</u> 516	<u>1140</u> 2281	<u>3958</u> 8088	<u>8732</u> 14864	<u>9586</u> 16895	<u>11066</u> 18951	<u>12083</u> 20755
	реальные, в % к 2000 г.	<u>100</u> 100	<u>72</u> 90	<u>118</u> 156	<u>187</u> 210	<u>187</u> 213	<u>201</u> 225	<u>201</u> 227
Средняя заработная плата	номинальная, руб. в месяц	<u>253,0*</u> 472,4	<u>1196</u> 2223	<u>5073</u> 8555	<u>11147</u> 17290	<u>11529</u> 18638	<u>13004</u> 20952	<u>14896</u> 23369
	реальная, в % к 2000 г.	<u>100</u> 100	<u>83</u> 91	<u>172</u> 176	<u>276</u> 259	<u>260</u> 250	<u>274</u> 264	<u>288</u> 271
Средний размер назначенных месячных пенсий	номинальный, руб. в месяц	<u>197,4*</u> 242,6	<u>743</u> 823	<u>2267</u> 2538	<u>4058</u> 4546	<u>5517</u> 6177	<u>6800</u> 7594	<u>7411</u> 8273
	реальный, в % к 2000 г.	<u>100</u> 100	<u>90</u> 83	<u>146</u> 135	<u>187</u> 175	<u>239</u> 218	<u>266</u> 246	<u>280</u> 256
Коэффициент Джини	коэффициент	<u>0,284</u> 0,387	<u>0,309</u> 0,395	<u>0,335</u> 0,409	<u>0,363</u> 0,422	<u>0,363</u> 0,422	<u>0,366</u> 0,421	<u>0,363</u> 0,417
Коэффициент фондов	коэффициент	<u>6,4</u> 13,5	<u>7,5</u> 13,9	<u>9,0</u> 15,2	<u>11,0</u> 16,8	<u>11,0</u> 16,7	<u>11,2</u> 16,5	<u>11,0</u> 16,2
Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	%	<u>27,0</u> 24,8	<u>51,3</u> 29,0	<u>26,7</u> 17,8	<u>18,9</u> 13,4	<u>19,0</u> 13,0	<u>18,2</u> 12,6	<u>19,3</u> 12,7
<p>* Тys. руб. Источник данных для расчета: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012. Табл. 5.1; 2010. Табл. 5.1; 2009. Табл. 5.1; 2008. Табл. 5.1; 2006. Табл. 4.1; 2004. Табл. 4.1; 2001. Табл. 4.1; 1999. Табл. 4.1; Центральная база статистических данных Росстата. Доходы и уровень жизни. Показатели социально-экономической дифференциации. Коэффициент Джини. Коэффициент фондов. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в процентах от общей численности населения: http://cbsd.gks.ru/#</p>								

Похожая картина наблюдалась и по показателю средней номинальной заработной платы: вначале (1996–2000 гг.) – значительное и более выраженное снижение его уровня по сравнению с общероссийским (соответственно на 17 и 9%), затем (2001–2011 гг.) – восстановительный и накопительный его рост как в республике, так и по стране в целом. Однако в этом случае удалось не только компенсировать первоначально увеличившийся разрыв в уровнях регионального и общероссийского показателей, но и в определенной мере сократить его. Уровень средней номинальной заработной платы занятых в экономике Чувашии относительно общероссийского увеличился с 54% в 1995 г. до 59% в 2005 г. и до 64% в 2011 г. Базисные индексы регионального и российского показателей за весь анализируемый период соответственно составили 288 и 271%.

Наименьшее отставание Чувашии от России наблюдалось по показателю среднего размера назначенных пенсий (на 19% в 1995 году). В период с 1995 по 1999 г. темпы роста данного показателя опережали общероссийские, вследствие чего отставание республики от России к 2000 г. сократилось почти в 2 раза (до 10%) и практически стабилизировалось на данном уровне вплоть до 2011 г. Базисные индексы регионального и российского показателей за весь анализируемый период соответственно составили 280 и 256%.

Учет региональной дифференциации цен (паритета покупательной способности рубля) в макроэкономических стоимостных показателях республики заметно меняет представление о мере отставание Чувашии от общероссийских параметров. Ввиду более низкого общего уровня региональных цен на потребительские товары и услуги это отставание уменьшается на 10–15 и более п.п. по целому ряду вышеперечисленных показателей, а уровень среднего размера назначенных пенсий вообще становится на 7–10% выше общероссийского уровня.

В Чувашии по мере ускоренного роста средней заработной платы и душевых денежных доходов (относительно страны в целом) усиливается неравенство в их распределении и повышается степень социального расслоения населения. Коэффициент фондов, определяемый в виде соотношения между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими и низкими доходами, увеличился с 6,4 в 1995 году до 7,5 в 2000 году и до 11 в 2011 г. Аналогичную динамику демонстрирует и коэффициент Джини, который показывает, какую часть совокуп-

ных доходов следовало бы перераспределить для достижения абсолютного равенства в их распределении. В настоящее время в республике уровень экономического неравенства существенно ниже, чем в среднем по стране, и, по-видимому, не является критическим. Однако он уже превысил рациональный уровень [9]. Региональные коэффициенты Джини и фондов в 2010 г. достигли наивысшего уровня и составили соответственно 0,366 и 11,2 против 0,421 и 16,5 по стране в целом. В следующем году, судя по понизившимся немного значениям отмеченных показателей, острота экономического неравенства в республике и в стране несколько снизилась, однако нет достаточных оснований говорить о смене характера этой негативной тенденции.

Важной характеристикой денежных доходов населения является структура их формирования по источникам. Наибольший вес в структуре доходов населения республики и страны в целом в 1995–2011 гг. приходился на оплату труда. Ее доля варьировалась в пределах 35–40% и несильно отличалась от общероссийского уровня (37–40%), за исключением 2005 г., в котором она доходила до 47%. Второе место в общей структуре доходов населения республики занимали социальные выплаты, при этом их значимость последовательно возрастала: от 18% в 1995 г. до 26% в 2011 г.

В отличие от Чувашии, в структуре доходов населения страны в целом на втором месте находился плохо детализируемый источник под названием «Другие доходы (включая «скрытые»)» (табл. 2). Специалисты утверждают, что на долю скрытых доходов в итоге данной позиции приходится свыше 90% [7]. В целом по стране доля данного источника весьма устойчива и колебалась в небольшом диапазоне – 26–28%.

Таблица 2. Структура денежных доходов населения РФ и Чувашской Республики (ЧР)
(в % от общего объема денежных доходов)

Показатель	1995 г.		2000 г.		2005 г.		2010 г.		2011 г.	
	РФ	ЧР	РФ	ЧР	РФ	ЧР	РФ	ЧР	РФ	ЧР
Доходы от предпринимательской деятельности	16,4	27,5	15,4	16,6	11,4	13,8	8,9	9,5	8,9	9,2
Оплата труда	37,8	34,8	36,5	39,6	39,6	47,0	40,3	38,4	40,1	38,4
Социальные выплаты	13,1	17,5	13,8	19,0	12,7	19,1	17,7	24,6	18,3	26,1
Доходы от собственности	6,5	3,7	6,8	5,1	10,3	2,8	6,2	3,1	5,2	2,7
Другие доходы (включая «скрытые»)	26,2	16,5	27,5	19,8	26,0	17,3	26,9	24,4	27,5	23,6

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012. Табл. 5.6; 2007. Табл. 4.6.

Между тем уровень регионального показателя по данному источнику несколько меньше общероссийского, он соизмерим с предыдущим источником, и его тенденция также имела возрастающий характер. Так, доля указанного источника увеличилась с 17% в 1995 г. до 20% в 2000 и 24% в 2011 г.

В то же время доля доходов населения республики и всей страны от предпринимательской деятельности в основном снижалась. Начиная с 2000 г. показатели республики и страны незначительно различались между собой: в 2000 г. соответственно 17 и 15%, в 2005 г. – 14 и 11, в 2011 г. – 9%. Только в 1995 г. эти показатели сильно различались – соответственно 28 и 16%.

Последний источник в структуре доходов населения – доходы от собственности – в республике примерно в два раза меньше, чем по стране в целом: 3–5% против 5–10%, что свидетельствует о низкой инвестиционной активности в региональной экономике.

Анализ макроэкономических показателей региона и отдельных частных показателей, несмотря на их важность, не позволяет сформировать полного представления о различных сторонах его социального развития. Необходим комплексный подход к построению системы статистических показателей, характеризующих различные аспекты социального среза общественной жизни региона. В научной литературе предложены различные подходы к построению и оцениванию обобщающих представительных характеристик социального развития регионов с применением разнообразных методов скаляризации исходной информации многомерного характера. Один из наиболее распространенных приемов построения обобщающих представительных характеристик состоит в расчете различного рода средних значений величин исходного массива данных, чаще всего предварительно нормируемых [2, 5, 8].

В «Программе и типовом инструментарии...» приведен перечень комплексных индексов, рекомендуемых для характеристики социокультурных портретов регионов, в том числе «Комплексный индекс качества жизни» ($I_{КЖ}$) [6, с. 41-42]. Особенность данного индекса состоит в том, что он учитывает два аспекта формирования представлений о качестве жизни населения – *объективный* и *субъективный*. В рамках первого аспекта рассчитывается так называемый «кризисный» индекс КЖН (I_K), предложенный Н.В. Зубаревич [5, с. 97-98]. Он рассчитывается как простая средняя четырех индексов, выраженных в линейной нормированной

шкале, — A , B , C и D , где A — индекс отношения среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму; B — индекс доли населения с доходами ниже прожиточного минимума; C — индекс уровня занятости населения; D — сводный индекс здоровья, рассчитываемый в виде простой средней двух индексов: 1) ожидаемой продолжительности жизни (D_1) и 2) младенческой смертности (D_2). При этом в ходе процедуры линейного нормирования для приведения индексов в сопоставимый вид показатели-дестимулянты (B , D_2) нормируются соответствующим образом. Заметим, что агрегирование всех пяти компонент кризисного индекса осуществляется на условиях, по сути, их безграничной эластичности замещения.

Представления о качестве жизни населения в рамках второго аспекта формируются на основе субъективного восприятия населением его различных сторон с помощью мультикомпонентного индекса социального самочувствия населения (I_{CC}). Исходные оценки получают путем социологических опросов, в которых респонденты выражают степень своего согласия или несогласия с предлагаемыми ответами по 5-балльной шкале: от определенно позитивного (5 баллов) до четко негативного (1 балл); при этом ответы нормируются по линейной шкале от 0 до 1. Индекс социального самочувствия населения рассчитывается как простая средняя трех коэффициентов: 1) защищенности населения (K_3), представленной простой средней нормированных значений 10 социальных опасностей, отмеченных респондентами в ответах на вопрос №46; 2) степени удовлетворенности населения своей жизнью в целом (K_y) — ответ на вопрос №18; 3) социального оптимизма (K_o), представленного простой средней нормированных значений ответов на вопросы №17, 28.1, 29.

Комплексный индекс качества жизни ($I_{КЖ}$) предлагается определять в виде произведения *кризисного индекса качества жизни населения (I_k)* и *индекса социального самочувствия населения (I_{CC})*. Построенный таким образом индекс качества жизни $I_{КЖ}$, в определенном смысле, синтезирует два концептуальных подхода — «потребностный» и «рискологический», которые некоторыми исследователями рассматриваются даже как альтернативные [10]. Кроме того, в данной конструкции объединяются два других подхода — *пространственный* и *временной*. Дело в том, что кризисный индекс КЖН региона носит пространственный характер и показывает лишь его место в распределении совокупности регионов по линейно нормированной шкале в определенном периоде времени. По изменению его значений, рассчитанных для различных периодов

времени, нельзя судить о динамике изменений в КЖН отдельного региона, не зная характера общесистемной (общероссийской) динамики. Например, если общероссийская динамика носит понижательный характер, а региональные показатели при этом снижаются в меньшей мере, то значение регионального индекса повысится, что, конечно же, не свидетельствует о повышении качества жизни в данном регионе. Наоборот, в случае более медленного роста региональных показателей относительно общероссийской динамики значение регионального индекса понизится, хотя качество жизни населения в регионе при этом повысится. Существуют различные методы определения общесистемной динамики на основе многомерных измерений, их обзор не входит в нашу задачу. Элементарно о характере общесистемной динамики можно судить по изменению общероссийского кризисного индекса качества жизни. С другой стороны, субъективное восприятие населением региона изменений в качестве жизни, которое предлагается учитывать в составе комплексного индекса, соответствует временному аспекту анализа.

В табл. 3 представлены значения кризисного и комплексного индексов качества жизни населения Чувашии и России в 2005–2011 гг., включая их составные компоненты в ненормированном виде. Данные социологического опроса, проведенного в 2012 г., в таблице соотнесены с данными статистических показателей 2011 г. Прежде всего, отметим положительные, хотя и не столь интенсивные, как хотелось бы, изменения в общероссийской динамике КЖН, представленной кризисным индексом. Его уровень последовательно повышался с 0,62 в 2005 г. до 0,66 в 2010 г. и незначительно снизился до 0,64 в 2011 г.

Характеризуя уровень и динамику регионального кризисного индекса, выделим два момента: 1) позиция республики среди всех регионов страны по линейно нормированной шкале находилась ниже среднего уровня, но чуть выше медианного¹; 2) тенденция значений индекса к изменению оказалась слабовыраженной. На протяжении 2005–2011 гг. нормированное значение регионального индекса находилось на уровне 54–56%. Однако разброс нормативных (ранговых) уровней у его компонент оказался довольно велик.

¹ Для характеристики нормативных уровней линейно нормированных индексов мы использовали широко известную вербально-числовую шкалу Харрингтона, в соответствии с которой выделяются 5 градаций с соответствующими диапазонами их числовых значений (в %): «очень низкая» (0–20); «низкая» (20–37); «средняя» (37–64); «высокая» (64–80); «очень высокая» (80–100).

Таблица 3. Индексы качества жизни населения Чувашской Республики (числитель), РФ (знаменатель) и их компоненты в 2005–2011 гг.

Показатель	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму*, %	<u>2,08</u> 2,63	<u>2,27</u> 2,88	<u>2,54</u> 3,27	<u>2,67</u> 3,48	<u>2,51</u> 3,35	<u>2,54</u> 3,41	<u>2,55</u> 3,40
Доля населения с доходами выше прожиточного минимума, %	<u>73,3</u> 82,2	<u>79,0</u> 84,8	<u>79,8</u> 86,7	<u>81,1</u> 86,6	<u>81,0</u> 87,0	<u>81,8</u> 87,5	<u>80,7</u> 87,3
Уровень занятости населения, %	<u>58,3</u> 61,1	<u>61,8</u> 61,4	<u>61,6</u> 63,0	<u>62,5</u> 63,4	<u>60,9</u> 62,1	<u>62,0</u> 62,7	<u>63,6</u> 63,8
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	<u>66,4</u> 65,3	<u>67,0</u> 66,6	<u>67,4</u> 67,5	<u>67,8</u> 67,9	<u>70,0</u> 68,7	<u>68,5</u> 68,9	<u>69,7</u> 69,8
Младенческая смертность, ‰	<u>7,8</u> 11,0	<u>9,1</u> 10,2	<u>6,5</u> 9,4	<u>5,9</u> 8,5	<u>6,7</u> 8,1	<u>5,4</u> 7,5	<u>3,5</u> 7,4
Кризисный индекс качества жизни	<u>0,54</u> 0,62	<u>0,56</u> 0,62	<u>0,54</u> 0,63	<u>0,56</u> 0,64	<u>0,54</u> 0,65	<u>0,55</u> 0,66	<u>0,54</u> 0,64
Коэффициент защищенности населения	×	<u>0,67</u> 0,58	×	×	×	×	0,63
Коэффициент степени удовлетворенности населения своей жизнью в целом	×	<u>0,68</u> 0,66	×	×	×	×	0,65
Коэффициент социального оптимизма	×	<u>0,56</u> 0,58	×	×	×	×	0,66
Индекс социального самочувствия	×	<u>0,63</u> 0,61	×	×	×	×	0,64
Комплексный индекс качества жизни	×	<u>0,35</u> 0,38	×	×	×	×	0,35
*Среднегодовые значения величин прожиточного минимума рассчитывались на основе их поквартальных данных. Источник данных для расчета: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012. Табл. 3.11, 5.1; 2010. Табл. 5.1; 2008. Табл. 5.1; [6, с. 77]; результаты опроса (2012, вопрос №17, 18, 28.1, 29, 46); Центральная база статистических данных Росстата. Доходы и уровень жизни. Величина прожиточного минимума; Демография. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении; Региональный блок. Уровень жизни населения. Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в % от общей численности населения; Занятость и заработная плата. Уровень занятости населения: http://cbsd.gks.ru/#							

Так, компонента *A* (отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму) в рассматриваемом периоде находилась в группе очень низких значений в диапазоне 9–16%; при этом его динамика до 2010 г. имела повышательный характер с некоторым снижением в 2010–2011 гг. под влиянием кризиса.

В то же время сложилась неблагоприятная понижательная тенденция значений компоненты *B* (доля населения с доходами выше прожиточного минимума), вследствие чего ранговый уровень данной компоненты в 2009–2011 гг. понизился с высокого на средний. Так, значения данной компоненты в 2005–2008 гг. варьировались в диапазоне 67–71%, а в последующем субпериоде – на уровне 60–63%.

Значения компоненты C (уровень занятости населения) во всем периоде находились в градации высоких уровней и демонстрировали пульсирующий характер в диапазоне 65–71%.

Компоненты D_1 (ожидаемая продолжительность жизни, лет) и D_2 (младенческая смертность), представляющие сводный индекс здоровья, в целом формировали положительную тенденцию кризисного индекса, в особенности D_2 , хотя их нормированные значения соответствовали разным интервальным группам линейной шкалы: D_1 варьировался в диапазоне средней градации (40–64%), а D_2 – в диапазоне очень высокой градации (91–97%).

Итак, суммарное агрегирование всех пяти компонент регионального кризисного индекса обусловили его позицию немногим ниже среднего уровня по стране в целом без явно выраженной тенденции к изменению. При этом положительное влияние на формирование генеральной тенденции кризисного индекса оказывали компоненты A и D при отрицательном и нейтральном влиянии соответственно компонент B и C .

Напомним, кризисный индекс КЖН характеризует его объективную сторону, фиксируемую официальной статистикой. Если же представления об объективных аспектах качества жизни дополнить его субъективными оценками населения по результатам социологических опросов, то получим сводную характеристику КЖН, представленную комплексным индексом. К сожалению, его значение за период между двумя социологическими опросами практически не изменилось (0,35), несмотря на незначительный рост индекса социального самочувствия (с 0,63 в 2006 г. до 0,64 в 2012 г.), что в целом согласуется с предыдущими выводами.

Таким образом, следует признать, что в регионе на фоне умеренной социокультурной сбалансированности сложился уровень качества жизни населения немного ниже общероссийского. В источниках доходов населения существенную роль играют социальные выплаты при относительно низкой доле доходов от собственности. Темпы изменения качества жизни населения в основном соответствуют общероссийским тенденциям, вследствие чего место республики в ряду других регионов практически не меняется, а отставание от среднего уровня приняло хронический характер. По всей видимости, темпы социально-экономической модернизации республики недостаточны для решения задач по сокращению разрыва показателей республики со средним уровнем.

Источники

1. Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения: эконометрический подход. Москва: Наука, 2012. 430 с.
2. Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социс. 2009. №1. С. 33-42.
3. Бобков В. Управление качеством жизни населения // Проблемы теории и практики управления. 2005. №3.
4. Егоршин А.П., Зайцев А.К. Качество жизни населения региона: монография. Н.Новгород: НИМБ, 2002. 122 с.
5. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: Едиториал УРСС, 2003. 264 с.
6. Лапин Н.И., Беляева Л.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2010. 111 с.
7. Литвинцева Г.П., Стукаленко Е.А. Дифференциация официальных и скрытых доходов населения в регионах России // Вопросы управления. 2010. №4. С. 39-44.
8. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Пер с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина; Предисл.: Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. 256 с.
9. Шевяков А.Ю. Факторы неравенства в экономической и демографической динамике и формирование новой социальной политики государства // Уровень жизни населения регионов России. 2008. №5. С. 62-70.
10. Шекотин Е.В. Качество жизни в глобальном обществе риска: методологический подход // Теория и практика общественного развития. 2011. №8. С. 167-171.

А.Н. Тарасова, И.Я. Арбитайло,
Тюмень

Медицинское обслуживание в Тюменской области: проблемы и направления развития*

В настоящее время проблемам здравоохранения уделяется повышенное внимание. Общеизвестен тот факт, что богатством общества, его стратегическим ресурсом являются не только материально-вещественные ресурсы, но и человеческий капитал. Его сохранение, преумножение, воспроизводство во многом зависит от функционирования системы медицинского обслуживания в государстве. И сегодня поддержание и укрепление здоровья граждан является одной из необходимых предпосылок социально-экономической модернизации страны.

Рассматриваемая проблема актуальна в связи с обострением противоречий между потребностью членов общества в качественной и доступной медицинской помощи и состоянием современной системы здравоохранения. Цель данной статьи – оценить отношение населения к государственному медицинскому обслуживанию, выделить основные проблемы медицинского обслуживания в Тюменской области и обозначить основные направления работы по совершенствованию современной системы здравоохранения.

Как отмечают Э.Н. Кулагина и С.Г. Захарова в своей статье «Институциональные инновационные преобразования социальных отраслей», в настоящее время существуют объективно сложившиеся факторы, осложняющие ситуацию в сфере здравоохранения. К ним относятся недостаточный уровень финансирования социальной сферы в связи с трудностями посткризисного развития; наличие существенных внутренних противоречий между экономической и социальной сферами современных общественных отношений, а также между устоявшимися традиционными принципами предоставления социальных услуг и нововведениями, которые с большой трудностью принимаются обществом; неопределенность направлений и методов развития ранее отлаженной системы

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 12-03-00304 а «Интегральная оценка регионального развития на материалах социокультурного мониторинга».

функционирования медицинских учреждений; проблемы, связанные с неудовлетворенностью соотношением цены и качества медицинских услуг [2].

Даже несмотря на реализацию активно пропагандируемого национального проекта «Здравоохранение», отечественная государственная система здравоохранения недофинансируется. Так, по рекомендации ВОЗ доля расходов на здравоохранение должна составлять не менее 5–6% от ВВП, и все развитые страны придерживаются этого стандарта. В России же эти расходы не превышают 3% (2,1–2,6% от ВВП), а в Тюменской области и одного процента от ВРП (рис. 1).

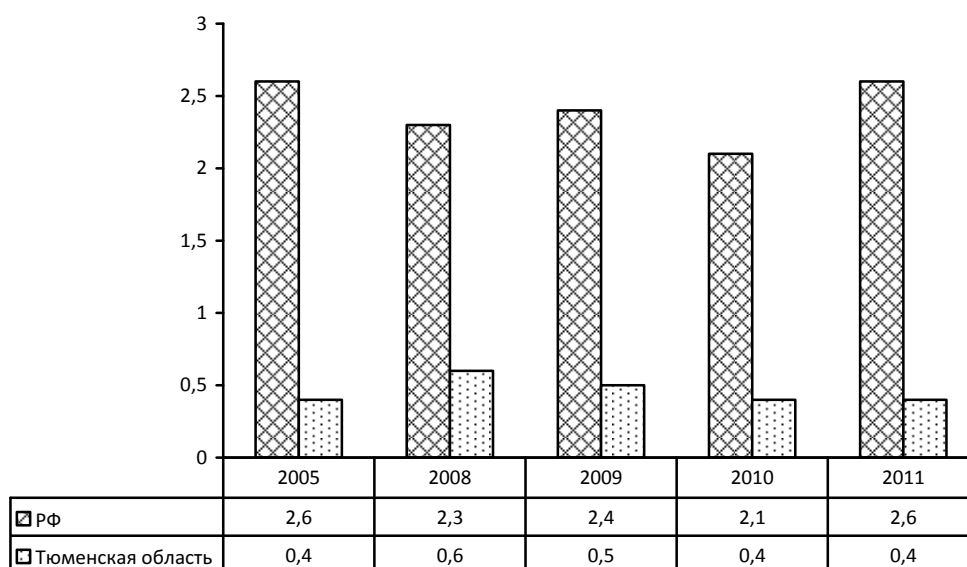

Рисунок 1. Доля расходов на здравоохранение* в ВВП (ВРП), в %

* В 2003–2010 гг. расходы на здравоохранение и физическую культуру.

Источник: построено по данным [3].

Период экономических и социальных трансформаций в современной России на рубеже XX–XXI вв. охарактеризовался смещением ответственности за сохранение здоровья населения с государственного уровня на самих граждан. Государство сняло существовавшие правовые и организационные барьеры в оказании платных медицинских услуг, развитии частного сектора здравоохранения, т.е. делается акцент на развитии негосударственного сектора здравоохранения и переориентации на коммерциализацию предоставления медицинских услуг.

Считается, что это позволит повысить эффективность работы медицинских учреждений и наиболее полно удовлетворять потребности населения в качественных услугах. Действительно, определенный резон в этом есть и, как правило, организации рынка платных медицинских услуг более ориентированы на внимательное отношение к пациентам, их потребностям. Но проблема в том, что население не готово к полной коммерциализации здравоохранения. Далеко не все смогли адаптироваться к изменившимся социально-экономическим условиям, многие применяют устаревшие стереотипы поведения и не ориентируются на лечение в платных медицинских учреждениях, обращаясь к ним лишь в случае крайней необходимости.

Согласно данным исследования, проведенного весной 2013 года в рамках проекта «Социокультурный портрет Тюменского региона» (всего опрошено 3054 человека, ошибка выборки – 1,8% по одному признаку), активно пользуются услугами платного здравоохранения не более одной пятой опрошенного населения. Причем роста потребителей с 2006 года не отмечается, а в период кризиса доля прибегающих к услугам платных медицинских учреждений и частных врачей даже немного сократилась (рис. 2).

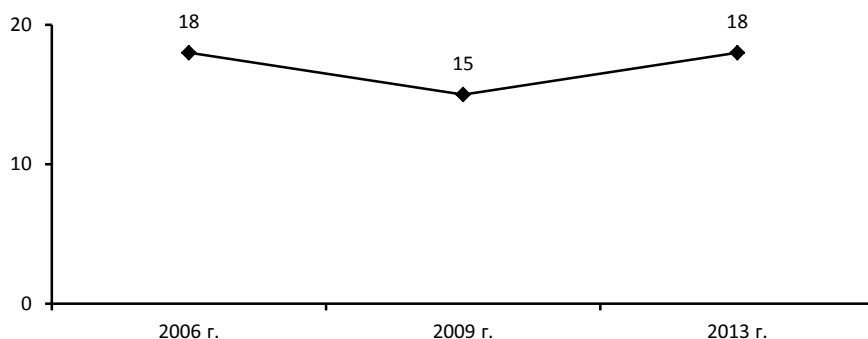

Рисунок 2. Доля населения Тюменской области, пользующаяся услугами платных медицинских учреждений и частных врачей (в % от числа опрошенных)

Источник данных за 2006 и 2009 годы: [4].

Для получения медицинской помощи основная часть населения Тюменской области по-прежнему обращается в поликлинику или медпункт по месту жительства, пользуясь полисом обязательного медицинского страхования (рис. 3). Менее трети опрошенных оплачивали полученную медицинскую помощь самостоятельно.

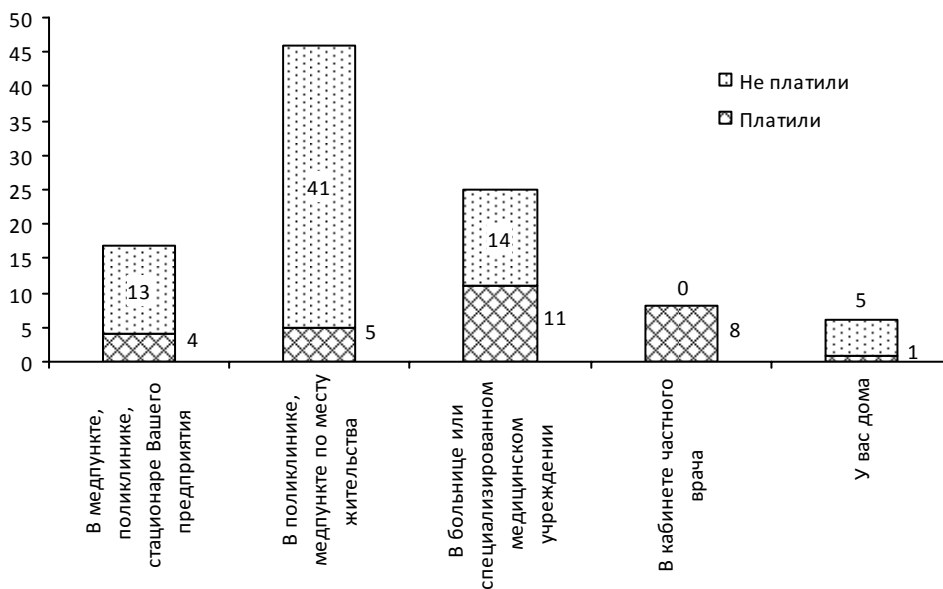

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Где Вы получили медицинскую помощь последний раз и платили ли Вы за это?» (в % от числа опрошенных, n=3054, 2013 г.)

Таким образом, на данный момент частный сектор, расширяя выбор потребителя, является лишь дополнением к государственному медицинскому обслуживанию, но не может полностью заменить его в силу доминирующих представлений о том, что медицинская помощь должна быть бесплатной. Формируется отношение к платным медицинским услугам как обладающим более высоким качеством по сравнению с бесплатными, но никак к их возможной альтернативе.

Полученные данные подтверждают невысокий общий уровень удовлетворенности пациентов амбулаторно-поликлинической помощью. Анализ показывает, что большая часть населения региона основной причиной неудовлетворенности государственным медицинским обслуживанием считает сложность доступа к врачу, причем эта причина одинаково значима для разных возрастных групп (рис. 4).

Назначение врачом дорогостоящих лекарственных препаратов (причина, занимающая 2 место в рейтинге причин неудовлетворенности) становится наиболее значимой причиной неудовлетворенности медобслуживанием для лиц пенсионного возраста (если среди работоспособного населения данную причину указывают порядка 23–24% опрошенных, то в возрастной группе от 55 лет – 31%, а в возрасте от 65 лет – 41% опрошенных).

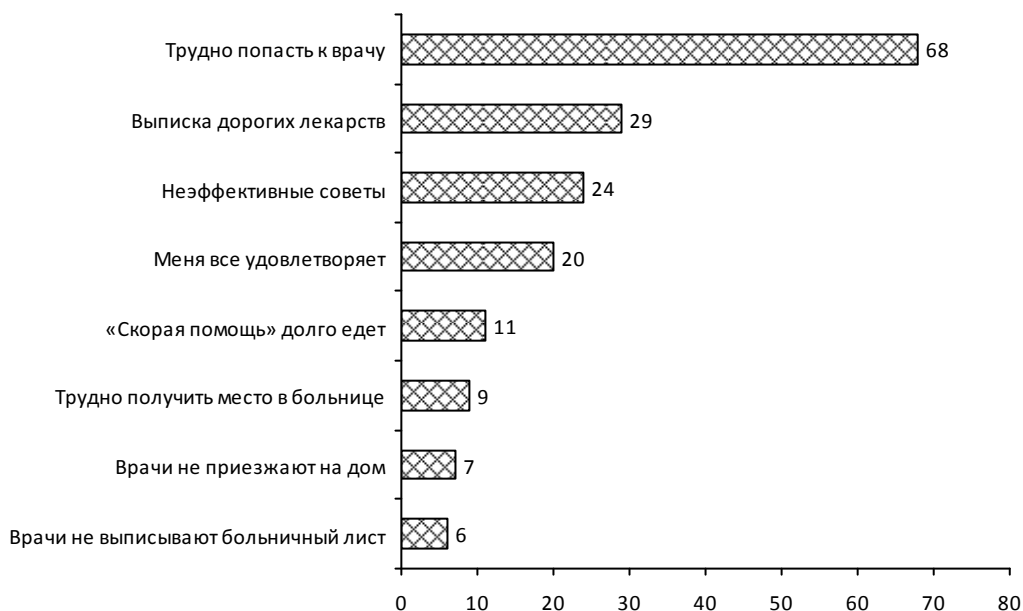

Рисунок 4. Причины неудовлетворенности системой государственного медицинского обслуживания (в % от числа опрошенных, n=3054, 2013 г.)

Старшие возрастные группы также чаще отмечают, что им трудно получить место в больнице. Таким образом, лица старшего возраста находятся в наиболее уязвимом положении, что связано с их меньшими материальными возможностями по сравнению с трудоспособным населением. Соответственно вполне закономерно, что среди опрошенных людей старше 65 лет доля в целом удовлетворенных государственным медицинским обслуживанием на 5-8% меньше, чем во всех остальных возрастных группах.

Оценка качества государственного медицинского обслуживания тесно связана с уровнем материального положения респондентов. Действительно, чем выше материальное положение, тем больше возможностей у человека для сохранения (поддержания) своего здоровья на должном уровне. Более высокие ожидания в отношении медицинской помощи имеют пациенты, получающие ее за плату. Внимание этой группы пациентов привлекают уровень сервисного обслуживания, престиж организации, квалификация персонала.

Таким образом, в действующей системе здравоохранения сложилась острая необходимость к переменам и изменению существующего состояния. Это подтверждается не только субъективными показателями (отно-

шение населения к системе здравоохранения, удовлетворенность качеством предоставляемых услуг), но и объективными показателями, характеризующими современную систему здравоохранения России (например, состояние здоровья населения). Так, средняя продолжительность жизни в России значительно ниже, чем в развитых странах, что уже характеризует отечественную систему здравоохранения как недостаточно эффективную. Одной из главных проблем является низкое качество оказания медицинских услуг, выражающееся, прежде всего, в больших очередях и трудности доступа к врачу (и это несмотря на то, что число врачей на 1000 человек населения в России в целом и в Тюменской области в частности даже больше в сравнении со стандартом развитых стран).

Предлагаются различные меры для повышения качества. Как уже отмечалось, одним из перспективных направлений рассматривается развитие системы платного здравоохранения, которое благодаря развитию конкуренции на рынке медицинских услуг будет способствовать повышению качества. В условиях роста доходов населения Тюменской области и ограниченности выделяемых ресурсов на развитие здравоохранения можно было бы предположить, что объем платных услуг для удовлетворения потребностей человека в медицинской помощи будет постоянно увеличиваться. Однако это оказалось не так. Несмотря на наличие объективных условий для развития, рынок платных медицинских услуг в Тюменской области практически не растет, что связано с социокультурными особенностями населения, которое, несмотря на неудовлетворенность государственным медицинским обслуживанием, все же предпочитает лечиться бесплатно.

Еще одним направлением, наиболее активно реализуемым в Тюменской области, становится информатизация системы здравоохранения, которая позволяет усовершенствовать работу медицинских учреждений, улучшает уровень оказания медицинских услуг, улучшает и упрощает работу сотрудника лечебно-профилактических учреждений и систематизирует данные для дальнейшей работы с ними. Для решения проблем информатизации системы здравоохранения и повышения качества медицинского обслуживания и работы в целом Тюменской области была разработана Интегрированная региональная информационная система (ИРИС). Создание ИРИС позволяет решить целый ряд задач. Одной из таких задач является интеграция информационных потоков в одно информационное пространство в области здравоохранения, что дает воз-

возможность использовать ее в качестве основы для управления медицинской сферой по области в целом и представляет решение, которое позволяет автоматизировать процессы работы и обслуживания в медицинских учреждениях. Другой задачей является возможность распланировать, а затем правильно и эффективно использовать ресурсы при лечении. Третья задача – создание необходимых условий для обеспечения и удовлетворения потребностей в информации граждан и органов управления. Четвертой задачей является эффективное отраслевое, а также межотраслевое взаимодействие. Последней задачей является возможность равной доступности для всех к информации и информационным технологиям в здравоохранении. Данная система ориентирована и на удовлетворение потребностей граждан в информационном обеспечении процесса лечения, например, организации записи через интернет порталы, инфокиоски и др. Насколько отразится внедрение ИРИС на повышении эффективности работы организаций системы здравоохранения Тюменской области и решении проблем качества медицинских услуг, пока сложно оценить, учитывая, что она действует менее года и еще продолжает совершенствоваться. Однако данная разработка, несомненно, отражает инновационный подход к развитию здравоохранения в регионе.

Источники

1. Глухова Л.В., Золотарева Е.Н. Управление качеством медицинских услуг на основе стандартизации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012 №1(25). С. 91-99.
2. Кулагина Э.Н., Захарова С.Г. Институциональные инновационные преобразования социальных отраслей // Вестник Нижегородского университета им. И.Н. Лобачевского. 2012. №2. С. 141-148.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2012 [Эл. ресурс]. Режим доступа: www.gks.ru.
4. Социокультурный портрет Тюменской области: коллективная монография / науч. ред. Г.Ф. Ромашкина, В.А. Юдашкин. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2011.
5. Тельнова Е.А. Качество оказания медицинской помощи как основная задача системы здравоохранения // Вестник Росздравнадзора. 2010. №5. С. 4-9.

Т.А. Филановская,
Владимир

Зрительские предпочтения спектаклей как внутренний фактор модернизации российского театра

Исследование процессов социокультурной модернизации во Владимирском регионе инициирует обращение к анализу субъективных представлений населения о качестве своей жизни. Социальное самочувствие людей, безусловно, детерминировано экономическим уровнем жизни, степенью доверия людей руководителям муниципальных образований, защищенностью от главных социальных опасностей, а также удовлетворенностью социально-досуговыми услугами. Институты художественной жизни призваны удовлетворять культурные, просвещенческие и образовательные запросы населения. Система библиотечного обслуживания, дополнительное образование детей в сфере культуры, дома и дворцы культуры, театральные-концертные комплексы находятся в процессе структурной, организационной, финансовой модернизации. Однако управляя процессами нововведений, следует в первую очередь отталкиваться от запросов, предпочтений главного субъекта социокультурной сферы – человека, который выступает в роли читателя, слушателя, зрителя. В процессе моделирования стратегии развития профессиональных и любительских театральных комплексов необходимо обращение к анализу зрительских предпочтений современной драматургии и режиссуры театрального искусства. Это позволит определить социальное самочувствие, актуальные базовые художественные и нравственные ценности населения.

Текущий репертуар Владимирского академического областного драматического театра включает 28 спектаклей различной художественной стилистики и содержательной палитры. На основе зрительского форума попытаемся проанализировать зрительские предпочтения на предмет академичности и новаторства в современной режиссуре. Форма заочного обсуждения спектаклей на сайте театра – замечательный метод социологических исследований хотя бы потому, что он показывает практически абсолютный уровень объективности.

Нужно отметить, что форум – достаточно «горячее» место столкновений различных оппозиционных точек зрения зрителей, актеров, критиков. Для анализа предпочтений выберем три спектакля, отличающиеся художественно-стилистической системой режиссуры. Это комедия «На всякого мудреца довольно простоты» по пьесе Н.А. Островского в постановке режиссера С.А. Морозова, премьера которой состоялась 4 марта 2011 года. Второй спектакль – по пьесе У. Шекспира «Виндзорские насмешницы» – на сцене Владимирского театра драмы поставил режиссер В.Л. Гурфинкель, премьера состоялась 19 мая 2011 года. Еще один спектакль, вызывающий бурные отзывы зрителя, – «Три сестры» по одноименной пьесе А.П. Чехова в постановке А.А. Огарёва, премьера этого спектакля состоялась 13 сентября 2010 года. Все спектакли имеют в своей драматургической основе классическое литературное наследие, обращаются к вечным духовно-нравственным ценностям, побуждают к размышлениям о смысле жизни, о назначении человека, о культурных доминантах общества, о сложном переплетении добродетелей и пороков. Однако художественная стилистика спектаклей различна, она обусловлена двумя разными системами актерского мастерства – школой проживания К.С. Станиславского и западной актерской школой представления.

Спектакль «На всякого мудреца довольно простоты» вызывает много позитивных откликов зрителей, он импонирует целостностью прочтения, гармонией драматургического действия, музыкального материала и сценографией, а также отличается современным темпо-ритмом, хорошо подобранным актерским ансамблем. Вот некоторые отзывы о спектакле: «Пьеса Островского «На всякого мудреца довольно простоты» в постановке Сергея Морозова – это классика нашего времени. В ритме танго пылкая, остроумная, стильная постановка заставляет и в 21 веке посмеяться над персонажами и над собой» [1]. Приведем отзыв грамотного зрителя, целостно и детально воспринимающего драматургическое действие: «Спектакль с отличным сценическим решением. Хорошо построены мелкие сцены, да и актёры весь спектакль словно внутри себя танцуют танго, такими чувственными они кажутся на сцене. Удивительное цветовое решение, наряды прекрасны, и хорошо, что они не из 19 века, а современные, я бы даже сказала, на все времена» [1]. А ведь этот спектакль поставлен по канонам классической режиссуры, подчинен единому действию. Шедевр русской драматургии, эта сатирическая комедия

и сегодня заряжена неиссякаемыми культурно-социальными смыслами. Проблемы, поднятые автором в 19-м веке, находят отклик в сердцах современных зрителей. Пьеса пользуется в настоящее время популярностью у зрителей разного возраста во многом благодаря таланту режиссера, его академическому взгляду на театральное искусство.

А как принимаются современным зрителем авангардные постановки? Они разворачиваются как представление, основанное на иной системе эстетических категорий. Основная категория классической эстетики — прекрасное — больше не является центральной, более того, она уходит далеко на задний план. На первом месте — эпатаж, коллаж, ирония с использованием средств, которые вызывают шок, удивление, возмущение, негодование. Для пробуждения чувств зрителя, кажется, любые художественные средства авангарда хороши. Так ли это? Что чувствует зритель, каковы предпочтения завсегдатая и новичка театральных залов? Обратимся к новаторской постановке В.Л. Гурфинкеля «Виндзорские насмешницы». Отзывы зрителей неоднозначны: новая авангардная стилистика действия, западная актерская школа представления, коллажность костюмов и витиеватость логики поведения персонажей ставят в тупик, показывают зрителю его собственную необразованность, неначитанность, неполноценность в сфере современной театральной режиссуры. Поэтому отзывы таковы: «На мой взгляд, «Виндзорские насмешницы» — спектакль на любителя. Моя знакомая ходила, смеялась до упаду, хотя и сказала, что на сцене был абсурд, но СМЕШНОЙ! Для каждого Шекспир свой. Авангард, конечно, тяжело понять. Но Гурфинкелю, честно говоря, верить хочется...» Разочарованных откликов значительно больше: «Я тоже поклонница классического Шекспира с причёсками, костюмами бархатными, поставленной речью актёров и богатым «задником» на сцене. И «Виндзорские насмешницы» мне показались фарсом, достойным утренника в школе, а не драматического театра» [1]. Зритель со стажем выражается более определенно: «Прискорбно, когда театр не в силах поставить произведения ВЕЛИКОГО драматурга с ДОЛЖНЫМ уважением к классику». А вот отзывы современного поколения зрителей: «Наверное, я еще не дорос до постановок такого уровня. Вероятно, то действие, где все люди ходят не на ушах, по нынешним меркам уже и за искусство не считается. Надо, чтоб обязательно на ушах ходили... Не я один ушел после 1 действия. Видимо, этот мир еще не окончательно свихнулся» [1].

Таким образом, авангардная режиссура все-таки остается предметом обсуждения узкого круга специалистов и профессиональных ценителей театрального искусства. Авангардная форма, где используется излишняя метафоричность, гиперболизированность, фарсовость жанра, тяготение к глубокой иронии, усложняет понимание сюжетной линии, поэтому спектакль не пользуется большой популярностью у зрителя, хотя обладает сценической выразительностью и новизной форм.

Возможен ли какой-то третий вариант современной режиссуры? Оговоримся, что искусство театра настолько сложная субстанция, что выделение каких-то течений, направлений всегда выглядит условностью. По-прежнему главным критерием успеха спектакля остается простое чувство: нравится увиденное зрителю или не нравится без всяких дополнительных условий и оговорок, на уровне интуиции, врожденного чувства гармонии. Именно таким является спектакль «Три сестры» в постановке А.А. Огарева. Ожидания зрителя от «хрестоматийного» Чехова разбивались буквально на пятой минуте спектакля: «Тонкий, нежный, изящный спектакль, пронизанный дрожью «Серебряного века»! Ошеломляющая режиссура! Bravo, господин Театр! Какие сёстры! У каждой свой характер, своя печаль и радость! Свой «голос»! И – музыка, и танцы, и жесты – всё ОТТУДА, из нескучного ребячливого Чехова! Ах, как же здорово было смотреть этот талантливейший спектакль, достойный не только быть показанным на «Золотой Маске», но и получить оную! А полёты влюблённых душ над сценой – какой шедевральный ход Режиссёра! Я видела не один десяток «сестёр», но таких вижу впервые! И хочется жить! Хочется верить в русский театр, когда есть такие потрясающие спектакли» [1]. Наиболее типичные оценки режиссуры спектакля – «профессионализм, эмоциональный накал, чувства, красота, вкус, отсутствие скуки».

Да, театр – явление сугубо современное. И у каждого века, даже у каждого десятилетия, – свой театр, свои критерии сценической правды, актерской, сценографической, пластической выразительности. Надеяться на то, что в 21 веке театр останется таким же, каким он был прежде, – бессмысленно. Трансформация системы театральной драматургии и режиссуры неизбежна. Однако пафос данного анализа зрительских предпочтений заключается в следующем. Процессы динамики художественно-выразительных средств любого вида искусства про-

исходят постоянно, имеют свои тенденции и закономерности движения. Новый стиль в искусстве либо отрицает ту систему художественно-эстетических средств, которая была до него, предлагая принципиально другие основания, либо трансформирует прежнюю систему, используя наиболее удачные идеи и изобразительно-выразительные средства создания художественного образа. В любом случае динамику художественных стилей вызывает сложный комплекс внешних и внутренних факторов развития. Учитывать внутренние факторы перемен важнее. Ведь именно они инициируют трансформацию, модернизацию структуры любой системы, будь то театр как центр художественного производства или театр как досугово-развлекательный комплекс.

Источник

<http://www.dramavladimir.ru>

Н.Н. Шестакова,
Санкт-Петербург

Информатизация и интернетизация системы образования и общества как фактор социокультурной модернизации региона

Ключевая роль системы образования в формировании социокультурной модернизации любой территории очевидна и не требует особых пояснений или доказательств. Другим вполне бесспорным фактом является тот, что система образования несет в себе объединительную для всякой территории/региона функцию. Эта функция связана с формированием посредством обучения и воспитания единых (или, по крайней мере, достаточно общих) для населения, проживающего на данной территории, не только базовых знаний, умений и навыков общесоциального и профессионального характера, но и системы как общечеловеческих, так и исторически сложившихся (специфических для данной территории/региона) ценностей. По сути, система образования¹ задает базовую, стартовую точку отсчета в последующей траектории в направлении вектора сохранения, развития или утраты социокультурной идентичности населения, объединенного той или иной территориальной принадлежностью.

Очевидно, что по мере общественного и научно-технического прогресса средства и методы информационного вообще и социокультурного просвещения и развития населения, в частности, не остаются раз и навсегда определенными, застывшими и не подверженными трансформации. Сегодня они активно возникают и энергично распространяются по территориям, проникая, в числе прочих, как в область обыденной жизни, так и в сферу образования. И центральное место среди них занимают, безусловно, информационные технологии.

В этой связи важнейшей задачей, стоящей перед обществом в целом и системой образования как институтом, ответственным на обучение и воспитание граждан, выступает задача преодоления информационного неравенства среди граждан.

¹ Наряду с семьей и средствами массовой информации, занимающими лидирующие позиции в этой сфере.

Очевидно, что помимо усилий, предпринимаемых по приобщению к информационным технологиям и сети Интернет самим населением, существенную роль в этом процессе играют целенаправленные действия государства. Применительно к системе образования в данном контексте следует говорить как о профильных, или, условно говоря, «ведомственных», документах: приоритетном национальном проекте «Образование» и ФЦП развития образования на 2011–2015 годы <и целом ряде других [4, 5, 8]>, так и о соответствующих государственных проектах и программах в других отраслях экономики, в частности в системе российской почтовой связи, а также в пространстве российских публичных библиотек².

Коротко остановимся на этих программах и проектах.

Реализация программы по подключению всех общеобразовательных учреждений России к сети Интернет ПНП «Образование» началась в сентябре 2006 года. Основной ее задачей являлось не столько подключение школ к сети Интернет, сколько обеспечение доступа школьников и учителей на всей территории России к современным информационным образовательным ресурсам³. Для детей это означает обеспечение равных образовательных возможностей, для преподавателей – создание возможностей для повышения профессионального уровня, поиска и использования в учебном процессе новых методик и инструментов преподавания, дополнительных учебно-методических и наглядных материалов.

В результате реализации ПНП «Образование» в течение 2006–2008 гг. всем образовательным учреждениям страны (средним общеобразовательным школам, учреждениям дошкольного и младшего школьного образования, школам-интернатам, оздоровительным образовательным учреждениям санаторного типа, детским домам, специальным учебно-

² Вопросы информатизации были так или иначе отражены в следующих документах: ФЦП «Культура», ФЦП «Социальное развитие села до 2013 года»; Федеральном законе от 06.10.2003 №131 (ред. от 06.12.2011, с изм. от 07.12.2011) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в рамках которого была, в частности, реализована компьютеризация муниципальных библиотек); Федеральном законе Российской Федерации от 29 декабря 2010 года №436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»; Федеральном законе Российской Федерации от 27 июля 2010 г. №210 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»; Федеральном законе Российской Федерации от 9 февраля 2009 года №8 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и некоторых других.

³ Любопытно, что наиболее ранний профильный документ, который нам удалось обнаружить на сайте Министерства образования Российской Федерации, – [9] (за подписью министра В.М. Филиппова).

воспитательным учреждениям для детей и подростков с девиантным поведением, коррекционным школам, школам-интернатам с первоначальной подготовкой, вечерним (сменным) образовательным учреждениям) был обеспечен широкополосный доступ к сети Интернет. Результатом интернетизации школ стало (должно стать) повышение доступности качественного образования [7].

На уровне профессионального образования задача информатизации и формирования единого образовательного пространства на всей территории страны была поставлена значительно раньше. В частности, она была сформулирована еще в федеральной целевой программе «Развитие единой образовательной информационной среды (2001–2005 гг.)», основной целью которой как раз и являлось формирование информационно-технологической инфраструктуры системы образования и расширение использования новых информационных и телекоммуникационных технологий в учебном процессе. В качестве инструмента решения поставленной задачи были выбраны ресурсные центры [6]. Впоследствии эта ФЦП была продлена до 2010 года и стала основой тенденций информатизации образования в национальном проекте «Образование» в программе «Электронная Россия» (2002–2010 гг.) [1]. Кроме того, на Совете по безопасности 25 июля 2007 г. были утверждены «Стратегия развития информационного общества России», «Концепция системной интеграции информационных технологий (ИТ) в высшей школе», «Концепция развития сети телекоммуникаций в системе высшего образования Российской Федерации».

Проект «КиберПочт@», официально начатый 1 августа 2001 года, также направлен на преодоление информационного неравенства в России. Основная задача проекта – предоставить возможность гражданам всех регионов и удаленных уголков страны получить навыки работы на персональном компьютере и доступ во всемирную сеть «Интернет» с использованием пунктов коллективного доступа. По состоянию на 2008 г., в рамках проекта «КиберПочта», на всей территории России действовало более 20 000 пунктов коллективного доступа (ПКД) к сети «Интернет» (из 42 000 объектов почтовой связи в стране) [10].

Расширение доступа населения Российской Федерации к информации происходит отчасти и через систему общедоступных (публичных) библиотек. Однако процесс интернетизации библиотечного пространства не столь интенсивен. Так, по заявлению министра культуры РФ

А. Авдеева, по состоянию на конец 2010 г., только 15% российских библиотек (из 130 тыс.) было снабжено Интернетом, полностью завершить процесс интернетизации библиотек намечено к концу 2013 года⁴[3].

В рассматриваемом контексте следует также упомянуть и о федеральной целевой программе (ФЦП) «Электронная Россия», действовавшей в Российской Федерации в 2002–2010 годах и направленной на внедрение технологий «электронного правительства». Реализация программы должна была обеспечить «кардинальное ускорение процессов информационного обмена в экономике и обществе в целом, в том числе между гражданами и органами государственной власти, повышение эффективности государственного управления и местного самоуправления» [12]. Однако, по состоянию на конец 2010 г., эффективность исполнения программы оценивалась как низкая: в полной мере электронный документооборот между государственными органами, а также электронные коммуникации между государственными органами и гражданами так и не функционировали. А объемный и многословный отчет о выполнении этой ФЦП все-таки не смог скрыть ее логической незавершенности.

Обратимся к Федеральной целевой программе развития образования на 2011–2015 годы. Следует заметить, что в этой ФЦП процесс изменения информационно-содержательного наполнения национального образовательного пространства принял уже вполне осмысленную форму и нашел свое отражение в широком наборе индикаторов (таблица).

Как видно из таблицы, к безусловным достоинствам планов развития образования относятся:

- сосредоточение внимания разработчиков ФЦП на обеспечении равных условий для получения качественного общего среднего образования для детей, имеющих ограниченные возможности здоровья и проживающих в сельской местности, на отдаленных и труднодоступных территориях;
- усилия учительского сообщества по использованию современных образовательных (в т.ч. информационных коммуникационных) технологий в образовательном процессе, а также поддержанию им своего профессионального уровня;

⁴ Отметим, что озвученная министром статистика слабо коррелирует с данными, приведенными, например, главой Совета Федерации 5 февраля 2010 на заседании Совета по государственной культурной политике при председателе Совета Федерации: «Очень плохо обстоят дела с сельскими библиотеками. Между тем для людей они порой – единственное окно в мировое культурное и информационное пространство». Говоря о необходимости полной компьютеризации сельских библиотек, глава верхней палаты российского парламента заметил, что <...> не более 15 процентов сельских библиотек имеют телефонную связь [2].

– усилия по внедрению информационных технологий в процесс контроля знаний учащихся учебных заведений общего среднего образования;

– усилия по внедрению информационных технологий в процесс обеспечения гласности (как формы общественного контроля) относительно деятельности образовательных учреждений.

Динамика целевых индикаторов, характеризующих изменение информационно-содержательного наполнения российского образовательного пространства, %

Наименование индикатора	2011	2012	2013	2014	2015
Доля детей с ограниченными возможностями здоровья и детей-инвалидов, которым созданы условия для получения качественного общего образования (в том числе с использованием дистанционных образовательных технологий), в общей численности детей с ограниченными возможностями здоровья и детей-инвалидов школьного возраста	35	40	50	60	71
Доля учителей, эффективно использующих современные образовательные технологии (в том числе информационные коммуникационные технологии) в профессиональной деятельности, в общей численности учителей	38	46	54	69	85
Доля учителей, участвующих в деятельности профессиональных сетевых сообществ и саморегулируемых организаций и регулярно получающих в них профессиональную помощь и поддержку, в общей численности учителей	10	20	32	45	6
Доля выпускников 9 классов, которые проживают в сельской местности, на удаленных и труднодоступных территориях, и которым предоставлена возможность выбора профиля обучения, в том числе дистанционного или в учреждениях профессионального образования, в общей численности выпускников 9 классов, проживающих в сельской местности, на удаленных и труднодоступных территориях	40	50	65	82	98
Доля обучающихся, получивших оценку своих достижений (в том числе с использованием информационно-коммуникационных технологий) через добровольные и обязательные процедуры оценивания для построения на основе этого индивидуальной образовательной траектории, способствующей социализации личности, в общей численности обучающихся на всех уровнях образования	10	12	14	16	2
Доля семей, имеющих возможность оперативно в электронном виде получать информацию об успеваемости своих детей, в общей численности семей, имеющих детей школьного возраста	5	17	40	78	96
Доля образовательных учреждений, открыто предоставляющих достоверную публичную информацию о своей деятельности на основе системы автоматизированного мониторинга, в общем числе образовательных учреждений	15	25	40	60	80
Составлено автором на основании: [11].					

Наряду с этим укажем и недостатки:

- концентрацию фокуса на доступности образования для учащихся общего среднего образования при выпадении из поля зрения учащихся и студентов начального, среднего специального и высшего профессионального образования;
- полное отсутствие в числе обозначенных в документе индикаторов каких-либо упоминаний о начальном и среднем специальном профессиональном образовании.

Источники

1. Бородина Н.А., Богданова И.Б. Особенности осуществления государственной политики в области информатизации образования в современной России // Инженерный вестник Дона. 2012. №1 (электронный научно-образовательный и прикладной журнал). Доступно на сайте: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n1y2012/635/>
2. Выступление главы Совета Федерации С. Миронова 5 февраля 2010 на заседании Совета по государственной культурной политике при председателе Совета Федерации. Совет по государственной культурной политике рассмотрел вопросы правового регулирования библиотечного дела. Доступно на сайте: http://mkrf.ru/news/press-survey/detail.php?ID=84283&sphrase_id=454254.
3. Интервью министра культуры РФ А. Авдеева 23.12.2010 информационному телеканалу «Россия 24». Доступно на сайте: <http://www.gosbook.ru/news/13339>.
4. Концепция информатизации общества // Вестник РОИВТ. 2000.
5. Концепция информационного образования // Информатика и образование. 2000. № 1.
6. Никитин М.В. Ресурсный центр как функциональная модель непрерывного профессионального образования (методическая рекомендация для системы повышения квалификации). М., 2004.
7. Обеспечение всех российских школ доступом к сети Интернет. Доступно на официальном сайте Министерства образования и науки РФ: <http://mon.gov.ru/pro/pnp0/int/>
8. Президентская программа «Дети России», программа «Компьютеризация сельских школ», программа «Компьютеризация городских и поселковых школ» и др. Доступно на официальном портале Министерства образования и науки: http://obraz.volganet.ru/activity/folder_3/index.html?tcsvr=original
9. Приказ от 17.10.2000 №2976 «О компьютеризации сельских школ и создании единой информационной среды». Доступен на сайте: http://www.edu.ru/db-mon/mo/data/d_00/2976.html
10. Проект «КиберПочт@». Доступно на официальном сайте Почты России: <http://xn---7sbza0acd1kaf3d.xn--p1ai/rp/service/ru/home/uslforpeople/cyberpost>
11. Федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 годы. Доступно на сайте: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2011/305/>
12. ФЦП «Электронная Россия (2002–2010 годы)». Доступно на сайте: <http://minsvyaz.ru/ru/directions/?regulator=40>

Сведения об авторах

РЕГИОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Республика Башкортостан

г. Уфа

Лавренюк Наталья Михайловна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий сектором социального проектирования, ГБНУ Институт социально-политических и правовых исследований

Мажитова Альфира Раисовна – старший научный сотрудник, ГБНУ Институт социально-политических и правовых исследований

Республика Калмыкия

г. Элиста

Муханова Мария Николаевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, заведующий социологической лабораторией, Калмыцкий госуниверситет

Республика Карелия

г. Петрозаводск

Дьяконова Мария Владимировна – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН

Республика Коми

г. Сыктывкар

Колечков Дмитрий Васильевич – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН

Лыткина Татьяна Степановна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН

Мальцева Ирина Станиславовна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН

Носков Владимир Александрович – младший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН

Стыров Максим Михайлович – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН

Шишелов Максим Александрович – аспирант, младший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН

Чеченская Республика
г. Грозный

Юсупов Муса Мовлиевич – кандидат социологических наук, доцент, директор, Центр социально-стратегических исследований

Чувашская Республика
г. Чебоксары

Бойко Иван Иванович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Иванова Наталья Михайловна – научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Семедова-Полупан Нина Григорьевна – кандидат социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальных технологий, Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Тарасов Владимир Тимофеевич – кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономики и корпоративного управления, Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Харитоновна Валентина Григорьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Алтайский край
г. Барнаул

Перекаренкова Юлия Александровна – младший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН

Родионова Людмила Васильевна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН

Рыбкина Ирина Дмитриевна – кандидат географических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт водных и экологических проблем Сибирского отделения РАН

Краснодарский край
г. Краснодар

Донцова Мария Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, научный сотрудник, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН

Зети Полина Петровна – кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН

**Красноярский край
г. Красноярск**

Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой, заведующий отделением социологии и общественных связей, Сибирский федеральный университет

**Пермский край
г. Пермь**

Германов Игорь Анатольевич – кандидат социологических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Петухов Константин Алексеевич – кандидат политических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Плотникова Елена Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, Пермский государственный национальный исследовательский университет

**Архангельская область
г. Архангельск**

Воронина Людмила Васильевна – аспирант, младший научный сотрудник, отдел экономических исследований, Архангельский научный центр Уральского отделения РАН

Губина Ольга Владимировна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Архангельский научный центр Уральского отделения РАН

Кармакулова Анна Вячеславовна – аспирант, младший научный сотрудник, отдел экономических исследований, Архангельский научный центр Уральского отделения РАН

Проворова Анна Андреевна – научный сотрудник, Архангельский научный центр Уральского отделения РАН

**Астраханская область
г. Астрахань**

Жигульская Юлия Артемовна – студентка, факультет педагогики, социальной работы и физической культуры, Астраханский государственный университет

Каргаполова Екатерина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, Астраханский инженерно-строительный институт

Храпов Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Астраханский государственный университет

Владимирская область
г. Владимир

Калмыкова Марина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра социально-гуманитарных дисциплин, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Петросян Дмитрий Ильич – кандидат философских наук, доцент, кафедра социально-гуманитарных дисциплин, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Плеханов Евгений Александрович – доктор педагогических наук, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Филановская Татьяна Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, член-корреспондент МАНПО, заведующий кафедрой художественного образования, Владимирский государственный гуманитарный университет

Волгоградская область
г. Волгоград

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор, Волгоградский государственный технический университет

Вологодская область
г. Вологда

Анисимова Людмила Владимировна – кандидат архитектуры, профессор, Вологодский государственный технический университет

Антонова Мария Андреевна – аспирант, младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Белехова Галина Вадимовна – аспирант, младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Галухин Антон Викторович – младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Евграшина Ирина Алексеевна – заместитель директора, филиал Санкт-Петербургского государственного экономического университета в г. Вологде

Изюмова Лариса Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, начальник отдела научно-исследовательской работы и инноваций, Вологодский государственный педагогический университет

Ильин Владимир Александрович – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Кондакова Наталья Александровна – аспирант, младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Крюкова Ирина Владимировна – старший преподаватель, кафедра экономики и финансов, Вологодский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Ласточкина Мария Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Леонидова Галина Валентиновна – кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Панов Александр Михайлович – аспирант, инженер-исследователь, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Попов Андрей Васильевич – аспирант, младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Разгулина Екатерина Дмитриевна – младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Россошанский Александр Игоревич – аспирант, младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Середа Наталья Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент, Вологодский государственный технический университет

Ускова Тамара Витальевна – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора, заведующий отделом, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Устинова Ксения Александровна – аспирант, младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Шабунова Александра Анатольевна – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора, заведующий отделом, Институт социально-экономического развития территорий РАН

Шафигуллина Юлия Фаритовна – студентка, Вологодский государственный технический университет

г. Череповец

Мехова Альбина Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и социальных технологий, Череповецкий государственный университет

Свердловская область
г. Екатеринбург

Кох Иван Адамович – доктор социологических наук, доцент, профессор, Уральский институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Иркутская область
г. Иркутск

Киреева Юлия Андреевна – инженер, отдел региональных экономических и социальных проблем, Президиум Иркутского научного центра Сибирского отделения РАН

Калининградская область
г. Калининград

Бычкова Юлия Руслановна – аспирант, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

Тяпушова Елена Валерьевна – соискатель, кафедра менеджмента, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

Шеховцева Лидия Семеновна – доктор экономических наук, профессор, кафедра менеджмента, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

Курская область
г. Курск

Когай Евгения Анатольевна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии, Курский государственный университет

Комков Константин Анатольевич – заместитель генерального директора, ООО «ПолиПринт»

Кульсеева Татьяна Гавриловна – кандидат философских наук, доцент, кафедра социальной работы, Курский государственный медицинский университет

Немцев Александр Викторович – главный специалист-эксперт управления по работе с политическими партиями, комитет внутренней политики Администрации Курской области, Курский государственный университет

Пасовец Юлия Михайловна – кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии и политологии, Курский государственный университет

Яцкова Дарина Сергеевна – студентка, Курский государственный университет

Московская область
г. Коломна

Крошилин Сергей Викторович – кандидат технических наук, доцент, кафедра экономики и менеджмента, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт

Медведева Елена Ильинична – кандидат экономических наук, кафедра экономики и менеджмента, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт

Новосибирская область
г. Новосибирск

Кулаев Александр Павлович – кандидат экономических наук, заведующий Новосибирской экономической лабораторией, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН

Мостовая Елена Борисовна – доктор социологических наук, профессор, Новосибирский государственный университет

Смирнова Наталья Евстафьевна – научный сотрудник, отдел социальных проблем, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН

Соболева Светлана Владимировна – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, отдел социальных проблем, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН

Чудаева Ольга Владимировна – научный сотрудник, отдел социальных проблем, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН

Омская область
г. Омск

Арбуз Анна Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

Богомазов Константин Иванович – старший преподаватель, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

Левочкина Наталья Алексеевна – кандидат экономических наук, кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

Половинко Владимир Семенович – доктор экономических наук, профессор, первый проректор, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

Скоромникова Юлия Александровна – студентка, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

Ростовская область
г. Ростов-на-Дону

Лимарева Дарья Александровна – преподаватель, Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Рязанская область
г. Рязань

Рожкова Наталья Викторовна – старший преподаватель, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний

Самарская область
г. Самара

Мартышкин Сергей Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой, Самарский государственный университет

Прохоров Денис Викторович – старший преподаватель, Самарский государственный университет

г. Тольятти

Кудинова Галина Эдуардовна – кандидат экономических наук, доцент, Тольяттинский государственный университет; старший научный сотрудник, Институт экологии волжского бассейна РАН

Шабунин Дмитрий Михайлович – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой управления, Тольяттинский филиал Самарского государственного университета

Юрина Владлена Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент, Поволжский государственный университет сервиса

Смоленская область
г. Смоленск

Винокуров Александр Иванович – кандидат психологических наук, доцент, кафедра менеджмента, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Тамбовская область
г. Тамбов

Панков Сергей Викторович – доктор географических наук, доцент, профессор, кафедра географии, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

Тульская область

г. Тула

Мосин Василий Иванович – кандидат философских наук, доцент, генеральный директор, Тульский социологический центр

Слобожанин Алексей Вячеславович – кандидат философских наук, доцент, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого

Тюменская область

г. Тюмень

Андрианова Елена Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, Институт права, экономики и управления, Тюменский государственный университет

Арбитайло Ирина Яновна – аспирант, Тюменский государственный университет

Ахмедзянова Рузиля Маратовна – старший преподаватель, кафедра менеджмента, маркетинга и логистики, Тюменский государственный университет

Давыденко Владимир Александрович – доктор социологических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой менеджмента, маркетинга и логистики, Тюменский государственный университет

Дашина Яна Николаевна – преподаватель, Финансово-экономический институт, Тюменский государственный университет

Печеркина Ирина Федоровна – кандидат социологических наук, доцент, Тюменский государственный университет

Ромашкина Гульнара Фатыховна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, Финансово-экономический институт, Тюменский государственный университет

Степанова Мария Вячеславовна – аспирант, Тюменский государственный университет

Тарасова Анна Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, кафедра менеджмента, маркетинга и логистики, Тюменский государственный университет

Ужахова Лейла Магомедовна – кандидат экономических наук, доцент, Тюменский государственный университет

Ульяновская область

г. Ульяновск

Галкина Елена Петровна – кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии и политологии, Ульяновский государственный университет

Дергунова Нина Владимировна – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии, Ульяновский государственный университет

Кадничанская Марина Ивановна – кандидат социологических наук, доцент, кафедра социологии и политологии, Ульяновский государственный университет

**Челябинская область
г. Челябинск**

Зырянов Сергей Григорьевич – доктор политических наук, профессор, директор, Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Терещук Екатерина Александровна – кандидат социологических наук, доцент, кафедра экономики и менеджмента, Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Москва, город федерального значения

Алексеев Александр Иванович – доктор географических наук, профессор, географический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Беляева Людмила Александровна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН

Карлова Елена Васильевна – аспирант, географический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Касавина Надежда Александровна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Центр изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН

Клюев Николай Николаевич – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН

Крылов Михаил Петрович – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН

Крылов Петр Михайлович – кандидат географических наук, доцент; главный специалист, Московский государственный индустриальный университет

Лалин Николай Иванович – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, руководитель, Центр изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН

Нефедова Татьяна Григорьевна – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН

Николаев Алексей Евгеньевич – кандидат экономических наук, доцент, докторант, Военный университет Министерства обороны РФ

Покровский Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, заведующий кафедрой, Научно-исследовательский университет, Высшая школа экономики, президент Сообщества профессиональных социологов

Суворова Мария Игоревна – аспирант, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН

Яковенко Лариса Макаровна – научный сотрудник, Институт географии РАН

Санкт-Петербург, город федерального значения

Немировская Анна Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, кафедра методов и технологий социологических исследований, Высшая школа экономики

Скворцова Маргарита Борисовна – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН

Тюlicheва Лидия Дмитриевна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН

Шестакова Наталия Николаевна – кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ

г. Минск

Лашук Ирина Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент, кафедра телевидения и радиовещания, Белорусский государственный университет; заведующий сектором культурных инноваций, Институт социологии Национальной академии наук Беларуси

УКРАИНА

г. Симферополь

Абдурешитова Диляра Ваитовна – студентка, Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

<i>Лапин Н.И.</i> Предисловие	3
-------------------------------------	---

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Ильин В.А.</i> Глобальные вызовы и модернизация России: приоритеты нового десятилетия	7
<i>Лапин Н.И.</i> О стратегии опережающей социокультурно сбалансированной модернизации.....	14
<i>Половинко В.С.</i> Использование методологии социокультурного портрета при разработке долгосрочной стратегии развития региона (на примере Омской области)	39
<i>Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г.</i> Угорский проект Сообщества профессиональных социологов. Новые социальные смыслы окружающей среды (База СОПСО, село Угоры).....	55
<i>Шабунова А.А., Ласточкина М.А.</i> Роль пространства в модернизации России	66
<i>Ромашкина Г.Ф., Давыденко В.А.</i> Экономические механизмы формирования социальной структуры: модернизация или архаизация?	73
<i>Беляева Л.А.</i> Социальный капитал в регионах России: содействие или препятствие модернизации?	84
<i>Когай Е.А.</i> Динамика модернизационных процессов регионов Центрального Черноземья	98
<i>Кулаев А.П.</i> Роль и возможности органов местного самоуправления в формировании социокультурных основ инновационного развития общества и экономики.....	109
<i>Немировский В.Г.</i> Личностный смысл термина «модернизация» для населения крупного сибирского региона (на материалах исследований в Красноярском крае)	115

**Секция №1. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ**

<i>Алексеев А.И.</i> Социально-географические аспекты эволюции сельской местности России в постсоветский период	121
<i>Анисимова Л.В.</i> Социокультурный потенциал города. Мониторинг 5-ти открытых пространств Вологды	125
<i>Арбуз А.В.</i> Анализ уровня модернизации в Омской области	135
<i>Винокуров А.И.</i> К программе регионально-страновых сопоставлений «Социокультурный портрет Российско-белорусского приграничья» (по материалам Смоленской области)	156
<i>Дашина Я.Н.</i> Обеспечение прав и свобод граждан в Тюменском регионе (по материалам социокультурного мониторинга)	164
<i>Дергунова Н.В.</i> Проблемы изучения динамики развития гражданского общества (региональный аспект)	175
<i>Дьяконова М.В.</i> Перспективы развития этнопоселений (на примере Республики Карелия)	187
<i>Донцова М.В., Зети П.П.</i> Протестная активность населения Юга России как вызов инновационному развитию региона	193
<i>Зырянов С.Г., Терещук Е.А.</i> Доверие институтам власти и потенциал протестных настроений в Челябинской области	198
<i>Изюмова Л.В.</i> Социокультурная трансформация северной деревни в 1930–1960-х годах	208
<i>Касавина Н.А.</i> Типы модернизованности регионов Центрального федерального округа	213
<i>Колечков Д.В.</i> Перспективы развития социокультурной системы северных регионов России	223
<i>Кондакова Н.А.</i> Реализация программы модернизации здравоохранения: региональный аспект	229
<i>Кох И.А.</i> Роль малого предпринимательства в стратегии модернизации России	236
<i>Крылов П.М.</i> Транспортная система региона и перспективы социально-экономической модернизации (на примере Самарской области)	248
<i>Крюкова И.В.</i> Потенциал развития религиозного туризма в Вологодской области	254
<i>Кульсеева Т.Г.</i> Проблемы модернизации системы социальной защиты в регионе (на примере Курского областного социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних)	260
<i>Лавренко Н.М.</i> Стратегия модернизации кадрового потенциала науки Республики Башкортостан	266
<i>Лашук И.В.</i> Социокультурные процессы в современном белорусском обществе	271
<i>Левочкина Н.А., Скоромникова Ю.А.</i> Организационно-управленческие проблемы современных учреждений культуры (на примере Омской области)	277

<i>Лыткина Т.С.</i> Сельская кооперация и практики взаимопомощи в XXI веке: причины, проблемы и перспективы самоорганизации селян в постсоветской России	283
<i>Мальцева И.С.</i> Предпосылки и условия формирования аграрного кластера в северном регионе	286
<i>Мехова А.А.</i> Современные технологии социального участия в модернизации региона	293
<i>Мосин В.И.</i> Экономическая безопасность как основа модернизационного развития Тульской области.....	299
<i>Петухов К.А., Плотникова Е.Б.</i> Динамика процессов модернизации регионов России	309
<i>Печеркина И.Ф.</i> Самоидентификация в процессе конструирования социальной реальности	314
<i>Разгулина Е.Д.</i> Социализация бизнеса как необходимое условие развития регионов России	322
<i>Семедова-Полупан Н.Г.</i> Об основных стратегических направлениях социокультурной модернизации Чувашии	328
<i>Середа Н.Д.</i> Экспертсорсинг как инновационная технология прогнозирования развития региона.....	331
<i>Стыров М.М.</i> Экономическое развитие: размышления о целях и ценностях	337
<i>Храпов С.А., Жигульская Ю.А.</i> Кризис общественного сознания как социокультурный фактор ограничения модернизации современной России	346
<i>Юсупов М.М.</i> Социокультурные изменения в городском пространстве.....	354
Сведения об авторах.....	361

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Секция №2. ФАКТОРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ РОССИИ

<i>Бойко И.И., Харитонова В.Г.</i> Социальное самочувствие жителей Чувашии как фактор социокультурной модернизации.....	384
<i>Губина О.В.</i> Исследование социальных аспектов функционирования природно-ресурсных отраслей в регионе	394
<i>Иванова Н.М.</i> Социально-территориальная идентификация жителей столицы Чувашии	399
<i>Калмыкова М.В.</i> Влияние кризиса 1998 года на трудовую мобильность населения Владимирской области	409
<i>Карлова Е.В.</i> Отражение образа жизни в территориальной самоидентификации локального сообщества в сельской местности Центральной России	419

<i>Кармакулова А.В., Воронина Л.В.</i> Занятость коренных малочисленных народов Севера: проблемы и перспективы	425
<i>Киреева Ю.А.</i> Модернизация здравоохранения в Байкальском регионе	432
<i>Клюев Н.Н., Яковенко Л.М.</i> Пореформенная Россия: геоэкологические проблемы	436
<i>Комков К.А.</i> Восприятие имиджевой политики региона населением в контексте модернизации	442
<i>Крылов М.П.</i> Социокультурная модернизация и региональная идентичность населения исторического ядра Европейской России	453
<i>Мажитова А.Р.</i> Развитие интеллектуального капитала Республики Башкортостан в условиях модернизации	459
<i>Мартышкин С.А.</i> Этнический состав населения региона (на примере Самарской области)	470
<i>Мостовая Е.Б.</i> Социальная дифференциация: поселенческий ракурс.....	474
<i>Муханова М.Н.</i> Республика Калмыкия: особенности социально-экономического положения	484
<i>Немировская А.В.</i> Миграционная ситуация в регионах Сибири: общественные настроения и статистические данные	495
<i>Панков С.В.</i> Модернизация и социально-экономический статус системы сельских поселений Тамбовской области	503
<i>Петросян Д.И.</i> Социологические аспекты религиозной самоидентификации населения Владимирской области	509
<i>Плеханов Е.А.</i> Структура ценностей населения Владимирской области	519
<i>Прохоров Д.В.</i> Средний класс Самарской области: эмпирический анализ самоидентификационных признаков	527
<i>Россошанский А.И.</i> Материальное положение жителей Вологодской области.....	536
<i>Рыбкина И.Д.</i> Демографические оценки социокультурной модернизации сибирских регионов в XX веке	542
<i>Слобожанин А.В.</i> Модернизационные процессы в Тульской области в первое десятилетие XXI века	554
<i>Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.</i> Оценка угроз в формировании демографического потенциала городов Сибири	560
<i>Тарасов В.Т.</i> Качество жизни населения Чувашии в контексте социокультурного портрета.....	564
<i>Тарасова А.Н., Арбитайло И.Я.</i> Медицинское обслуживание в Тюменской области: проблемы и направления развития	576
<i>Филановская Т.А.</i> Зрительские предпочтения спектаклей как внутренний фактор модернизации российского театра	583
<i>Шестакова Н.Н.</i> Информатизация и интернетизация системы образования и общества как фактор социокультурной модернизации региона	588
Сведения об авторах.....	594

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Круглый стол №1. ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА «МОДЕРНИЗАЦИЯ» И РАЗВИТИЕ ИНСТРУМЕНТАРИЯ «СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ РЕГИОНА»

<i>Антонова М.А.</i> Социокультурные показатели в системе оценки устойчивого развития регионов	616
<i>Богомазов К.И.</i> Развитие инструментария социокультурного портрета для разработки стратегии модернизации на уровне региона.....	624

Круглый стол №2. МОТИВАЦИЯ ТРУДА, МОЛОДЕЖЬ И РАЗВИТИЕ РЕГИОНА

<i>Андреанова Е.В.</i> Сравнение трудовых мотивов выбора работы в прожективной ситуации жителей Тюменской области.....	637
<i>Галкина Е.П., Кадничанская М.И.</i> Мотивация трудовой деятельности молодежи как аспект модернизации региона	643
<i>Евграшина И.А.</i> Человеческий капитал молодежи как фактор инновационного развития	650
<i>Леонидова Г.В., Устинова К.А.</i> Занятость молодежи как условие модернизации социально-трудовой сферы	654
<i>Медведева Е.И., Крошилин С.В.</i> Молодежь и экономика знаний.....	665
<i>Немцев А.В.</i> Коммуникация органов власти и регионального сообщества в сети Интернет.....	672
<i>Суворова М.И.</i> Культурно-нравственный потенциал молодежи и его влияние на развитие регионов России	677
<i>Тюличева Л.Д.</i> Влияние процессов модернизации профессионального образования на социально-культурное развитие регионов России	684

Круглый стол №3. МОДЕРНИЗАЦИЯ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ

<i>Германов И.А., Плотникова Е.Б.</i> Социокультурные условия инновационных процессов в малых городах Пермского края	689
<i>Когай Е.А., Яцкова Д.С.</i> Инновационная активность в Курской области	699
<i>Крошилин С.В., Медведева Е.И.</i> Информационно-коммуникационные технологии и экономика знаний	706
<i>Кудинова Г.Э.</i> Социокультурная модернизация на основе инновационных подходов ...	713
<i>Лимарева Д.А.</i> Особенности оценки уровня экономики знаний	718
<i>Николаев А.Е.</i> Кластерный подход к инновационному развитию российского оборонно-промышленного комплекса: региональный аспект.....	720

<i>Ужахова Л.М.</i> Состояние и кадровое обеспечение научно-технической и инновационной деятельности в Тюменской области.....	726
<i>Шабунин Д.М.</i> Процессы инновации и модернизации Самарской области: этапы и стадии	734
<i>Юрина В.С.</i> Инновационное развитие Самарской области.....	742

Круглый стол №4. МОДЕРНИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ

<i>Абдурешитова Д.В.</i> Анализ потенциала развития альтернативной энергетики в России и Украине	747
<i>Ахмедзянова Р.М.</i> Потребительские предпочтения в современном ритейле: региональный аспект	751
<i>Белехова Г.В.</i> Особенности сберегательного поведения населения как одного из аспектов региональной конкурентоспособности	756
<i>Галухин А.В.</i> Территориальная бюджетная система как фактор региональной конкурентоспособности	762
<i>Носков В.А., Шишелов М.А.</i> Эффективность использования лесных ресурсов региона	769
<i>Панов А.М.</i> Возможности повышения экономической активности населения Вологодской области	776
<i>Пасовец Ю.М.</i> Роль частной инициативы в экономической модернизации российских регионов	782
<i>Попов А.В.</i> Анализ эффективности трудового поведения населения как фактора конкурентоспособности регионов	791
<i>Проворова А.А.</i> Механизмы оценки политики воспроизводства трудового потенциала региона	800
<i>Родионова Л.В., Перекаренко Ю.А.</i> Развитие трудового потенциала сельских территорий в условиях модернизации.....	805
<i>Рожкова Н.В.</i> Необходимость внедрения результатов логистических научных исследований в деятельность компаний по оказанию туристских услуг	810
<i>Скворцова М.Б.</i> Человеческий потенциал и инновационное развитие России.....	815
<i>Степанова М.В.</i> Инновационный потенциал как фактор повышения конкурентоспособности региона	819
<i>Ускова Т.В.</i> Инновации — главный фактор модернизации и конкурентоспособности экономики.....	827
<i>Шафигуллина Ю.Ф.</i> Имиджевая составляющая конкурентоспособности муниципального образования	834
<i>Шеховцева Л.С., Бычкова Ю.Р., Тяпушова Е.В.</i> Многоуровневая система интегральной оценки конкурентоспособности регионов.....	839
Сведения об авторах.....	846

Научное издание

**ЭВОЛЮЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ
И СТРАТЕГИИ ИХ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ**

**Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции
по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов»
(г. Вологда, 23–26 октября 2013 г.)**

Часть вторая

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова Е.С. Нефедова
Корректор	Н.С. Киселева

Подписано в печать 04.10.2103.
Формат 70×108¹/₁₆. Печать цифровая. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 20,3. Тираж 200 экз. Заказ № 286.

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН
Тел. (8172) 59-78-03, e-mail: common@vscc.as.ru

ISBN 978-5-93299-237-1

9 785932 992371